

-
- [Руководство по гомилетике](#)
 - [Глава: ТЕОРИЯ ГОМИЛЕТИКИ. Сущность и значение предмета гомилетики](#)
 - [Глава: Что такое проповедь?](#)
 - [Проповедь как вид ораторства, или красноречия](#)
 - [Проповедь как исполнение церковно-религиозного служения](#)
 - [Глава: О содержании проповедей. Различные виды проповедей](#)
 - [Омилия, или изъяснительная беседа](#)
 - [Слово, черпающее содержание из идеи церковного года](#)
 - [Катихизическое поучение](#)
 - [Проповедь на современные темы \(публицистическая\)](#)
 - [Глава: О характере проповедей](#)
 - [Церковно-библейский дух, или характер проповеди](#)
 - [Популярность проповеди](#)
 - [Глава: О приготовлении проповедей](#)
 - [Глава: ИСТОРИЯ ИСПОВЕДНИЧЕСТВА.](#)
 - [Глава: Знаменитые проповедники христианской церкви древнего периода](#)
 - [Глава: Знаменитые проповедники российской православной церкви](#)

Введение

Содержание

[Предисловие](#)

Предисловие

Предлагаемое нами «РУКОВОДСТВО ПО ГОМИЛЕТИКЕ» представляет собою конспективно изложенный курс лекций, читанных нами в 1941 году в Белграде на открытых там тогда, по благословению Высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия, Пастырско-Миссионерских Курсах, а затем, в 1951—1959 гг., в Свято-Троицкой Духовной Семинарии при Свято-Троицком монастыре близ селения Джорданвилль в штате Нью-Йорк, США.

В основу «Руководства» положен прекрасный труд выдающегося профессора Киевской Духовной Академии и глубоко верующего православного христианина Василия Феодоровича Певницкого под заглавием: «Церковное красноречие и его основные законы» — С.-Петербург, 1908. Этот труд, явившийся плодом изучения всех вышедших до того времени руководств по гомилетике, является последним по времени в нашей дореволюционной гомилетической науке и, как нам кажется, несомненно лучшим и до сего времени непревзойденным трудом, живо и убедительно, в строго православном освещении знакомящим нас с основными законами церковного проповедничества. В этом причина широких заимствований, сделанных нами из этого труда, вплоть до самого метода распределения материала.

В значительно меньшей степени использованы нами и другие руководства по гомилетике, а также многополезный «Сборник проповеднических образцов» преподавателя Донской Духовной Семинарии Платона Дударева (С.-Петербург, 1913) и книга проф. В. В. Сиповского: «История русской словесности», ч. 1, вып. 2.

Мы будем глубоко благодарны Богу, если этот наш труд окажется полезным для всех

готовящихся к принятию высокого сана священства, а также и для священнослужителей, ревнующих о том, чтобы проповедь их была действительно живым и действенным словом, а не одним лишь отбыванием формальной повинности, что всегда так губительно отражается на успехе пастырского служения вообще.

Епископ АВЕРКИЙ

Глава: ТЕОРИЯ ГОМИЛЕТИКИ. Сущность и значение предмета гомилетики

Гомилетика — это наука, имеющая ближайшее отношение к пастырскому служению. В прежние времена, когда еще не был достаточно ясно установлен объем науки пастырского богословия и когда считали, что пастырство — это не более как совокупность известного рода прав и обязанностей, многие высказывали мысль, что пастырское богословие не может считаться наукой и изучение пастырского богословия как науки должно быть заменено просто выдачей особой должностной инструкции пастырям, которую каждый пастырь получает при вступлении в свою должность. В числе же пастырских обязанностей находится обязанность учить своих прихожан, наставлять и утверждать их в истинах св. Христовой веры. Вот эта-то учительская обязанность пастыря и является предметом науки гомилетики. Таким образом, гомилетика — это есть наука о церковном красноречии, или проповедничестве.

При существовавшем прежде взгляде, что пастырское служение есть не более как совокупность ряда обязанностей, именно обязанности учительства, священнодействия и управления, значение пастырского богословия как науки отвергалось и на первом месте в ряду специально пастырских наук ставилась гомилетика; к ней же обычно, как некое дополнение, присоединялось так наз. «Пастырское учение» или «Пастырские сведения» в духе нашей «Книги о должностях пресвитеров приходских», составленной во второй половине XVIII века. Сама же гомилетика излагалась весьма схоластично: главное внимание обращалось на строгое соблюдение чисто внешних форм и правил при составлении проповеди. Образцовой, идеальной проповедью и считалась именно такая проповедь, которая была составлена с соблюдением всех этих внешних формальных правил.

Со времени же митрополита Антония (Храповицкого), который первым в своих лекциях по пастырскому богословию ясно указал, что пастырское служение — это не есть только совокупность известных прав и обязанностей, но «единая цельная внутренняя настроенность» духа человеческого, облагодатствованного специальным даром в таинстве священства, и что успех пастырской деятельности зависит именно от этой настроенности, а следовательно, и учительство пастыря, его проповедническая деятельность также зависит прежде всего от этой именно пастырской настроенности, и предмет гомилетики приобретает особый дух и значение, далекие от прежней формалистичности и схоластики. Теперь мы уже ясно видим, что не пастырское богословие как некое малозначительное дополнение надо присоединять к гомилетике, а, наоборот, вся гомилетика скорее должна рассматриваться как вспомогательная наука к науке пастырского богословия, ибо проповедничество, учительство есть часть пастырского служения, и оно постольку может быть успешным, поскольку проистекает из общей должной настроенности пастыря как человека, облагодатствованного особым благодатным пастырским даром.

Несмотря, однако, даже на эту новую точку зрения в отношении гомилетики, многие и до сих пор, придерживаясь прежнего взгляда на эту науку как порождение схоластики, стараются возражать против ее значения в деле церковного учительства. Говорят обыкновенно, что проповедь — это есть плод свободного вдохновения пастыря и нельзя это вдохновение стеснять и ограничивать какими-либо внешними формальными правилами. Надо дать свободу проповеднику высказываться так, как он хочет, как подсказывает ему его пастырская совесть. Но нынешняя гомилетика вовсе и не думает как-либо стеснять или подавлять разумное истинное вдохновение пастыря. Совсем напротив, как мы увидим далее, современная

гомилетика учит, что именно это вдохновение имеет главную цену в проповеди и более всего обеспечивает успех дела проповедника. Гомилетика и учит как раз тому, чтобы проповедь была «живым словом», приносящим плод в душах слушателей, а не одним лишь бесплодным сотрясением воздуха. Не все люди и не в одинаковой мере от природы имеют дар красноречия и внутреннее чутье, подсказывающее им, как надо говорить, чтобы не быть только «медью звенящей, кимвалом звучащим» ([1 Кор. 13:1](#)). Этому надо учиться. И вот гомилетика приходит на помощь тем, кто желает проповедовать с толком, предлагая им необходимые советы и правила. Не внешние формальные правила, как это было раньше, а именно советы, руководственные указания, которых надо придерживаться, чтобы проповедь была разумным, живым словом, приносящим свой плод в душах слушателей. Иными словами, эта наша гомилетика заботится не о внешней формальной стороне составления проповедей, не о самой проповеди как таковой, а о том действии, какое проповедь произведет на слушателей.

Досадно и больно бывает видеть, как при появлении проповедника на амвоне некоторые, иногда даже многие, прихожане тотчас же поворачиваются и уходят из церкви. Конечно, объясняется это часто нецерковностью прихожан, равнодушных к пастырскому слову, но нередко вина лежит на самом проповеднике, кроется в его собственной теплохладности. Уходят из церкви тогда, когда чувствуют, что уста пастыря не от полноты сердца глаголят, а что проповедь для него — это только механическое отбывание повинности, не больше. Как бы хорошо с внешней стороны проповедь ни была составлена, какими бы художественными достоинствами ни отличалась, сколь бы умно и продумано ни было ее содержание, но если она не находит отзвука в сердцах прихожан, то прихожане в лучшем случае из вежливости прослушают ее до конца, подивятся, может быть, искусству проповедника, если проповедь была составлена хорошо и если он не лишен дара красноречия, но должного действия на них такая проповедь не окажет и они останутся такими же равнодушными, теплохладными, как равнодушен и теплохладен сам проповедник. «Говорит потому, что должен это говорить» — так подумают они о проповеднике в глубине своего сердца, слушая такую проповедь.

Для того чтобы проповедь была сильной и действенной, нужно, во-первых, чтобы она не была для пастыря механически исполняемой служебной обязанностью, а проистекала бы из глубины сердца, исполненного духом пастырской любви к своим пасомым, а во-вторых, чтобы подготавливая свою проповедь для произнесения, пастырь не уходил бы от действительности в отвлеченные сферы бытия, но всегда бы сообразовался с целым рядом условий, которые бы сделали его проповедь не мертвым отвлеченным рассуждением, далеким от действительной жизни, но живым и действенным словом.

Изложить все эти условия, делающие проповедь живыми действенным словом, и научить проповедника, как и когда, при каких обстоятельствах применять эти условия, разумно пользоваться ими, дабы проповедь достигала своего назначения, — это и составляет главную задачу нашей науки, называемой гомилетикой.

Глава: Что такое проповедь?

Первый вопрос в гомилетике — это: «Что такое проповедь?»

Необходимо прежде всего с определенностью уяснить себе, что должно считаться проповедью, а что не является ею. От точного установления этого понятия зависит все развитие гомилетических правил. Некоторые наши ученые гомилеты, как, например, Амфитеатров и прот. Фаворов, называют проповедь «церковным собеседованием». Это — очевидная неточность. Называя проповедь «собеседованием», мы тем самым не выражаем вполне определенно существа и характера ее и не обнимаем всех видов ее. В первые времена христианства, может быть, проповедь и была скорее собеседованием, когда в небольших общинах при собрании верующих не один говорил при молчаливом внимании прочих, а многие вступали в беседу с главным наставником и руководителем беседы, прося у него разъяснения, высказывая свои недоумения, предлагая дополнения к сказанному другим. В настоящее же время проповедник выступает перед народом, как оратор, и народ молча слушает его, как слушает всякого оратора; никто его не прерывает и не вступает с ним в беседу. Таким образом очевидно, что в теперешнее время проповедь — это вовсе не собеседование, а речь к народу и перед народом. Как речь к народу, проповедь по форме своей подпадает под понятие «ораторства» и составляет вид ораторских произведений. Многим такое понятие о проповеди не по душе. Под «ораторством» как-то привыкли понимать речь искусственную, отличающуюся внешним изяществом изложения. А проповедь, говорят, должна отличаться евангельской простотой и безыскусственностью. Но ораторство по существу ведь есть всего-навсего определенный вид словесных произведений и внешнее изящество стиля вовсе не является его главным отличительным признаком. Это — вульгарное представление об ораторстве. Сила ораторства вовсе не во внешней искусственности, а во внутренней энергии и правде слова. Далее мы увидим, что нет никакого греха считать проповедь видом ораторского произведения, а пока перейдем к дальнейшему выяснению понятия «проповедь». Итак, проповедь есть речь к народу и перед народом. Речь о чем? Посылая апостолов проповедовать, Господь Иисус Христос повелел им говорить то же, с чего и Сам начал Свою проповедь: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» ([Мф. 4:17](#)). (Апостольская проповедь: [Мф. 10:7](#); [Лк. 9:2](#)). О Себе Господь в Евангелии от Луки (гл. 4:19) Сам говорит словами пророка, что Дух Господень помазал Его благовествовать нищим... проповедовать лето Господне благоприятное.

Таким образом, как мы видим, существо проповеди Господа Иисуса Христа, а затем Его апостолов и заключается в благовествовании о наступлении Царствия Божия, или, что то же, о нашем спасении, и о покаянии как о главном условии нашего спасения, условии вступления в это Царствие Божие. Принесши благовестие о нашем спасении и проповедуя Евангелие о Царствии Божием, Господь повелел сначала апостолам, а в лице их всем их преемникам — пастырям неумолкаемо проповедовать это Евангелие, возвещая о приближении Царствия Божия и об условиях вступления в это Царствие.

Таким образом, наша нынешняя проповедь — это есть не что иное, как продолжение дела Христова — раскрытие Его евангельского учения. И мы видим из книги Деяний апостольских, как точно апостолы выполняли эту данную им Господом миссию. Где бы и когда они ни говорили, они всегда призывали людей к покаянию как необходимому средству, чтобы унаследовать уготованное им Господом спасение. Вспомним замечательные речи ап. Петра после сошествия Св. Духа ([Деян. 2:14—41](#)) и после исцеления хромого от рождения ([Деян. 3:12—26](#)). Все эти речи, как и вся последующая проповедь свв. апостолов, своей единственной темой имели благовествование о нашем спасении и об условиях этого спасения. Таковой

должна быть и наша современная проповедь. Конечно, каждая отдельная проповедь не может обнимать всего евангельского учения о спасении и о средствах его приобретения. Но всегда, какого бы частного предмета она ни касалась, она должна иметь непосредственную связь с этим главным и средоточным пунктом христианского учения — учением о спасении. Коль скоро проповедь потеряет эту связь и главной темой ее станет какой-либо иной предмет, она уже перестанет быть проповедью христианской.

Отсюда ясно вытекает точное определение нашей проповеди.

Проповедь — это есть возвешение евангельского учения о нашем спасении в живой речи перед народом.

Таким образом, понятие о проповеди включает в себя две стороны, с которых она может быть рассматриваема:

1) сторона ораторская — как речь к народу, проповедь является видом ораторских произведений и естественно подпадает законам, обязательным для всякого ораторского произведения.

2) сторона церковно-религиозная — тут проповедь, как возвешение евангельского учения о нашем спасении, является выполнением религиозного служения, возложенного Самим Господом Иисусом Христом на апостолов и их преемников — пастырей.

С этих двух сторон мы и должны рассмотреть те основные гомилетические законы, которым должен подчиняться проповедник в своей практике, если желает проповедовать с успехом.

Проповедь как вид ораторства, или красноречия

Ораторство, или красноречие, вовсе не есть искусственное явление, как обычно принято думать. Оно естественно является в нашей повседневной жизни, и проявление его можно наблюдать всюду. Оно имеет аналогию с обыкновенным возвышением нашего голоса ввиду каких-либо обстоятельств, действующих на наши нервы.

Например, человек беззаботно идет по дороге, не видя угрожающей ему опасности. Нас это волнует, и мы, возвышая голос, предупреждаем его о том, что ему грозит опасность. Кто-нибудь упал в воду: мы поднимаем крик, желая, чтобы окружающие пришли на помощь утопающему. Но это только частные единичные случаи. Если мы перенесем мысль к более широким, важным и значительным интересам, касающимся судьбы целого общества или даже целого народа, то увидим, как обыкновенная речь становится речью красноречивой. Вот, например, отечество в опасности, а сограждане наши этого не замечают и предаются беспечности. Мы ясно видим и сознаем эту опасность. Для того чтобы убедить в этом наших сограждан и открыть им глаза на истинное положение вещей, мы прибегаем к речи красноречивой.

Всякое более или менее сильное выражение наших мыслей, чувств и желаний в живой речи перед народом, вызываемое влечением сердца, потребностями минуты и нуждами народа и имеющее в виду благо этого народа, — это и есть ораторское красноречие.

Для того чтобы речь была не обычной речью, но ораторством, или красноречием, она должна обладать следующими качествами:

- 1) Оратор должен быть воодушевлен предметом своей речи.
- 2) Красноречие всегда отличается публичностью, общественным характером, оратор обращается непременно к народу;
- 3) Речь должна иметь живой общественный интерес;
- 4) Выступая с речью, оратор должен иметь в виду определенную цель, которой он желает достигнуть, заставив слушателей принять то или иное решение;
- 5) Ораторство называют «действованием в слове». Когда говорит оратор, он так же действует словом, как другой действует мечом или другим каким-либо орудием. Он является общественным деятелем в полном смысле этого слова, ибо он хочет другим людям передать, внушить то, что считает нужным и полезным, желает, чтобы выработанные им взгляды и воззрения вошли в жизнь других людей и осуществились в практической действительности.
- 6) Работа оратора более сложная, чем работа ученого мыслителя-теоретика или работа поэта. От теоретического ученого произведения требуется лишь здравая, светлая мысль, здесь все дело в уме, от поэта требуется способность художественного воображения, его область — чувство. Для оратора нужно и то и другое — светлый ум и художественное чувство, но одного этого мало: мысль не должна являться в виде холодного отвлеченного рассуждения, а одно художественное воображение и поэтическое излияние чувств недостойно оратора, ибо внимание его должно быть направлено к практической сфере: его задача — склонить слушателей к определенному решению, побудить их к определенным действиям. Это требует особого напряжения воли оратора, которое должно чувствоваться в речи и передаваться слушателям. Эта воля собирает все силы души и мысли и чувства, чтобы произвести большее впечатление на слушателей и заставить их принять желаемое оратором решение. Отсюда мы видим, какой сложной душевной работой отличается ораторское произведение.

Древние знаменитые риторы эту сложную работу оратора выражали в следующей формуле. У оратора, по их словам, три обязанности по отношению к слушателям: «docere, delectare, movere» — учить, нравиться, трогать. «Docere» выражает собою учительный элемент — это

основательное умственное суждение о предмете; этим элементом ораторство соприкасается с философией и вообще с прозой, преследующей цели знания. Обязанность «delectare» — вводить художественный элемент, действующий на чувство слушателей; через него ораторство соприкасается с поэзией. Но самый главный, специально ораторский элемент, о чем мы уже упоминали, это «movere». Это элемент волевой, нравственный, пафос, понимаемый в благородном смысле этого слова. Оратор должен проявить всю энергию своей собственной души, дабы тронуть и увлечь своим словом слушателей.

В совершенном ораторском произведении все эти три элемента должны проявляться в гармоническом единении. Но не всякий оратор придает одинаковое значение всем этим трем элементам. Обыкновенный поверхностный вульгарный взгляд красноречивым словом считает речь, как мы уже упоминали, отличающуюся внешней художественностью, красотой и изяществом стиля, речь, которая обольщает и ласкает слух, доставляет эстетическое удовольствие слушателям. Это как раз то, что древние риторы выражали словом «delectare». Но, конечно, такая речь оратора, которая отличается только внешней красотой и служит ласканию слуха слушателей, является для них забавой и удовольствием, не может иметь практического значения и только унижает цену и достоинство ораторского произведения.

Другие главной обязанностью оратора считают «docere» — учить. Но этого недостаточно. Конечно, в речи весьма важно здоровое суждение, здравый образ мыслей. Если я хочу расположить людей делать что-либо, я, конечно, должен наперед ясно раскрыть всю суть дела, дабы им не оставалось ничего непонятного. Иначе как они могут делать то, чего толком не знают? Но одного умного рассуждения для истинно ораторской речи мало.

Нужно «тронуть», «вдохновить» слушателей, заразить их своим собственным вдохновением, подъемом духа, то есть сделать то, что древние риторы выражали словом «movere». Истинным влиятельным оратором может быть только тот, кто в состоянии тронуть слушателей и подействовать на их волю. Об этом выразительно говорит знаменитый оратор древности Цицерон: «Кто не признает, что из всех достоинств оратора самое большое достоинство — способность воспалять душу слушателей и склонять их к тому, чего требует дело, и что кто не имеет этой способности, тому недостает главного в ораторстве».

Итак, главное в ораторстве — это воодушевление: то особое возбуждение души, которое передается другим людям и возбуждает их волю к совершению тех или иных поступков. Для обозначения такого возбуждения души оратора существует особый технический термин - слово, взятое из греческого языка: «пафос». Речь, произнесенная в таком состоянии, называется «патетикой», или речью «патетической». Но этот пафос непременно должен быть искренним, а не деланным, напускным. Оратор должен быть искренно воодушевлен, захвачен до самых глубин души предметом своей речи, а напускной или деланный пафос, который является тогда, когда нет настоящего искреннего пафоса, не может его заменить. Фальшь этого искусственного, деланного пафоса почти всегда чувствуется слушателями, и такая речь не может иметь успеха: она не произведет надлежащего действия и впечатления на слушателей.

Но не всякое и искреннее одушевление одинаково имеет цену и может действовать на слушателей. Истинное глубокое одушевление имеет цену тогда, когда возбуждается предметом высокой важности и преследует многозначительную цель. Иными словами, в основании ораторского одушевления должна лежать высокая идея, идея блага, нравственная идея.

Главное дело оратора — убеждать, но не просто убеждать в чем-либо, а убеждать к совершению дела важного и для всех нужного, спасительного, приносящего для всех несомненное благо. Исходя из этого соображения, все древние риторы требовали от оратора доброго нравственного направления. По выражению Квинтилиана, «*nemo orator nisi vir bonus*», то есть истинным оратором может быть только добрый, или нравственный, человек. Человек, не

отличающийся добрым нравственным направлением, на кафедре оратора может быть только пустым ласкателем, может служить низким целям, быть проводником фальшивых или лживых идей, вредных для блага народа, и таким образом, по мнению древних, он только унижал бы высокое дело красноречия. Это было бы злоупотреблением, изменой истинному ораторскому искусству.

Итак, кто же, по определению еще древних риториков, может быть настоящим оратором?

Всякий человек с живою душою, способный чувствовать добро и носящий в себе горячее желание содействовать благу своих ближних, особенно ввиду могущих им угрожать опасностей.

Не может быть оратором вялая, теплохладная душа, которая холодно и равнодушно относится к самым возвышенным интересам и безразлична к судьбе своих ближних. Такой человек может многое знать и даже красиво и умно говорить о разных предметах, но его речь всегда будет лишена вдохновения и не в состоянии будет оказать сильного действия на души слушателей, она будет, по образному выражению Слова Божия, как «медь звенящая», «кимвал звучащий».

Как же мы можем применить эти основные законы красноречия к церковной проповеди? Имеют ли они значение в деле церковного проповедничества? Без сомнения, имеют. Прежде всего каждому проповеднику необходимо помнить, что внешняя художественность слова не должна стоять у него на первом плане и не о ней он первым долгом должен заботиться. Правда, изящное, красиво сказанное слово может усилить действенность проповеди, но внешняя форма для проповедника не цель, а только средство, способствующее достижению цели, а если он на нем одном сосредоточит все свое внимание, то остановится на полдороге, изменит своему назначению и не достигнет того, к чему стремится. Хорошо говорит об этом блаженный Августин: «Слог, имеющий в виду нравиться одним наружным красноречием, не должен быть употребляем сам для себя; напротив, его надобно употреблять только для того, чтобы он своей приятностью выражения несколько легче возбуждал и крепче удерживал мысль и чувство слушателя на тех предметах, которые излагаются с пользой и достоинством... Пусть главную заботу свою полагают в том, чтобы говорить речью красивою, избранною, светские ораторы, любящие тщеславиться искусством и обработанностью стиля и желающие только нравиться слушателям. А мы, христианские наставники, должны заменить эту цель другою, более существенною целью и иметь первее всего в виду возбуждение в слушателях любви к благонравию и отвращения от худой нравственности... Красотою слога мы будем пользоваться не для хвастовства, а по благоразумию; не будем довольствоваться тем, чтобы только нравиться слушателю; но будем употреблять красивую речь как вспомогательное средство к убеждению в истинно благом».

Так же, как блаженный Августин, оценивает значение внешнего красноречия и св. Григорий Двоеслов в своем «Пастырском правиле»: «Надобно и нравиться пасомым, — говорит он, — только не из самолюбия, но для того, чтобы своею любезностью поддерживать в них любовь к истине, не для того только, чтобы усладиться их любовью, но для того, чтобы любовь их сделать путем, чрез который сердца слушателей можно привести к любви Создателя. Ибо едва ли охотно будут слушать того проповедника, который не умеет слушателей расположить к себе. Таким образом, пастырь и не должен пренебрегать любовью пасомых, если хочет, чтобы его слушали, и не должен заискивать ее для себя лично, если не хочет оказаться на деле изменником и похитителем прав Того, Которому видимо служит».

Итак, слово проповедника должно иметь и внешние достоинства. Проповеднику ничем не нужно пренебрегать, что легче может довести святую истину, проповедуемую им, до сердца слушателей. Но плохо, если проповедник будет стараться больше нравиться, чем возбуждать волю людей к благочестию.

«Тогда, — говорит тот же св. Григорий Двоеслов, -самолюбие сделает весь труд его совершенно напрасным для Бога. Ибо тот враг Искупителя, кто добивается, хотя бы и хорошими средствами, быть любимым Церковью вместо Него. Это было бы то же самое, как если бы какой-нибудь отрок, через которого жених пересылает подарки к своей невесте, вздумал предательски привлечь к себе ее сердце и обольстить ее. Проповедник перестает быть служителем истины, когда он слишком увлекается желанием нравиться людям».

Таким образом, внешнее красноречие в церковной проповеди имеет еще меньшее значение, чем в светском ораторстве. Св. Григорий Богослов порицает тех, которые идут в церковь на проповедь только потому, что «надеются насытить слух и получить удовольствие». Св. Иоанн Златоуст со скорбью и горечью жалуется на то, что «многие (проповедники) слишком заботятся о том, чтобы, ставши на средину, держать длинную речь, и если они получают рукоплескания от толпы, то для них это все равно, как будто они получили царство. Это совершенно извратило порядок церковный, что вы не ищете слова, способного произвести угрызение совести, а ищете такого слова, которое бы могло доставить вам наслаждение и звуком и сочетанием речений, совершенно так, как вы идете слушать певцов или игроков на цитре. И мы так равнодушно и недостойно поступаем, что следуем вашим прихотливым желаниям вместо того, чтобы искоренить их. Мы гоняемся за изяществом слова, заботимся о стройности и гармонии языка для того, чтобы вам нравиться, а не для того, чтобы доставить вам назидание, — для того, чтобы с рукоплесканиями и похвалами уйти отсюда, а не для того, чтобы содействовать исправлению нравов». Подобные обличения мы встречаем еще в Ветхом Завете (напр., [Иез. 33:30—32](#)).

Важнее внешней формы в проповеди ее внутренняя сторона, разработка содержания ее, и ей нужно придавать больше значения, чем внешнему изяществу стиля. Проповедь должна быть хорошо продумана и построена по всем правилам логики, чтобы быть понятной и хорошо усваиваемой, но и этого для проповеди мало. Она не достигнет своей цели, если будет хотя и очень умным, но холодным, отвлеченным рассуждением. Для проповедника мало верно и точно изложить истину, но нужно предварительно прочувствовать ее, воспринять ее всем своим сердцем и уже прочувствовав ее и переработав, так сказать, в лаборатории своего сердца, преподнести ее слушателям как живое, одушевленное и сердечное слово, такое слово, которое одно только и способно жечь умы и сердца людей. Без этого слова хотя бы умные и рассудительные, но сухие и холодные не смогут тронуть сердца слушателей и они тоже останутся холодными и равнодушными к словам проповедника.

«Не похвала или самая худшая похвала проповеди, — говорит один выдающийся проповедник, — сказать, что это умное произведение. Если в этом умном произведении нет того, что исходит от сердца — огня, жизни, чувства, чего не может дать никакой ум, то оно — медь звенящая. Кто не умеет чувствовать, тот никогда не будет хорошо проповедовать».

Но откуда взять этот огонь, это святое вдохновение, которое одно только обуславливает успех проповеди? Искусственным образом создать его, конечно, невозможно. Путь к нему один: это нравственное христианское самовоспитание. Нужно всячески воспитывать, возгревать в себе дух Христов, проникаться Божественной евангельской истиной, воодушевляться любовью к своим братьям, которых мы, пастыри, призваны обращать на путь спасения, и тогда только в душах наших сам собой откроется неиссякаемый источник, откуда потечет сильное живое слово, способное покорять сердца людей.

Проповедь как исполнение церковно-религиозного служения

В прошлой лекции мы установили, что проповедь может быть рассматриваема с двух сторон: со стороны ораторской проповедь есть не что иное, как живая речь к народу и перед народом. Как таковая проповедь является видом ораторских произведений и естественно подпадает под те законы, которые обязательны для всякого ораторского произведения. Мы установили, что и проповедник, как и всякий оратор, должен *docere* — учить, *delectare* — нравиться и *movere* — трогать, но как и у всякого оратора, так тем более у проповедника обязанность *delectare* должна быть на самом последнем месте, точнее — не должна служить предметом главного внимания и забот проповедника; важнее обязанность *docere*, но и ее одной для проповеди недостаточно; а самое главное свойство проповеди, без которой она не может быть настоящей проповедью, то есть живым действенным словом, это обязанность *movere* — трогать. Проповедник, как и всякий оратор, должен быть преисполнен искренним, из глубины сердца происходящим воодушевлением и этим своим воодушевлением должен воспламенять слушателей. Не может быть хорошим проповедником человек с вялой теплохладной душой, не способный глубоко чувствовать и переживать. Однако воодушевление это непременно должно быть искренним, а не напускным или деланным, ибо фальшь напускного воодушевления всегда чувствуется и производит только нежелательное обратное действие на слушателей.

Но откуда взять это воодушевление, необходимое для успеха проповеди? Где его источник?

Ответ на этот первостепенной важности вопрос мы получим, если рассмотрим проповедь со второй из вышеуказанных точек зрения, а именно: до сих пор мы рассматривали проповедь как ораторское произведение -теперь рассмотрим ее как исполнение церковно-религиозного служения.

Что такое проповедь с этой точки зрения?

Мы уже говорили, что Сам Господь Иисус Христос, выходя на общественное служение человеческому роду, начал Свою проповедь словами: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» ([Мф. 4:17](#)). Еще при Своей земной жизни, посылая апостолов проповедовать, Он повелел им возвещать о том, что приблизилось Царство Небесное ([Мф. 10:7](#)). Перед Своим вознесением Господь завещал апостолам: «Идите, научите все народы, крестя их во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам» ([Мф. 28:19—20](#)). Чему именно научить все народы, поясняет ев. Марк, передавая эти слова Господа в такой редакции: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» ([Мк. 16:15](#)). Из книги Деяний апостольских мы и видим, что главным предметом апостольской проповеди и было именно то, что Господь им повелел, то есть проповедь Евангелия Царствия Божия, или иными словами: благовествование об уготованном нам Богом спасении и о покаянии как о главном средстве приобрести это уготованное Богом спасение. Само собой разумеется, что так как христианские проповедники являются лишь продолжателями дела Христова на земле, то и предметом их проповеди не может быть что-либо другое, как именно это же благовествование о Царствии Божием и о способах вступления в это Царствие. Коль скоро проповедь темой своей имеет что-либо другое, она уже теряет характер христианской проповеди, перестает быть проповедью. Итак, что же такое проповедь как исполнение церковно-религиозного служения?

Проповедь — это есть раскрытие Слова Божия или сообщение учения о нашем спасении, учения, содержащегося в Божественном откровении и хранимого Церковью, с целью споспешествовать устройению нашей духовно-нравственной жизни в согласии с теми заветами, какие дал Господь для людей, желающих вступить в Царствие Божие.

Наша проповедь, как мы уже сказали, есть не что иное, как продолжение того благовестия,

которое Сам Господь Иисус Христос сообщил людям во время Своей земной жизни.

Проповедь должна действовать на просвещение нашего ума, разъясняя ему Божественную истину и рассеивая мрак заблуждений; проповедь должна действовать на чувство, представляя нам всю гибельность нашего греховного состояния и всю бесконечность любви Божественной, уготовавшей нам спасение; проповедь в особенности должна действовать на волю, возбуждая в ней стремление отказаться от греховной жизни, влекущей нас в погибель, и начать идти спасительным путем к достижению духовного совершенства, или, что то же, наследованию Царствия Божия.

Как это нам должно быть совершенно очевидно, проповедь имеет громаднейшее значение во всем деле Божия домостроительства нашего спасения, или в икономии церковной жизни, как принято у нас выражаться. Проповедь служит одним из главных средств к распространению и утверждению Царствия Божия на земле. Без проповеди никто бы из людей ничего не знал ни о гибельности своего греховного состояния, ни о возможности спастись и вступить в Царствие Божие. Без проповеди не было бы, да и не могло бы быть насаждения и возгревания веры Христовой на земле. Об этом ясно говорит апостол: «Как призывать Того, в Кого не уверовали? Как веровать в Того, о Ком не слышали? Как слышать без проповедующего? Итак, вера от слышания, а слышание от Слова Божия» ([Рим. 10:14—17](#)).

И мы действительно видим, какое громадное значение в деле распространения христианства имела именно проповедь. Сам Господь Иисус Христос не пользовался никакими внешними средствами для основания и укрепления Своего Царства на земле. Он ходил и учил народы и апостолам Своим заповедовал тоже не что иное, как именно учить. Самое название, с каким обращались к Нему во время Его земной жизни, было «раввуни» или «равви», что значит: «учитель». Следовательно, именно учительство было наиболее характерным в Его деятельности. И апостолы, верные завету своего Господа и Учителя, как мы видим, тоже именно в учительстве, или проповеди Евангелия, видели свое главное призвание, главное занятие. Вспомним, как они решились избрать диаконов для удовлетворения материальных потребностей верующих, сказавши: «не хорошо нам, оставивши Слово Божие, пеccис о столах» ([Деян. 6:2—4](#)). И мы видим, что Церковь христианская быстро начала расти именно с тех пор, как в день Пятидесятницы народ услышал дивные речи апостолов ([Деян. 2:6—41](#)). Знаменательно, что повеление Господа апостолам идти и проповедовать сопровождается словами: «дана Мне всякая власть на небе и на земле», а в конце: «И се, Я с вами во все дни до скончания века» ([Мф. 28:18—20](#)). Первые слова соединяют проповедническое слово с высшей властью, исходящей от Христа: это власть над умами и сердцами людей, слушающих христианскую проповедь. Последующие слова обнадеживают проповедника постоянной помощью свыше: «И се, Я с вами...». Господь обещает апостолам, а в лице их и всем их преемникам, проповедникам евангельского учения, что Он всегда будет с ними, будет вдохновлять их и управлять их мыслию. В другом месте — [Лк. 21](#) — Господь обещает дать Своим верным последователям: «уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам».

Следовательно, если проповедник говорит не сам от себя, а во имя Христово, твердо веруя, что Господь руководит им и вдохновляет его, то слово его будет запечатлено высшим Божественным авторитетом. Вот почему Господь и сказал апостолам: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергает» ([Лк. 10:16](#)).

Вот какое огромное значение и какую силу имеет проповедь как исполнение церковно-религиозного служения!

Если столь велико значение проповеди, то естественно является вопрос: кто же может быть достойным проповедником и какие условия должен этот проповедник соблюдать, дабы с

полным успехом совершать служение церковного слова?

Прежде всего, конечно, само собой ясно, что проповедником не может быть кто попало. Такое высокое служение, как проповедь, должно быть поручаемо избранным лицам. Сам Господь для этой высокой миссии из среды многочисленного народа избрал сначала 12, а потом 70 учеников, которых и подготовлял Своими наставительными беседами о Царствии Божиим. Сами избранные и посланные Господом, апостолы, в свою очередь, избирали на дело служения церковного слова мужей свидетельствованных, снабжаемых особыми полномочиями. «Как проповедывать, если не будут посланы?» ([Рим. 10:15](#)). Следовательно, каждый сам по себе не может брать на себя обязанности проповедника: он должен быть на это уполномочен Церковью. Согласно апостольским и соборным правилам, обязанность и право проповедовать возложено на предстоятелей Церкви -епископов и пресвитеров (ап. пр. 58, VI Вс. Соб. 19). Впрочем, представители власти церковной в течение всей многовековой церковной жизни не отказывались предоставлять это право и мирянам, если они по выражению ап. Павла ([Тит. 1:9](#)), «держались истинного слова, согласного с учением» и «были сильны и других наставлять в здравом учении и противящихся обличать».

Что же именно требуется от такого избранника Церкви Божией, дабы он мог с успехом нести свое высокое служение проповедника?

Приступая к решению этого вопроса, мы прежде всего должны исходить из положения, что проповедник, как мы это и выше указали в примере Самого Господа Иисуса Христа, является прежде всего учителем. Как и в первые времена христианства, так и теперь от проповедника ждут прежде всего разъяснения веры и раскрытия тайн домостроительства нашего спасения. Проповедник учит народ истинам нашей веры. Что же требуется от учителя, дабы он мог учить? Конечно, прежде всего знание, отчетливое знание того, чему он должен учить. Было бы дерзостью выступать на кафедру проповедника, не запасшись предварительно необходимыми для того знаниями. Об этом так говорит св. Григорий Богослов: «Что касается до раздаяния слова, слова Божественного и высокого, то ежели кто другой приступает к делу сему с дерзновением и почитает оное доступным для всякого ума, я дивлюсь многоумию (чтобы не сказать: малоумию) такого человека. Для меня кажется не простым и не малого духа требующим делом каждому «даяти во время житомерие» ([Лк. 12:42](#)) слова и с рассуждением вести домостроительство истины наших догматов, то есть нашего любомудрого учения о предметах веры».

Вот какой высокий взгляд был у св. Григория Богослова на ответственную обязанность проповедника учить народ! Как же можно легкомысленно, без подготовки приступать к этому служению?

Даже светские ораторы в древности требовали от всякого желающего быть оратором не только элементарных знаний в своей области, но даже самого широкого и всестороннего образования.

Какое же знание необходимо христианскому проповеднику?

Христианский проповедник призван Церковью возвещать людям слово спасения, утверждая в них семена веры и благочестия. Поэтому он должен в совершенстве знать все то, чему учит и что соблюдать повелел Господь наш Иисус Христос («Учаще их блюсти вся...»), иными словами: основательное знание учения Христова, или христианской веры, — это главное и первое условие, без которого невозможно быть христианским проповедником.

Откуда же можно почерпнуть это знание?

В прежнее время у нас в России существовали специальные духовные школы, имеются они и теперь в других христианских странах. Назначение этих школ — дать необходимые знания о вере тем, кто желают быть пастырями и проповедниками. Наш Духовный Регламент, которым

регулировалась церковная жизнь в России с первой половины XVIII века, право на проповедь дает только таким лицам, которые прошли одну из этих школ и изучили богословие. «Никто же да дерзает проповедать, — говорит первая регула о проповедниках, — не в сей Академии ученый и от Коллегиума духовного не свидетельствованный. Но если кто учился у иноверцев, тот бы явил себе прежде в духовном Коллегиуме, и тамо его испытать, как искусен в Священном Писании: и слово сказал бы о том, о чем ему повелит Коллегиум, и если искусен покажется, то дать ему свидетельство, что аще похощет быть в чину священническом, мощно ему проповедать».

Впрочем, знание истин христианской веры можно приобрести и без школы, хотя полное их усвоение таким путем гораздо труднее. Самообразование только в редких исключительных случаях может заменить собой нормальное систематическое изучение наук в специальном учебном заведении. Правда, относительно знания истин Христовой веры имеется еще одно совсем чрезвычайное исключение, но оно касается и людей необыкновенных, недостижимо высоко стоящих над общим средним человеческим уровнем. Это — люди высокой духовной жизни, подвижники и молитвенники, не посещавшие никаких богословских школ, но тем не менее усвоившие истины Христовой веры не только умом, но, что особенно важно, всей глубиной своего сердца. Такие люди, конечно, не только могут быть проповедниками, но проповедь их еще гораздо более влиятельна, убедительна и плодотворна, нежели проповедь тех, кто блестяще изучил все богословские науки в высших школах, но не может равняться с ними высотой своей духовной жизни. Для таких людей, конечно, школьное образование имеет второстепенное значение. Никому из верующих ведь не придет в голову мысль поинтересоваться: «В какой богословской школе получил свое образование преп. Иоанн Лествичник?», «Какую Духовную Академию окончил преп. Серафим Саровский или преп. Сергей Радонежский?», «Имел ли ученую степень магистра или доктора богословия о. Иоанн Кронштадтский?» Но для обыкновенных рядовых верующих, желающих посвятить себя делу христианского благовестия, конечно, необходимо позаботиться о приобретении самых основательных знаний обыкновенным школьным путем.

Какие же именно знания необходимы проповеднику?

В первую очередь, конечно, основательное знание Священного Писания. Оно есть главный источник наших познаний о Боге и Его отношении к миру и человеку, о человеке, его судьбе и назначении. Церковная проповедь — это ведь есть разъяснение людям Слова Божия. Как же проповедник будет разъяснять то, с чем он сам основательно не познакомился? В Слове Божиим проповедник найдет все, что ему необходимо для изложения учения о нашем спасении, а вместе с тем Слово Божие, облеченное Божественным авторитетом, придаст особенную силу словам проповедника. В своей «Христианской науке» блажен. Августин знание Священного Писания ставит первым условием успеха проповедника. «Мудро говорит человек тем более или менее, чем более или менее оказал он истинных успехов в познании Свящ. Писания, т. е. не в одном только чтении и затверживании оно на память, но вместе в добром разумении и в тщательном изыскании смысла его... Чем беднее видит проповедник самого себя в отношении к собственным дарованиям, тем нужнее ему обогащаться знанием Слова Божия, дабы то, что он говорит своими словами слабо, подкреплять силою Писания. Таким образом кажущийся недорослым по своему языку некоторым образом займет себе рост от свидетельства мужей великих».

Но одного только знания Свящ. Писания еще мало. В Свящ. Писании есть очень много мест, которые ну- жаются в правильном истолковании. Ведь и еретики и сектанты тоже пользуются словами Писания для подтверждения своих лжеучений. Поэтому на втором месте после Свящ. Писания для каждого проповедника необходимо тщательно изучать творения свв. отцов и

учителей Церкви. Нигде не найти лучшего изъяснения Священного Писания, как у свв. отцов: они раскрывают нам истинный смысл Писания в местах темных, подвергающихся кривотолкованиям, они же указывают и правильный метод толкования Писания. В творениях свв. Отцов раскрыта вся полнота церковного учения, они — верные хранители Священного Предания, которое служит вторым равнозначимым с Писанием источником Божественного Откровения, или, что то же, учения о нашем спасении. А что особенно важно, у свв. отцов мы найдем прекрасные образцы живого церковно-проповеднического слова, по которым можно научиться плодотворному и влиятельному способу строго церковного проповедничества. Лучшие гомилеты всячески советуют проповедникам прилежно изучать эти дивные образцы святоотеческой проповеди, проникаться их духом, обогащаться их богатым духовным опытом и вдохновляться их ревностью о спасении душ человеческих. В особенности же необходимо читать и изучать слова и беседы величайшего из христианских проповедников св. Иоанна Златоуста. Один из выдающихся гомилетов выражает пожелание, чтобы молодые проповедники непрестанно день и ночь читали и перечитывали беседы Златоуста, потому что ни у кого, как у св. Златоуста, нельзя научиться проповеднику говорить так, как нужно: «ясно, просто, популярно, и вместе учено, умно, вполне прилично и важно». И наш Духовный Регламент в своей шестой регуле повелевает: «Должен всяк проповедник имети у себя книги св. Златоуста и прилежно чести оныя: ибо тако приобучится складать чистейшее и яснейшее слово, хотя и не будет Златоустому равное».

Нужна ли проповеднику обширная богословская ученость? В известной степени и для известных лиц она, быть может, и желательна, но, конечно, внешняя отвлеченная ученость отнюдь не составляет необходимого условия для успешного проповедничества. Задача проповедника хотя и чрезвычайно важна, но вместе с тем и скромна: сообщать людям слово спасения и вести их к духовному совершенству. А для этого совсем не требуются и могут даже очень мешать и осложнять эту задачу отвлеченные научные тонкости и ученые мудрствования. Проповедник ведь обращается к народу, большинство которого составляют люди простые, не достигающие до глубин научной мудрости, и учитель народа, конечно, только отклонится от своего прямого назначения, если будет стараться блистать пред ним своей ученостью и расточать перед ним такие знания, которые могут быть нужны и полезны разве только для людей, изучающих богословские науки в высшей школе. И апостол Павел говорит о себе, что он проповедовал «не в премудрости слова» ([1 Кор. 1:17](#)) и «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» ([1 Кор. 2:4](#)), и проповедь его, как мы видим, действительно обладала такой силой, какой не обладало слово мудрецов, книжников и совопросников века сего. Знания, конечно, нужны, но даже и не в них вся сила проповеди, тем более не в отвлеченных умствованиях, а в чем-то другом, о чем мы будем говорить дальше, а что касается круга знаний, необходимых для проповедника, то этот круг знаний хорошо определяется в нашем Духовном Регламенте, в 7-й регуле, следующими словами:

«В богословии собственно приказать, чтобы учено главные догматы веры нашей и Закон Божий. Чел бы учитель богословский Священное Писание, и учился бы правил, как прямую истую знать силу и толк писаний: и Вся бы догматы укреплял свидетельством писаний. А в помощь того дела, чел бы прилежно свв. отец книги: да таковых отец, которые прилежно писали о догматах, за нужду распръ, в церкви случившихся, с подвигом на противныя ереси... К тому ж зело полезны деяния и разговоры вселенских и поместных синодов. И от таковых учителей при Священном Писании не тщетное будет учение богословское. А хотя и может богословский учитель и от новейших иноверных учителей помощи искать, но должен не учиться у них и полагаться на их сказки, но только руководство их принимать, каких они от Писания и от древних учителей доводов употребляют... Многажды бо лгут господа оные, и чего не бывало,

приводят. Многожды же слово истинное развращают».

Нужно ли проповеднику широкое светское образование?

Конечно, всякое образование может быть полезно служителю церковного слова, если своими знаниями он умеет воспользоваться для того, чтобы успешнее действовать на умы и сердца людей. Знаменитейшие из отцов-проповедников, как, например, св. Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, получили прекрасное светское образование и широко пользовались им, прилагая полученные ими знания в своей проповеднической практике, но, конечно, светское образование в деле проповедничества — это не существенное требование. Вера не нуждается в такой опоре, какую может предложить светская наука. Когда мы излагаем учение Христово и говорим во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа, когда ссылаемся на свидетельства евангелистов, св. ап. Павла, свв. отцов и учителей Церкви и других богодухновенных мужей, то могут ли придать силы и значения нашему слову мнения какого-нибудь Платона, Аристотеля и других представителей светской философии и учености? И даже как-то непристойно для проповедника ставить рядом с Христом Спасителем или ап. Павлом какого-нибудь Сенеку, или Вергилия, или Канта. О них можно говорить вне храма, на какой-нибудь лекции или духовном собеседовании, но не с церковного амвона. Правда, и в проповеди можно пользоваться материалами, доставляемыми светской ученостью, но с особой осторожностью и благоприличием. Светскую ученость нельзя ставить на одну ступень со Словом Божиим и нельзя с амвона доказывать веру умственными соображениями. О таких проповедниках говорит блаж. Феодорит, что они «корчемствуют Божественным Словом, делая его басней или простым сказанием и примешивая к благодати свои вымыслы, подобно тем, которые мешают чистое вино с водой, как говорит пророк: «корчемницы твои мешают вино с водой» ([Ис. 1:22](#))».

Итак, знания для проповедника нужны, но не в знаниях главное условие сильного и влиятельного проповедничества.

Человек с отличным образованием, усвоивший все тонкости богословских наук, может оказаться и действительно часто оказывается в проповеднической практике ниже человека с весьма посредственным образованием. Одного холодного знания, как бы оно ни было широко, мало для успешного проповедничества. Кроме холодного знания нужна и сила, согревающая его. Это та сила, которая нужна всякому пастырю для успешного пастырствования, как нужна и каждому человеку для успешности всякого избираемого им дела или занятия. Сила эта — любовь. Мало для проповедника одного холодного знания, он должен не только умом, но и сердцем, согретым любовью, всем своим сердцем воспринять спасительную истину Христову, глубоко, всем своим существом, всецело проникнуться ею — и тогда только, согретая огнем искреннего воодушевления, она может быть в устах проповедника силою, покоряющею умы и сердца слушателей. Проповедник возвещает людям Слово Божие, главная обязанность его — призыв всех ко спасению. Если он не проникнут весь любовью к Слову Божию, если он не почувствовал сам всем сердцем спасительной силы Слова Божия, то он будет говорить вяло и невпечатлительно, механически, как ученик затверженный урок, и хотя бы проповедь была очень хорошо и умно составлена, она не произведет надлежащего действия, большинство будет слушать ее рассеянно, быть может даже пропуская мимо ушей слышимое, не вникая в ее смысл и значение и тяготясь необходимостью стоять и слушать то, что не затрагивает их сердца и что, как им кажется, проповедник говорит только по обязанности, сам не придавая большого значения тому, что говорит. Совсем другой характер приобретает проповедь, когда проповедник проникнут горячей любовью к Слову Божию, когда Слово Божие прочувствовано им настолько, что составляет его внутреннее достояние, как бы неотъемлемую собственность его души. Тогда он говорит воодушевленно, горячо и убедительно и силой слова своего захватывает и увлекает

слушателей, которые слушают его с волнением и неослабевающим вниманием, не только не тяготясь продолжительностью проповеди, но напротив, жалея, когда она окончится. Вот к этому именно и должен стремиться каждый проповедник, чтобы слово его обладало этой внутренней силой, а для этого он должен говорить, как мы уже сказали, не по долгу только, как наемник, а от полноты сердца, глубоко прочувствовав наперед то, что ему предстоит говорить.

Для того чтобы Слово Божие стало в нас внутренней силой, нас воодушевляющей, полезно представлять себе примеры великих мужей Священной истории, с огненной ревностью возвещавших суды и веления Божии. Таков, например, великий пророк Божий Илия. «Ревнуй поревновах по Господе Бозе Вседержителе, — говорит он, — яко оставиша ты сынове Израилевы: олтари Твоя раскопаша и пророки Твоя избиша» ([3 Цар. 19:10](#)).

Эта ревность побуждает его идти и возвещать гнев Божий на нечестие Израиля, забывая все грозящие ему опасности. На пророка за его строгую обличительную проповедь поднимаются гонения: он даже скрывается одно время то у потока Хорафа, то в хижине бедной вдовы, то в безводной пустыне. Он знает, что нечестивый царь всюду посылает искать его, чтобы предать смерти. Но Слово Божие, воспринятое им, как огнем палило его душу, и он выходит из своего убежища, и прямо и безбоязненно является пред лицо царя, желающего умертвить его, и возвещает ему суд Божий ([3 Цар. 17:18](#) и 19).

Другой внушительный пример для проповедников св. пророк Иеремия. С робостью и нерешительностью приступает он к выполнению своего трудного служения, представляя свои слабые человеческие силы, и даже обращается ко Господу, посылающему его на проповедь, со словами недоумения: «О, Сый Владыко Господи, се не вем глаголати; яко отрок аз есмь» ([Иер. 1:6](#)). Но Господь простер руку Свою, коснулся уст его, и вложил слова Свои в уста его (1:9), и полились эти слова из уст его, — слова его духа, просвещенного и укрепленного силою Божией. Он стал во вратах дома Господня и именем Божиим убеждал всех исправить пути и умышления свои ([Иер. 7:2—11](#)), обещая в случае исправления жизни их милость Божию, а в противном случае угрожая карой Божией и отвержением от лица Божия. Проповедь пророка вызывает досаду, брань и злобу со стороны обличаемых. Над ним учиняют насилие, ввергают его в колоду, заключают его в темницу. «Бых в посмех, — говорит он о себе, — весь день, вси ругаются мне» ([Иер. 20:7](#)). Даже «суд смертный» изрекают ему ([Иер. 26:11](#)). И вот, «подумал я», говорит он о себе ([Иер. 20:9](#)), «не буду я напоминать о Нем (о Боге) и не буду более говорить во Имя Его; но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и — не мог». И он, хотя видит, какие труды и скорби выпадают на его долю за проповедь Слова Божия, все же не может прекратить своего проповеднического дела, на которое он призван Богом: Слово Божие, заключенное в его внутренности, как бы палит его кости и заставляет его почти против воли отверзать уста и идти возвещать людям волю Божию.

Так было и с первыми проповедниками благовестия Христова, св. апостолами. Пока не восприняли они Слова Божия всем существом своим, они не знали, как и что будут говорить. И Господь должен был ободрять их, говоря: «не пецытесе, како или что возглаголете... Не вы бо будете глаголющии, но Дух Отца вашего глаголай в вас» ([Мф. 10:19—20](#)). И вот мы видим, что действительно, когда душа их прониклась и наполнилась спасительною истиною Христовою через озарение их внутреннего существа благодатью Св. Духа, от них полились такие сильные слова убеждения, что слышавшие их ужасались, дивились и недоумевали, откуда в них такая сила слова, зная, что они люди простые и некнижные ([Деян. 2:12](#); 4:13). Целые тысячи людей умилялись сердцем, слыша их слова, и прилагались к сонму верующих ([Деян. 2:37](#)). Князья, старцы и книжники неоднократно запрещали им проповедовать об имени Иисусове ([Деян. 4:18](#)), но они отвечали им: «Не можем мы, яже видехом и слышахом, не глаголати» ([Деян. 4:20](#)).

И после запрета старцев, как говорит книга Деяний, они со всяким дерзновением возвещали глаголы жизни сея и в церкви и по домам ([Деян. 5:20—21](#); 42). Их подвергали бичеваниям за проповедь, но они только радовались, что за Имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие ([Деян. 5:41](#)), и не могли удерживать в себе слово спасения, которое, подобно тому как и у пророка Иеремии, словно палило их внутренность и требовало выхода наружу.

Не следует думать, будто бы пророки и апостолы, как наделенные чрезвычайными дарами Св. Духа, не могут служить для нас примером. Пусть нет у нас таких чрезвычайных дарований, но ведь и наши проповедники тоже не сами от себя говорят и не свое собственное учение предлагают людям. И наши проповедники призываются на свое служение Церковью, устроенной Господом для нашего спасения, и им поручается проповедовать то же самое учение, то же самое Слово Божие, которое проповедовали пророки и апостолы. Наши проповедники являются законными продолжателями того дела, которое преемственно перешло к ним от свв. апостолов, и поэтому и их души должен наполнять тот же Дух Божий, который действовал в свв. апостолах. Но они своим свободным произволением должны дать Духу Божию место действовать в них, а для этого они должны не оставаться холодными к приобретенному ими знанию истин Божиих, а принять их всем сердцем и глубоко проникнуться ими, чтобы эти истины преподносились слушателям из их уст не как что-то чужое, постороннее, а как их собственное кровное достояние.

Вот это — первое условие успешного проповедования. Но нельзя забывать и второго, не менее важного, которое служит как бы естественным дополнением к первому.

Мы установили, что Слово Божие в церковной проповеди не может быть простым отвлеченным раскрытием религиозной истины. И это не только потому, что тогда проповедь останется холодным кабинетным рассуждением, лишенным внутренней силы и огня, но и потому, что характерным признаком проповеди как таковой является именно то, что она непременно, прямо и непосредственно обращена к сердцам слушателей. Проповедь, которая не имеет в виду слушателей, уже не есть проповедь. В известной притче о сеятеле Господь уподобляет слово проповедника семени, которое сеятель бросает в землю ([Лк. 8:11](#)). Как перед глазами сеятеля находится земля-почва, куда он бросает свои семена, дабы они могли прозябнуть И принести плоды, так и перед глазами проповедника, сеющего Слово Божие, — живая, духовная почва. Что же это за почва? Это — люди, для спасения которых приходил на землю Сын Божий и которых Он ищет и зовет в Свое Небесное Царство. Какое чувство руководило Христом Спасителем, когда Он начинал проповедь о приближении Своего Царствия Свое общественное служение человеческому роду? Об этом говорит ап. и ев. Матфей: «Видев же народы, милосердова о них, яко бяху смятени и отвержени, яко овцы не имущия пастыря» ([Мф. 9:36](#)). Чувство это — милосердие, жалость, или сострадательная любовь к человеческому роду. Христос Спаситель видел, что для этого заблудшего народа нужны пастыри, руководители и учителя, и это выразил словами: «Жатва убо многа, делателей же мало: молитесь убо Господину жатвы, яко да изведет делатели на жатву Свою» ([Мф. 9:37—38](#)). Проповедники — это и есть те делатели, которых Господь призывает и посылает на жатву Свою. И естественно, что эти делатели, посылаемые Господом для успешности Своего дела, непременно должны быть воодушевлены тем же чувством, которым было исполнено сердце Господа, — именно жалостью к народу, или сострадательной любовью к нему. Без этой любви проповедник в своей проповеди не в состоянии будет дать народу подходящей ему духовной пищи. Ведь перед глазами проповедника стоят иногда целые толпы народа с самыми разнообразными нуждами, требующими удовлетворения. Если проповедник будет равнодушно относиться к ним, не станет вникать в их духовные нужды с любовью, жаждущей помочь им в деле спасения, то слово его будет холодным и бездушным, опять-таки все тем же механическим

отбыванием обязанности, которое не произведет должного впечатления на слушателей и не принесет им духовной пользы, не напитает их духовно. Слушатели сразу же почувствуют, из каких побуждений возникает слово проповедника — из сердечного сочувствия к ним, из внутренней потребности благожелательного братски любящего их сердца или же просто из одного официально исполняемого им долга. Сострадательная любовь проповедника должна всячески входить в живое и тесное взаимодействие с верующими, знакомясь с их воззрениями, нравственным состоянием, степенью умственного развития, со всеми их достоинствами и недостатками. И когда проповедник говорит, он должен все это знание духовной жизни своих слушателей постоянно иметь в виду. Иначе слово его будет слишком отвлеченным, мало жизненным, годным для всех вообще, но ни для кого в частности. Тут от проповедника требуется то же самое применение, которое столь необходимо для всякого пастыря вообще и о котором так красочно и выразительно говорит св. ап. Павел в [1 Кор. 9:20—23](#) или [1 Кор. 10:33](#).

И мы видим действительно, как приспособлялись к своим слушателям первые проповедники Христова учения свв. апп. Петр ([Деян. 2:14—39](#); 3:12—26) и Павел ([Деян. 17:22—34](#)). Они всегда сообразовались с тем, к кому обращена их речь и каково настроение их слушателей. Так же всегда должны поступать и наши проповедники, следуя в этом примеру свв. апостолов. Может говорить проповедник иной раз и очень умное слово, прекрасно составленное, полное драгоценных перлов знаний, может раскрывать самое возвышенное учение о тайнах веры, но что пользы от этого слова, если оно носится над головами слушателей и не может быть ими воспринято? Содержание Слова Божия необъятно широко. Долг проповедника — уметь выбрать из него именно потребное и пригодное для народа в данное время, при данных обстоятельствах. А это умение дается и приобретается прежде всего живой сердечной сострадательной любовью к народу. Итак, для успешности проповедования от проповедника требуется двойное одушевление: одушевление Божественной истиной через глубокое проникновение ею и одушевление сострадательной любовью к народу, нуждающемуся в познании и усвоении этой истины. Когда есть в человеке эти две силы, уже второстепенное значение приобретают школьная наука, предписывающая правила проповедничества, да и вся внешняя ученость, внешняя образованность проповедника.

Всегда, во все времена высочайшим образцом для всех проповедников, образцом, к которому они по мере сил своих должны приближаться, является Сам Небесный Учитель — Господь Иисус Христос. Он и учит нас, как надо вести дело церковного проповедничества.

Из Евангелия мы видим, как Он говорил и чем слово Его производило впечатление на слушателей. Слово Его не отличалось ни внешним блеском, ни ученостью, но, по словам Евангелия, все дивились учению Его ([Мф. 7:28](#); [Мк. 1:22](#)), ибо Он учил, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи ([Мф. 7:29](#)), а с другой стороны, слова Его были словами благодати, обладавшими необычайной сладостью. Властное слово — это слово святого воодушевления, в котором находила выражение сила Божественного Духа Христова. Этого свойства побеждающей власти не может иметь вялое или сухое слово, повторяющее чужой голос и не согретое живым дыханием души говорящего. И слова благодати, исходившие из уст Спасителя и услаждавшие сердца слушателей, тоже не были плодом какого-либо искусства. Необыкновенную сладость и благодать речам Господа придавало величие Божественной любви, проникавшей Его слово. Сострадательная любовь к несчастным, страждущим во грехах людям — вот что делало речи Спасителя такими волнующими и сладостными для слушателей.

Воодушевление Божественной истиной и сострадательная любовь к людям — эти два условия остаются необходимыми и для каждого проповедника, желающего быть действительным проповедником, а не сотрясателем воздуха, медью звенящей и кимвалом звучащим.

Глава: О содержании проповедей. Различные виды проповедей

Что может быть содержанием проповедей? Откуда проповеднику брать материал для своей проповеди? И какой именно материал для проповеди подходит, а какой следует признать неподходящим? Каких видов может быть проповедь в зависимости от использованного для ее содержания материала?

Эти вопросы естественно становятся на очередь после того, как мы выяснили, что такое проповедь: проповедь как один из видов ораторских произведений и проповедь как исполнение церковно-религиозного служения.

В самые ранние времена средневековой схоластики, когда гомилетика находилась в тесной связи со светским искусством красноречия, так называемой риторикой, главное внимание при составлении проповеди обращалось не столько на ее содержание, сколько на внешние формальные правила ее составления. Каждая проповедь, как и всякое риторическое произведение, должна была состоять из вступления, изложения и заключения. Каждая из этих составных частей в своем построении также должна была руководствоваться целым рядом формальных правил. Вообще форме придавалось огромное значение, и если форма была соблюдена по всем правилам, то проповедь считалась образцовой. Постепенно, однако, ученые гомилеты стали понимать, что в проповеди не столь важна форма, сколько ее содержание. И вот в середине XVI столетия проф. богословия Марбургского университета Гиперий впервые дал богословский характер гомилетике и попытался освободить ее от зависимости от риторических систем. Основное положение Гиперия выражено в следующих словах: «Светская риторика учит тому, как нужно составлять речь и действовать оратору, а гомилетика излагает то, что проповедник должен предлагать народу: там форма — главное, а здесь — материя». На основании [2 Тим.](#) и [Рим. 15](#) Гиперий намечает несколько видов проповедей: учительный, обличительный, наставительный, исправительный и утешительный.

В позднейшее время гомилеты ударились, как это часто бывает, в противоположную крайность. Совершенно забыв о внешней форме проповедей, о правилах составления проповеди, они все свое внимание обратили на содержание проповедей, и в их гомилетиках главное место занимает так называемая «материальная часть». Правда, основное положение, высказанное Гиперием, несомненно правильно: гомилетика не может быть просто формальной наукой, подобной риторике: для нее важнее то, что проповедуется, нежели то, как проповедуется. Но отсюда нельзя делать вывод, что внешние правила составления проповеди совсем должны быть отвергнуты. С другой стороны, увлечение гомилетов «материальной частью» проповедей привело к тому, что все гомилетические курсы, начиная от Гиперия и кончая нашим русским гомилетом Амфитеатровым, донельзя перегружены бесконечным перечислением предметов, о которых можно говорить в проповеди. Все это — излишний балласт для гомилетики, не говоря уже о том, что благодаря этому бесконечному перечислению самых разнообразных предметов, заимствованных из разных богословских наук, гомилетика в сущности теряет свой специфический характер как наука о проповедничестве и вторгается в чуждые ей области других наук, как-то: догматики, нравственного богословия, литургики, церковной истории и т. д. Все это, конечно, совершенно напрасно. Задача гомилетики — научить начинающего проповедника, как надо проповедовать, а вовсе не делать заимствования из других богословских наук, которые могут служить материалом для проповеди. Да для этого бы и места не хватило ни в каком гомилетическом курсе, что признает и сам Амфитеатров, когда, приводя эти

бесчисленные перечни материй, вместе с тем говорит: «Область истин, входящих в состав церковного собеседования, так же обширна и глубока, как область Писания, которое есть источник бесчисленного множества тем для проповедей; так же огромна, как область Церкви, которая каждым словом и действием своим назидает; так же многообразна и многообразна, как многосторонняя жизнь человеческая, как разнообразны состояния, нужды, потребности людей в недрах Церкви и общества... Церковное собеседование должно раскрыть и возвестить все, что есть в религии необходимейшего для спасения народа, — должно сопровождать человека на всех путях и приключениях его жизни, должно наблюдать его, руководить во всех состояниях — церковном, гражданском, семейном и т. д.».

Само собой понятно, что при такой необъятности материала для составления проповедей нет никакой возможности, да нет и надобности, приводить подробный перечень всех возможных тем. Гомилетика пускается в чужую область, когда хочет представить подробное обозрение проповеднических материй. Вниманию проповедника подлежит все учение христианское и вся религиозно-нравственная жизнь человека. А все это — и христианское учение и религиозно-нравственная жизнь человека — раскрывается в других богословских науках. Гомилетике по необходимости придется делать заимствования из всех этих наук. В ней будет повторение чужого и повторение совершенно напрасное. Да всего и обозреть невозможно, настолько велика и необъятна область проповеднических материй. Поэтому совершенно бесполезно заниматься перечислением этих материй, а необходимо установить только общие начала, которыми должен руководствоваться проповедник при составлении своей проповеди. Какие же это общие начала?

Это указания общего характера, что может, а что не должно быть материалом для проповеди.

Что может быть содержанием проповеди? На это хороший ответ дает наш русский гоми лет проф. Певницкий. «Содержанием проповеди, — говорит он, — может быть все, во что сердцем веруется в правду, и что усты исповедуется во спасение, — все, чем можно способствовать, да совершен будет всякий человек, на всякое дело благое уготован», как говорит ап. Павел ([Кол. 1:28](#)).

Можно ли, однако, указать хоть какие-нибудь пределы этой необъятной области содержания проповеднических материй?

Можно. Такие пределы указывает в своих посланиях сам ап. Павел, когда, с одной стороны, возносится духом в райские обители и поведаёт нам о тайнах «третьяго небесе», насколько это может быть доступно нашему пониманию, а с другой стороны, даёт наставления об удовлетворении самых низших потребностей нашей природы и о внешнем поведении человека ([1 Кор. 7:2—6](#); [Еф. 4](#) и др.). Точно так же и св. Григорий Двоеслов в своем «Пастырском правиле» намечает два таких крайних предела: с одной стороны — высота созерцания, с другой — сострадание ко всем. Высота созерцания уносит в высший Божественный мир и знакомит с его тайнами, а сострадание ко всем побуждает не пренебрегать и плотскими слабостями и нуждами человека, живущего на земле. В разъяснение своей мысли св. Григорий Двоеслов указывает на лестницу, которую видел во сне Иаков. Эта лестница, по его словам, намечает те пункты, на которых должен останавливаться каждый проповедник. Опираясь на камне, где спал Иаков, лестница оканчивалась у престола Божия; по ней восходили и нисходили ангелы Божии. Наверху этой лестницы Господь Саваоф, а внизу ее спящий человек с душой, полной заглушенных желаний, и волнуемый мечтами и сновидениями, со своими немощами, со своей беспомощностью в виду угрожающих ему опасностей. И истинные проповедники, смотря на этот образ, должны восходить горе, чтобы созерцать Главу Церкви — Господа Бога, должны уяснять учение о посредниках и пособниках нашего спасения, соединяющих мир земной и мир

небесный, но вместе с тем они не должны отвращать своего зора и от немощей человека: он всегда у них должен быть на виду со своими желаниями, со своими потребностями, даже со своими мечтами и грезами.

Иными словами: проповедник может и должен заниматься не только предметами возвышенными, божественными, но и предметами земными, даже весьма низменными, противоречащими Слову Божию, но, конечно, эти последние предметы должны рассматриваться и обсуждаться с церковной кафедры не сами по себе, а по такому или иному отношению к домостроительству нашего спасения. Руководственным правилом в этом отношении должно служить следующее. О чем бы ни говорил проповедник, он никогда не должен упускать из внимания главного средоточного пункта своей проповеди. Этот пункт, который должен заправлять его мыслью, есть Христос, распятый за нас и Своей смертью искупивший нас. Ап. Павел, характеризуя главное содержание христианской проповеди, указывает именно на этот пункт как на самый главный, средоточный пункт всей христианской проповеди. «Мы проповедуем Христа распята, — говорит он, — всем званым иудеем же и эллином Христа, Божию силу и Божию премудрость» ([1 Кор. 1:23—24](#)). Говоря далее о том, что должно запечатлеться в сердцах слушателей после его проповеди, ап. Павел замечает: «не судих ведети что в вас, точию Иисуса Христа, и Сего распята» ([1 Кор. 2:2](#)). Следовательно, ясно, что учение о Христе, распятом за нас, есть прямой и, так сказать, непосредственный предмет христианской проповеди. Неуклонно держась все время этого главного средоточного пункта, проповедник может мыслью своею простираться в самые разнообразные сферы человеческой жизни. О чем бы он ни говорил, главное — это не терять связи с этим средоточным пунктом. Как только связь эта будет потеряна, проповедь его уже перестанет быть христианской проповедью. Она может быть хорошей, дельной и полезной речью, но место для нее уже не церковный амвон, а какая-нибудь светская аудитория.

В последнее время многие протестантские проповедники, а за ними и некоторые наши батюшки-либералы — «прогрессисты», как их метко окрестил народ, — часто любили отрываться в своих проповедях от этого неточного корня, главного средоточного пункта, о котором мы упомянули, и заставляли свое слово служить не вечному спасению людей, а их земному счастью, земному благополучию и благосостоянию. Под влиянием так называемых гуманистических идей они считали, что главное — освободить людей от предрассудков, способствовать их физическому оздоровлению и внешнему благополучию в земной жизни. Поэтому они любили говорить о сельском хозяйстве, о необходимости прививки оспы, о любви к порядку и гражданственности и т. п. Все это, конечно, хорошо, но такие речи, конечно, не могут быть названы христианскими проповедями, связь с христианством в них совершенно утеряна, и им не место на церковном амвоне.

Проповедник — не увещатель для улучшения земного быта людей. Он — посланный Богом или призванный Церковью живой свидетель, указывающий народу путь спасения, ведущий в Царство Небесное. Это дело, ему порученное, он должен вести со всем усердием, не уклоняясь в сторону ни на десно, ни на шуе. Средоточный пункт его проповеди — Христос, за нас распятый. От этого пункта, как радиусы, во все стороны могут расходиться самые разнообразные представления, вызываемые нуждами слушателей и потребностями времени. Выбирай что хочешь из этой богатейшей сокровищницы, только не теряй связи с центром, со средоточным пунктом — Христом, за нас распятым. Ап. Павел, называя проповедь «словом крестным», в послании к Титу так подробнее указывает предметы, могущие быть содержанием христианской проповеди.

«Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в

нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам. Сие говори, увещевай и обличай со всякою властью, чтобы никто не пренебрегал тебя» ([Тит. 2:11—15](#)).

О чем же, следовательно, неуместно говорить в христианской проповеди, что не должно быть предметом ее содержания?

Неуместные речи, направленные к улучшению внешнего быта, как наставления о лучшем ведении хозяйства, о земледелии, о садоводстве, о сохранении здоровья и о прочих предметах, относящихся к внешней культуре.

Неуместны какие-либо ученые изыскания и исследования, которыми занимается школа, философского или политического характера или вообще разработка вопросов знания. Не место на церковной кафедре даже и богословским трактатам, преследующим интересы чистого знания без отношения к делу спасения слушателей, их духовному усовершенствованию. Кафедра проповедника и кафедра профессора — это две совершенно разные вещи, которые ни в коем случае не должны быть смешиваемы. У профессора на первом месте уяснение предмета, критический разбор и исследование истины самой по себе, а у проповедника главное — это духовные нужды слушателей. Их работа различна. Как метко выражается проф. Певницкий, «ученый или профессор разрабатывает почву, а проповедник берет и передает то, что возрастает на этой почве. Ученый углубляется в кладезь мудрости, а проповедник напаяет народ той водой, которая извлекается из этого кладезя».

На церковной кафедре недопустимо ничто сомнительное, апокрифическое, все то, что не имеет характера вполне твердой, конкретной истины. Проповедник говорит именем Божиим и является преемником апостолов, продолжателем их дела и, следовательно, посланником Самого Господа Иисуса Христа. Он возвещает не свое учение, но учение евангельское, учение Господа. Как же он посмеет к этому учению присоединить что-либо свое, измышленное людьми, недостоверное или не вполне достоверное, не проверенное и не засвидетельствованное Божественным авторитетом. Это было бы изменой его высокому призванию. Против таких проповедников выступает Слово Божие, особенно у пророка Иеремии. (См. [Иер. 14:14](#); 23:25—32).

Вот — общие основные начала, которые определяют более-менее широкий, можно сказать необъятный, круг проповеднических материй. Этих общих начал и нужно придерживаться, а что касается выбора темы для проповеди, то в этом отношении лучше всего предоставить проповеднику полную свободу. Для этого только надлежит каждому желающему проповедовать выработать в себе необходимый такт и благоразумие, а затем как можно ближе познакомиться с окружающей средой: чем она дышит, каково ее религиозно-нравственное настроение, каковы интересы, каков быт и нравы. При соблюдении этих основных условий сама жизнь уже подскажет проповеднику, на что ему нужно обращать главное внимание в его проповедях, какой материал из этого необъятного круга предлагать народу для его назидания. Отвлеченные указания и правила тут не помогут, а скорее могут только стеснить проповедника.

Итак, наука гомилетика не должна претендовать на то, чтобы указывать материал для каждой частной проповеди, но зато она может указывать источники, из которых проповедник может почерпнуть содержание для своих поучений, или исходные точки и руководственные начала, какими он может пользоваться, чтобы не теряться в выборе темы из всего необъятного материала. От этого различия исходных точек зависит различие четырех видов проповедей. Эти четыре вида проповедей следующие:

1) Омилия, или изъяснительная беседа, которая ставит своей задачей изъяснение Священного Писания. 2) Слово, которое берет свое содержание из идеи церковного года. 3)

Катихизическое поучение, которое излагает элементарные уроки веры, нравоучения и богослужения. 4) Проповедь, называемая публицистической, которая отвечает на вопросы современности и исходной точкой для себя имеет современные воззрения, модные веяния и болезни века.

Рассмотрим все эти четыре вида проповедей по порядку:

Омилия, или изъяснительная беседа

Первый источник, из которого проповедь заимствует свое содержание и берет исходную точку для назидания, есть Слово Божие, или Священное Писание. Сообразно этому и первый вид церковной проповеди есть омилия, или изъяснительная беседа. Это самый древний вид церковной проповеди. В первые четыре века христианства омилия была господствующим родом церковных поучений. Древние отцы-проповедники чаще всего посвящали свое слово истолкованию Священного Писания в последовательном порядке библейского текста и, толкуя текст, наряду брали из него необходимые наставления для назидания верующих. Это вполне понятно. Древние святые отцы-проповедники первым делом своим считали тщательное изъяснение священных книг, ибо эти книги, написанные по вдохновению Духа Святого, содержали с возможной полнотой все, что людям нужно знать о Боге и человеке, о законах благодатной жизни и об условиях нашего спасения. Они и даны нам для того, чтобы мы истиною, содержащуюся в них, питали свои души, разрешали все свои сомнения и недоумения и направляли свою волю к достижению духовного совершенства и вечного спасения. В те времена христиане несравненно больше интересовались Библией, чем теперь, и хотя тогда не было книгопечатания и гораздо труднее было приобрести Библию, чем теперь, у очень многих, как свидетельствует Иоанн Златоуст, были списки священных книг на руках для чтения.

В настоящее время омилия, или изъяснительная беседа, вышла из употребления. Мы не знаем случаев, когда с церковного амвона изъяснялась бы постепенно целиком та или другая книга Священного Писания. Не объясняется ли это тем, что в нынешнее время упал прежний живой интерес к священным книгам? Между тем как и ознакомить современных христиан с Библией и возбудить к ней прежний интерес, если не этим именно древним способом ведения изъяснительных бесед? Хорошо говорит об этом наш гомилет Амфитеатров: «Лучше всего было бы. — говорит он, — если бы проповедники восстановили древний образ проповеди. Церковь положила читать Слово Божие подряд и для сего определила рядовые зачала. Следовательно, по ее намерению, проповедник должен изъяснять Слово Божие не по частям, не отрывками из того или другого священного писателя, а в ряд и цельно... Не так ли поступали древние учителя христианские? Св. Златоуст избирал для своих бесед не темы, не отдельные тексты из того или другого места Писания — нет, он избирал целые книги библейские и избранную дотоле не оставлял, пока не разобрал всю ее пред своими слушателями. Только этою методою можно ввести слушателей в дух Писания, и только при этой методе можно сделать Писание учебною книгою для народа христианского».

Замечание безусловно верное. В настоящее время нет ничего легче, чем приобрести Библию в собственность на каком угодно языке и какого угодно издания, а между тем нынешние христиане чрезвычайно мало знакомы с Библией. И это не только неверующие, но даже люди вполне церковные. Они часто держат Библию дома, кладут ее у свв. икон, но никогда или почти никогда в нее не заглядывают. Она остается для них мертвой святыней, предметом внешнего почитания, но без попытки внутреннего проникновения в ее дух и содержание. Почему это так? Отчасти, конечно, потому, что теперь, с пышным расцветом книгопечатания, слишком распространилась и заняла первенствующее положение на книжном рынке светская книга. Слабые духом люди, конечно, посвящают светской книге, изображающей их самих и суетную жизнь мира сего, гораздо больше внимания, чем книге божественной, не находящей такого живого отклика в их сердцах именно благодаря своей возвышенности. У многих как-то не хватает просто энергии заставить себя познакомиться с этой книгой. И вот часто пренебрежение божественной книгой происходит именно от незнакомства с ней. Тут-то и дело

проповедника — умелой рукой показать современным христианам все богатство содержания божественной книги, почерпнуть из нее ту живую воду, которая лучше всякой светской книги может утолить человеческую жажду, жажду духа, которой особенно страдает и томится современный человек, блуждающий по распутьям мира сего и не находящий себе удовлетворения в этом своем душевном томлении.

Некоторые говорят, что трудно теперь восстановить омилию, ибо современные христиане, отвыкшие от такого способа проповедничества, не будут слушать, если им станут толковать в проповеди Священное Писание по порядку, стих за стихом. Но почему же это так успешно практикуется у сектантов? Среди них весьма часто люди темные и невежественные выступают с полуграмотным, а то и совсем безграмотным и нелепым толкованием Св. Писания, выбирая для этого иной раз самые трудные для понимания книги, как, напр., кн. пр. Иезекииля, и тем не менее их охотно и с интересом слушают. Неужели же таким толкованием Слова Божия не могли бы заняться наши пастыри-проповедники, среди которых несомненно гораздо больше людей духовно просвещенных и образованных, нежели у сектантов. Это систематическое толкование Свящ. Писания тем более необходимо, что там имеется много мест неясных и неудобовразумительных, которые превратно понимаются, криво толкуются и дают повод к нападкам на Церковь и к разным лжеучениям. Как же можно оставлять Библию без систематического изъяснения? Нет, несомненно исчезновение омилии в нынешней проповеднической практике — это большое опущение в нашей церковной жизни, опущение, которое ведет за собой много печальных и вредных последствий, в том числе в особенности — развитие и укрепление сектантства, а затем и безбожия. Конечно, в нынешних условиях трудно попытаться ввести омилию в часы богослужения, продолжительностью которого и так тяготится значительная часть прихожан, но эта трудность не освобождает пастыря от необходимости завести омилетические беседы во внебогослужебные часы в храме или в каком-либо ином помещении. Главное, чтобы верующие не оставались совсем без тщательного и последовательного истолкования всех книг Свящ. Писания по порядку. Этот долг возлагает на пастырей прямая воля Церкви, ясно выраженная в Уставе. Как известно, Церковь установила чтение некоторых священных книг при богослужении в рядовых дневных зачалах таким образом, что в течение известного периода времени книги эти прочитываются за богослужениями целиком. Одновременно с этим Устав предписывает пользоваться и истолкованиями этих же книг в те самые периоды года, когда читаются те или другие книги. Так, например, говорится в Уставе: «Подобает ведати, яко во святую и великую неделю Пасхи начинается еже от Иоанна Евангелие и чтется до Пентикостиа. Толкования же того Евангелиа Златоуста чтутся на утреня в тыя дни. От недели Пентикостиа до месяца септембрия чтется еже от Матфеа Евангелие, а толкования на оное Златоуста чтутся на утренях. От новаго же лета, сиречь от недели по Воздвижении до недели сырныя чтется от Луки святаго Евангелиа. На утренях же чтется толкование Феофилактово и толкование послание св. ап. Павла, еже от Златоуста, такожде и Маргарит Златоустов. От первыя же недели Четырдесятницы, в субботах и неделях, чтется еже от Марка Евангелие; на утренях же Шестодневник Златоустов». Но в храме при богослужениях читаются не одни Евангелия. По Уставу: «От недели св. Пасхи до недели Всех Святых чтутся Деяния свв. Апостолов; в прочие же недели всего лета чтутся семь соборныя послания апостольския и четырнадцать посланий св. Апостола Павла». Кроме книг Нового Завета бывают чтения и из книг Ветхого Завета. Так, например, в течение Великого поста на 6-м Часе прочитывается книга пророка Исаии, а на вечерне — книга Бытия, а на страстной седмице некоторые отделы из кн. Исход, кн. Иова и кн. прор. Иезекииля. В паремиях на праздничные дни всего года предлагаются отрывочные отделы еще из целого ряда ветхозаветных книг. Не значит ли это, что таким расположением чтений сама Церковь возлагает

на пастырей долг заниматься систематическим изъяснением по порядку, стих за стихом, всех этих читаемых при богослужении книг Свящ. Писания, дабы верующим ничего не оставалось в них непонятного и неудобовразумительного? Пусть этот обычай забыт: всякий добрый обычай всегда можно вспомнить, была бы только к тому ревность и охота.

Как вести омилию? Пример в этом отношении, нужно брать с древних свв. отцов и их трудами широко пользоваться. Прежде всего надо помнить, что омилия — это вовсе не ученый комментарий. Ученый комментарий по своему специальному научному характеру, по своей сухости, по своей малодоступности для понимания широкого круга верующих мало подходит для рядовой церковной аудитории — его место в школьной обстановке, среди специально посвятивших себя научно-богословским изысканиям лиц. Омилия — это есть проповедь, поучение, а не ученое исследование или научный трактат. Эту разницу между омилией и ученым исследованием Свящ. Писания прекрасно отмечает Ориген. Он сам, составивший ряд омилий, говорит: «Здесь, т. е. на церковной кафедре, мы несем служение не изъяснения Писания, а назидания Церкви, хотя из того, что мы говорим, всякий благоразумный слушатель может найти ясные стези к уразумению. Из прочитанного мы, не имея возможности изъяснить всего, собираем нечто, могущее назидать слушателей, как бы некоторые цветки с полного поля, благословенного Господом». В другой беседе Ориген замечает, что в омилии, говоримой в церкви, мы «не имеем столько времени, чтобы рассмотреть каждое слово Писания и предложить такое изъяснение его, дабы ничто не осталось неисследованным, так как объяснение подобного рода скорее дело комментария, чем беседы».

В чем же главное, характернейшее отличие между комментарием и омилией? В комментарии экзегет-истолкователь сосредоточивает свое внимание всецело на тексте Писания и представляет полное, по возможности всестороннее исследование его, а в омилии у экзегета главное внимание устремлено на потребности, духовные нужды слушателей. Он не ставит своей задачей дать полное объяснение известного места Свящ. Писания, а старается только извлечь из него полезные уроки, назидание для слушателей.

В древности практиковалось два способа изъяснения Свящ. Писания. Александрийская школа, не довольствуясь простым, прямым смыслом Свящ. Писания, искала смысл аллегорический, иносказательный. Антиохийская школа, не чуждаясь совершенно аллегории и пользуясь ею там, где надо, главное внимание сосредоточивала на буквальном, прямом смысле библейского текста. Представителем этого второго направления был св. Иоанн Златоуст, который особенно любил и умел извлекать из каждого места Свящ. Писания нравственные уроки. Он как экзегет-проповедник — по преимуществу именно нравоучительный проповедник, и в этом отношении ему нет равного во всей христианской церковной истории. Каждый, кто хочет быть настоящим проповедником, должен учиться этому у св. Златоуста: следуя его примеру, в Свящ. Писании можно найти неистощимые запасы материалов для назидания слушателей.

Слово, черпающее содержание из идеи церковного года

ЕСЛИ В древней Церкви господствующей формой проповедничества была омилия, то в настоящее время господствующим видом церковной проповеди является слово, которое берет свое содержание из идеи церковного года. Идея церковного года, после Свящ. Писания, есть второй источник, из которого проповедник может черпать материал для назидания верующих. Церковный год с его праздниками и днями памяти свв. угодников Божиих раскрывает перед нами все широкое и многообразное содержание христианского учения, содержимого Церковью. Он рисует перед нами живо и наглядно всю дивную картину Божественного домостроительства нашего спасения. К каждому дню года приурочена определенная часть из необъятной области святых истин. Вот в зависимости от того, какой день празднуется, проповедник и может от идеи этого дня заимствовать содержание своего слова.

По характеру богослужений некоторые гомилеты разделяют год на две половины: праздничную и простую. Праздничная половина, в свою очередь, может быть разделена на три стадии, из которых каждая отличается своим особым характером. Первая стадия захватывает период времени подготовки к празднику Рождества Христова и затем так называемые «святки» — самые праздники Рождества Христова и Богоявления. В круге церковного года эти события, хотя и разделены между собой периодом в 30 лет, сближены, ибо они оба одинаково служат предначинательными явлениями в истории искупления, совершенного воплотившимся Сыном Божиим. В древней Церкви оба эти праздника поэтому даже объединялись и праздновались в один день. Церковные службы этих дней дают богатый материал для назидания верующих.

Вторую стадию составляет Великий пост, или св. Четырдесятница, с подготовительными к нему неделями. В этой стадии главным пунктом являются дни воспоминаний страданий и крестной смерти Христа Спасителя. Этот период времени переполнен чувствами скорби и покаяния, которые особенно близки душе каждого человека, и поэтому книга Триодь Постная, по которой совершается богослужение в эти дни, может дать особенно богатый материал для проповеди. Амфитеатров называет Триодь Постную одной из боголепнейших церковных книг. «Она, — говорит он, — собрание возвышенных песней умиления, покаяния, горьких слез о глубине падения и о нечистоте павшего духа человеческого... Грешно проповеднику, если он не хочет проникаться духом Триоди в те дни и в проповедях своих удаляется от ее содержания и тона». Прекрасны и подготовительные недели: неделя мытаря и фарисея, неделя блудного сына, мясопустная — о Страшном Суде и сыропустная -изгнание Адамово. Все эти службы проникнуты одной общей глубокой идеей и неизменно выдерживают один тон и характер, хотя основная идея, развиваясь в течение дней св. Четырдесятницы, находит много различных форм выражения, причем каждому дню придается свой особый оттенок, свое особое содержание. Этот период покаянных и скорбных воспоминаний прерывается двумя радостными праздниками — Входом Господним в Иерусалим и Благовещением.

Третья стадия — самая торжественная. Начинается она светлым праздником Пасхи и оканчивается праздником Пятидесятницы. В эту стадию Церковь воспоминает праздников праздник и торжество торжеств — всерадостное событие Светлого Воскресения Христова, день торжества воскресшего Искупителя нашего, победы Его над смертью. Трудно представить себе что-нибудь более величественное и отрадное, чем эти дивные возвышенные службы, которые далеко уносят дух человека от земли и заставляют его забывать все земное, наполняя все существо его светлой небесной радостью, погашающей все скорби и горести. Это ликование продолжается 40 дней, до самого праздника Вознесения Христова. Светлый период этот завершается праздником Пятидесятницы, когда воспоминается сошествие Св. Духа на апостолов

и вместе с тем основание Церкви Христовой на земле. Радостная по воспоминаниям, эта стадия церковного года еще тем радостнее для нас, что она совпадает всегда с весенним оживлением природы, когда будто сама природа веселится и радуется с нами, как бы принимая участие в радости верующих. В этот период читается за богослужениями Евангелие от Иоанна и Деяния апостольские. И то и другое дает изобильный материал для проповеди в эти дни радости и ликования. Вторая, неспражничная половина церковного года представляет собою жизнь Церкви, основанной Господом после совершенного Им дела Искупления и наделенной благодатными силами к освящению верующих. Здесь главное внимание обращено на празднование памяти святых угодников Божиих, спасавшихся в Церкви и сподобившихся получить в великой мере ее благодатные дары, а потому просиявших многими знаменаниями и чудесами. Непражничная половина года открывается неделей Всех Святых, первой по Пятидесятнице, когда Церковь вспоминает весь великий сонм людей, воспользовавшихся плодами искупления и своею жизнью благоугодивших Богу. Эти святые служат посредниками, связующими Церковь земную, воинствующую, с Церковью небесной, торжествующею. Таким образом, в службе этой недели обнимается мыслию вся полнота Церкви. Воспомявая всех святых, Церковь, с одной стороны, прославляет силу благодати Божией, нас спасающей и освящающей, с другой стороны, предлагает нам высокие образцы для подражания. Особенно Церковь чествует свв. мучеников, кровь которых явилась ее основанием. Память каждого из святых также дает богатейший материал для проповеди. Хорошо делают те проповедники, которые не гоняются за оригинальностью своих поучений, а просто излагают в своей проповеди житие того или иного св. угодника Божия. Это особенно важно и нужно теперь, когда вышли у нас из домашнего употребления Четьи-Минеи и когда большинство прихожан совершенно не знакомы с житиями святых. Многие прекрасно знают, изучили всю литературу русскую и иностранную, а жизнеописания свв. угодников Божиих для них — «terra incognita». К этому неспражничному периоду года принадлежат и некоторые рассеянные среди него праздники, как-то: Преображение Господне, Воздвижение Честнаго и Животворящаго Креста Господня, Успение и Рождество Пресвятыя Богородицы.

Важны, как материал для назидания, и специальные дни, установленные Церковью для поминовения усопших, как, например, суббота мясопустная, суббота пред Пятидесятницей и вторник после недели Антипасхи.

Что же выбирать проповеднику из материй, заключающихся в идее церковного года?

Прежде всего проповедник должен сам для себя уловить самое существенное, самое важное в идее того или другого церковного дня, а затем представить это в уясненном виде народу. Существенный смысл учения, приуроченного к тому или иному дню, прежде всего заключается в дневных евангельских и апостольских чтениях, и на них-то прежде всего должен обратить свое внимание проповедник. На первом месте при этом, конечно, должно стоять Евангелие, которое обычно повествует о событии и раскрывает смысл и значение празднуемого дня. Проповедник может истолковать все евангельское чтение данного дня, а в случае, если оно настолько богато содержанием, что трудно в одном поучении разработать его все, по большей части берут только одну мысль, один какой-нибудь стих из прочитанного Евангелия, ставят его во главе проповеди и из него выводят тему или назидательный урок, который считают полезным сообщить народу. Хорошим пособием для этого могут служить известные сборники поучений на все дни года, которых у нас на русском языке очень много издано в последние годы, а из древних особенно замечательны так называемое Учительное Евангелие Никифора Каллиста или Филофея и Учительное Евангелие Кирилла Транквиллиона.

Вторым источником для проповедника в идее церковного года служит апостольское чтение. Правда, в апостольских чтениях не так ярко оттеняется идея данного церковного дня,

как в Евангелии, а кроме того, содержание их гораздо труднее для усвоения и понимания. Поэтому проповедники предпочитают пользоваться чаще евангельским чтением и уклоняются от истолкования апостольского. Между тем апостольские чтения отличаются всегда большим богатством содержания, а их меньшая удобопонятность для верующих как раз и налагает на проповедника долг заняться их изъяснением. Прекрасным пособием для истолкования апостольских чтений могут послужить проповеднику творения св. Иоанна Златоуста.

Третий источник для проповедей по кругу церковного года — это исторические события, воспоминаемые Церковью. К этому источнику естественно обращаться в дни двенадцатых праздников Господских и Богородичных, когда воспоминаются разные события из жизни Господа Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы. События праздников Господских почти все рассказаны в евангельских чтениях на эти дни. Что касается праздников в честь Пресвятой Богородицы, то там, наоборот, кроме праздника Благовещения, евангельские чтения не имеют непосредственного отношения к воспоминаемым событиям. Поэтому предметом проповедей в Богородичные праздники должны служить по преимуществу события из жизни Богоматери, изъясняемые применительно к нравственным потребностям слушателей.

Тут необходимо отметить, что составление хорошей проповеди на какой-нибудь праздник — вовсе не такое легкое дело, как это на первый взгляд кажется. Весьма часто эти праздничные проповеди бывают бесцветными, мало оригинальными, в них слышится только повторение сказанного другими. По мнению выдающихся проповедников, особенно трудно составлять хорошие проповеди на праздники в честь Пресвятой Богородицы. Поэтому составление таких проповедей требует особенно вдумчивого отношения проповедника к избранной теме: необходимо хорошо уяснить себе основную мысль подготовляемой проповеди, а затем как следует, глубоко прочувствовать ее. Иначе проповедь будет шаблонной и бесцветной и не произведет надлежащего впечатления на слушателей.

При составлении проповедей на дни праздников хорошо пользоваться схемой, указанной одним из наших гомилетов, который главными предметами поучений на эти дни считает:

1) учение историческое, так как всякий праздник есть живое представление того или другого происшествия из жизни Искупителя; 2) учение догматическое: всякий праздник в основании своем содержит и в службе отражает тот или иной догмат церковный. Проповедник не должен обходить этого догмата, а обязан изъяснять его; 3) учение нравственное: оно есть следствие догмата, а поэтому проповедник, изъяснив догмат, должен открывать практические стороны его.

Четвертый источник поучений по кругу церковного года — это памяти святых, прославляемых Церковью. В прежнее время жития святых были любимым чтением нашего народа. Теперь духовная литература вытеснена из употребления светской литературой, по большей части невысокого качества: серьезное, глубокое и содержательное чтение мало кто любит; чтение стало не серьезным занятием, а развлечением, и теперешние христиане пробавляются пустыми, а зачастую и пошлыми, безнравственными романами. Долг пастыря вернуть человеческой жизни утраченное ею серьезное содержание, а это легче всего сделать, указывая на высокие образцы истинно христианской жизни святых угодников Божиих. Поэтому весьма важно в проповедях как можно чаще пользоваться житиями святых, приводя их даже целиком в дни празднования того или другого св. угодника Божия. Они настолько интересны, что могут захватить и увлечь слушателей больше, чем сухие теоретические рассуждения, которыми иногда любят злоупотреблять проповедники, желая придать своей проповеди больше серьезности и тем привлечь к ней внимание интеллигентных слушателей.

Жития святых в наиболее полном виде содержатся в прологе и в Четьи-Минеях. Отсюда вытекает для проповедника необходимость ближе знакомиться с этими книгами, чаще читать

их, и не только готовясь к проповедям, но и занимать этим чтением свои досуги, чтобы проникаться духом их, ибо наши жития святых — это поистине живое откровение Православия в лицах. Кто знает жития святых, тот знает Православие не в виде голых отвлеченных истин, малодоступных пониманию и усвоению рядовыми верующими, а в виде его жизненного выражения, вполне доступного пониманию и способного воодушевлять на воплощение в жизни спасительных истин Христовой веры, что и служит главной задачей проповедника, без чего проповедь будет только медью звенящей, кимвалом звучащим.

Как говорить такую проповедь, посвященную памяти святого?

Можно просто восстановить в памяти слушателей жизнь его, ознаменованную подвигами веры и благочестия, или сообщить им факты новые для них и говорить, таким образом, похвальную речь. Передача жития святого, сделанная умело, сама по себе глубоко назидательна, но еще лучше с рассказом о жизни святого и похвалой его подвигам соединять увещание и наставление народу. По выражению наших выдающихся гомилетов, излагать житие святого надо всегда так, чтобы побудить слушателей больше подражать славимому святому, нежели удивляться ему. Мало толку будет от проповеди, если проповедник поставит себе целью только всячески вознести на недостижимую для смертных высоту подвиги и жизнь святого — этим одним он может только дать понять слушателям, что подражание святому для них неисполнимо, что святой — исключительный человек, следовать примеру которого для них невозможно. Нет, помимо похвал высоте жизни святого, проповедник всегда должен стараться указать на такие черты в его жизни, которые сближают его с обыкновенными людьми и могут служить поводом к решимости подражать ему.

Здесь мы дали несколько руководственных указаний общего характера для проповедника, который желал бы придерживаться в своих проповедях идеи того или другого дня церковного года. Некоторые гомилеты ставят себе задачей указать более подробно и самые темы проповедей. Но это уже излишне. Самодеятельность проповедника в этой области не должна быть стесняема. Главное, о чем надлежит проповеднику помнить, — это то, что слово его должно быть словом живым, исходящим из глубины его духа: он должен говорить только то, что сам прочувствовал, чем он сам проникся, — иначе слово его будет сухим, вялым и отвлеченным.

Содержание церковного года, как мы видим, чрезвычайно богато материалом для проповедей. Но, конечно, одним этим источником проповеднику не следует ограничиваться. По временным и местным обстоятельствам даже нужно бывает прибегать и к другим источникам. Проповедник не может и не должен проходить равнодушно мимо нужд и запросов времени. Какое-нибудь случайное бедствие, постигшее слушателей, какие-нибудь лжеучения или нравственные болезни, вредные для духовной жизни соблазны или увлечения — все это должно отвлекать проповедника от строгого следования идее церковного года. Проповедник, как живая душа, обязан на все откликаться, что так или иначе может влиять на души его слушателей. Так, например, св. Иоанн Златоуст и в дни св. Пасхи находит себя вынужденным возвышать свой голос против пьянства и соединенных с ним бесчинств. Св. Григорий Нисский в воскресный день говорит слово против не могущих сносить никаких упреков, по поводу беспорядков, случившихся в церкви в субботу, и т. д. Хорошо, конечно, связать эти злободневные события с темой дня, но если это трудно и выйдет слишком искусственно, то можно говорить и прямо о том, к чему вынуждает необходимость. В таком случае песнопения, молитвы и чтения данного дня, которые и сами по себе назидательны, дадут верующим одно назидание, а проповедник своим словом прибавит к ним другое.

Катихизическое поучение

Третий источник, из которого проповедник может брать темы для своих поучений, — это принятые Церковью сокращенные изложения веры, нравоучения и молитвы. Эти предметы излагаются обычно в катихизисе, а поучения, в которых они изъясняются, — носят названия катихизических поучений. Иными словами: катихизические поучения — это те, в которых преподаются основные уроки веры и жизни христианской, то, что составляет самое необходимое знание для каждого желающего быть христианином.

Первым и главным предметом катихизических поучений является составленный отцами I и II Вселенских соборов так называемый Никео-Цареградский символ, в котором заключено и выражено все существенное, относящееся к вере христианской.

Второй предмет катихизических поучений — это учение о нравственности христианской, изложенное в 10 заповедях Закона Божия и в 9 заповедях блаженства.

Третьим предметом катихизических поучений является учение о молитве. Образцом всех молитв и, следовательно, центром толкования является молитва Господня. Но наряду с ней должны истолковываться и прочие наиболее употребительные молитвы, а также и весь наш богослужебный чин, в особенности же важнейшая из всех служб — Божественная литургия.

К этим трем предметам следует добавить еще священную историю — конечно, в общих чертах. Все это, как мы видим, составляет как бы азбуку или элементарную книгу, которая включает в себе основные существенные пункты христианского учения. Каждый вступивший в Церковь Христову и носящий звание христианина обязан знать эти основные предметы. Пастырь, учитель вверенного ему народа, обязан наставить своих пасомых в знании этих основных предметов.

В древней церкви такое элементарное катихизическое учение сообщалось христианам еще прежде принятия их в число полноправных членов Церкви через крещение. Христиане, еще не принявшие крещения, назывались оглашенными, а оглашение как раз и состояло в ознакомлении их с главными пунктами христианской веры. Некоторые из оглашенных на очень долгое время откладывали принятие крещения, одни по небрежности, другие — в надежде, что крещение, принятое перед самой смертью, омоет грехи, сделанные в течение всей жизни. Но Церковь неблагоприятно смотрела на такое откладывание крещения. Св. Григорий Нисский говорил даже особое слово против откладывающих крещение. Ежегодно Церковь обращалась к оглашенным, приглашая их готовиться к принятию крещения. По большей части крещение приурочивалось к празднику Пасхи. Но еще задолго до Пасхи, именно с праздника Богоявления, все желающие креститься заносились в особую запись. Эта запись продолжалась до второй недели Великого поста, как говорит 45-е правило Лаодикийского собора: «по двух седмицах Четыредесятницы не должно принимать ко крещению».

Такие оглашенные, которые были занесены в список, назывались «просвещаемые», по церковнославянски — «иже ко просвещению». Это о них молится Церковь на Преждеосвященных литургиях с середины поста. Просвещаемые обязаны были тщательно изучать основы христианской веры и в усвоении их должны были давать отчет перед Церковью или ее представителями. 78-е правило VI Вселенского собора и 46-е правило Лаодикийского собора говорит: «готовящимся ко крещению надлежит обучаться вере, и в пятый день седмицы давать ответы епископу или пресвитерам». Первое, что они должны были изучить, — это «символ веры», а затем — молитву Господню. Выучивали они не по книге, а путем устной передачи. Мужчин обыкновенно научали диаконы, а женщин — диакониссы. В своей речи к оглашенным блаженный Августин так говорит об этом: «Воспримите, чада, правило веры,

которое называется символом, и когда воспримете его, напишите в сердце и каждый день говорите у себя... Символа никто не пишет, чтобы можно было читать, но для сохранения его, чтобы как-нибудь забвение не изгладило, что предало прилежание, пусть для вас кодексом будет ваша память. Что услышите, тому веруйте, а во что уверуете, то передайте еще языком. Этот символ вы будете изучать, а потом будете сдавать его».

Перед началом изучения символа веры предстоятелем Церкви говорились более или менее краткие речи, в которых передавалось содержание символа и разъяснялся его смысл.

По изучении символа готовящиеся ко крещению сдавали его, то есть публично произносили перед священником, пресвитерами и верующим народом. Обыкновенно это происходило на пятый день шестой седмицы Великого поста. При сдаче символа также говорились речи предстоятелями церкви. Среди творений блаж. Августина имеются четыре таких речи о символе. При этом оглашенным давалось наставление твердо держаться символа, который они изучили, и новые изъяснения с целью утвердить их в знании христианского учения. От епископа Равеннского V в. Петра Хрисолога дошло до нас 7 таких проповедей, касающихся символа веры.

Сверх всего этого для оглашенных в течение всего Великого поста говорились особые так называемые «огласительные поучения», в которых подробно объяснялось все существенное, относящееся к христианской вере. До нашего времени дошел очень интересный и важный памятник этого рода, именно: «Огласительные и тайноводственные поучения св. Кирилла Иерусалимского». Начинаются они увещанием к нравственному обновлению, затем в первых 5-ти поучениях раскрываются предметы общего нравственно-религиозного характера, а потом, начиная с 6-го поучения, изъясняются догматы веры, следуя порядку членов символа веры; одновременно св. Кирилл выступает с опровержением лжеучений его времени. Важнейшим дополнением к догматическому учению в оглашениях было нравоучение. К сожалению, в последнем, 18-м поучении св. Кирилл только обещает оглашенным учить их о том, как они должны жить достойно полученной ими благодати, но дальнейшие его поучения на эту тему — о нравственной христианской жизни. — до нас не дошли. Основанием для нравоучения обычно всегда было Десятословие, данное через Моисея, которое и подвергалось истолкованию в проповедях.

Далее в состав огласительного учения входила Священная история. Исторические повествования всегда более понятны и легки для усвоения, чем теоретическое учение, а потому блажен. Августин советует всегда начинать катихизацию оглашенных со Священной истории, излагая все важнейшие факты ее, начиная с сотворения мира и кончая современным положением Церкви.

По его словам, к рассказу должно быть присоединяемо основание и изъяснение, то есть теоретическое учение, -как золото, служащее к оправе бриллианта.

При изложении ветхозаветных событий все должно быть направляемо к одному главному пункту. Этот главный пункт — пришествие Христова и дело искупления, совершенное воплотившимся Сыном Божиим.

Оглашение, однако, еще не заканчивалось с принятием крещения. В дни пасхальной седмицы новокрещенные посещали церковь и им объясняли значение богослужения и важнейших таинств. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас так называемые тайноводственные поучения св. Кирилла Иерусалимского. В пяти тайноводственных поучениях св. Кирилл раскрывает новопросвещенным смысл и значение важнейших таинств: крещения, миропомазания и Евхаристии — и тех обрядов, с какими соединено было совершение этих таинств.

Итак, круг предметов, знание которых необходимо для каждого вступающего в церковь,

сводится к следующему: 1) учение догматическое, содержащееся в символе веры, 2) учение нравственное, основывающееся на Десятословии, 3) молитва Господня, 4) чин богослужения и обряды таинств и 5) Священная история в ее главных лицах и событиях.

Предполагая, что эти элементарные знания хорошо известны всем верующим, проповедники в своих проповедях больше уже не повторяли того, о чем говорили в огласительных поучениях, а вели своих слушателей дальше: разъясняли по порядку книги Священного Писания, истолковывали более глубокие истины веры, вводили своих слушателей в дух церковных деятелей и подвижников, достойных подражания, и т. д. словом, старались питать их уже не молоком, а твердой пищей.

В нынешнее время, за весьма редкими исключениями, почти нет оглашенных, ибо крещение, как мы знаем, совершается над младенцами, причем поручителями за их веру являются восприемники. Значит ли это, что в нынешнее время уже нет нужды в огласительных поучениях? Казалось бы, восприемники, семья и школа должны научить крещенных в младенчестве всем элементарным истинам веры и они, придя в зрелый возраст, должны были бы являть собой «мужей совершенных», хорошо знакомых со всеми истинами веры, и могли бы потом питаться уже не молоком, а твердой пищей, будучи зрелы вполне не только телом, но и духом. Увы, в действительности этого нет, и мы знаем, что современные нам взрослые христиане часто обнаруживают самое постыдное невежество в элементарных вопросах христианской веры: не все даже способны прочесть на память символ веры, а что касается богослужения и таинств, то многие потому и в церковь не ходят, что все тут для них оказывается чужим, незнакомым и непонятным. Отчего это? Причиной такого духовного огрубения и религиозного невежества является чисто светская система воспитания, которая давно прочно водворилась у нас со времен императора Петра, особенно в интеллигентных кругах нашего общества. Пренебрежение ко всему своему родному и слепое подражание чужому, западноевропейскому, заставило русских людей отказаться от благого влияния Церкви в деле воспитания детей, и результаты не замедлили сказаться. Ныне сами восприемники настолько невежественны, что неспособны научить своих крестных детей истинам веры. Восприемничество сделалось в сущности простой формальностью, не налагающей на восприемников никаких действительных обязанностей. Школа дает по большей части светское образование, тщательно избегая привнесения всякого религиозного элемента в преподавание. Закон Божий только терпится и в большинстве наших школ рассматривается как излишний предмет, сохраняющий свое положение в общей учебной программе только ради приличия. Не раз были попытки разного рода так или иначе свести на нет преподавание Закона Божия и даже объявить его необязательным предметом, а то и вовсе упразднить его, выбросив из гимназической программы. Удивительное ли дело после этого, что нынешние взрослые христиане нередко совсем не знакомы с самыми элементарными истинами Христовой веры?

Вот почему катихизические поучения и ныне необходимы, уже не для оглашенных, как было в древности, а для крещеных христиан, от младенчества находящихся в ограде Церкви. Долг каждого пастыря-проповедника — позаботиться о том, чтобы его пасомые не оставались в таком беспросветном религиозном невежестве. Где возможно и удобно, хорошо устраивать с этой целью специальные внебогослужебные беседы и чтения. Можно делать это с наибольшим удобством, как показал опыт, в воскресные дни после вечернего богослужения тут же, в храме, или же раз в неделю в будничные дни в церковном доме, если таковой есть, или в каком-нибудь общественном собрании. Так или иначе, но такие катихизические собеседования безусловно необходимы. Нынешнее время вообще требует, чтобы и обычные проповеди с амвона по праздничным дням не были бы слишком трудны для понимания, а отличались бы возможно большей простотой и доступностью: нельзя же питать твердую пищу тех, кто

способен принимать только млеко, а теперь таких большинство.

Разумно ли будет говорить ученые и глубокие проповеди, удовлетворяя этим нужды ничтожного меньшинства, а большинство оставлять без духовного насыщения?

Вот почему в наше время каждый пастырь-проповедник непременно должен быть хорошим катихизатором и этой катихизации посвящать возможно больше времени всюду и при всех обстоятельствах — и в храме и на дому, и во время богослужения и во внебогослужебные часы.

Проповедь на современные темы (публицистическая)

Наряду с омилией — словом, почерпающим свое содержание из идеи церковного года, и катихизическим поучением существует еще четвертый вид проповеди, который служит как бы восполнением их. Это так называемая проповедь публицистическая, которая берет своей исходной точкой запросы современности. Этот вид проповеди имеет то основное отличие от первых трех видов, что там коренным источником и исходной точкой служит Слово Божие и вера Церкви, а здесь исходной точкой являются те настроения, которые проповедник замечает в современной жизни, заблуждения, недостатки и пороки, которые он наблюдает в окружающей среде и против которых он направляет свое учительное слово.

Законность и необходимость такой проповеди совершенно очевидна. Мало, если проповедник занимается только изъяснением Слова Божия и учения Церкви. Как мы раньше говорили, каждая проповедь должна иметь в виду духовные нужды слушателей. Плохо, если проповедник разглагольствует на кафедре сам по себе, о чем ему заблагорассудится, не вникая в духовные потребности слушателей. Он может говорить очень хорошо, умно и красноречиво, но слово его пройдет мимо сердец слушателей, не найдя в них для себя благоприятной почвы. Мало поэтому только излагать божественную и церковную истину. Начала веры неизменны, но жизнь человеческая течет и видоизменяется: это постоянно волнующееся море, где нет твердой устойчивости. Каждое время, каждая эпоха выдвигает свои волнующие людей вопросы; кроме того, не одинаково содержание и направление духовно-религиозной жизни в разных местностях. Вера одна и та же, природа человеческая тоже; но зато меняются средства, которые употребляет враг нашего спасения для соращения людей в погибель, меняются искушения и соблазны, которыми он думает отвратить людей от спасительного Божьего пути. Правда, и те проповедники, которые берут исходную точку в Слове Божиим или в учении Церкви, тоже не оставляют без внимания запросы времени, но все это может быть только вскользь и между прочим, насколько позволяет ассоциация представлений, вытекающая из темы общего характера, и при этом легко могут остаться не затронутыми главные больные места современности. Бывают иногда такие вопиющие болезненные явления, которые настойчиво требуют от проповедника горячего, сильного обличительного слова. Тут-то и надлежит проповеднику отложить на время обычный способ проповеди и исходной точкой взять именно это болезненное явление или этот животрепещущий вопрос современности. А это как раз и будет проповедь публицистическая.

Такие проповеди особенно необходимы в больших городах, крупных центрах светского просвещения, где часто возникают и утверждаются настроения и направления мысли, несогласные с учением Церкви, а иногда и прямо враждебные ей. Всем известно, что в нынешнее время наше интеллигентное общество особенно падко на увлечения всякими модными учителями, поистине лжехристами и лжепророками. И если теперь русское общество после горького опыта русской революции в значительной части уже исцелилось от полного безбожия и увлечения социалистическими и коммунистическими идеями, то отнюдь нельзя сказать, что все наши интеллигенты стали строго церковными, истинно православными верующими, даже среди тех, которые вновь обрели утраченную ими прежде веру в Бога.

Многие ударились в сектантство, увлекаясь сектантскими идеями, хотя и остаются формально в лоне Православной Церкви; особенно заманчивым и модным учением для современной нам интеллигенции является оккультизм и теософия, не изжито еще вполне и более-менее серьезное занятие спиритизмом. На оккультизм и теософию особенно падки бездетные женщины и молодежь, мистически настроенная, но не пришедшая к Церкви по вине

родителей и воспитателей. Ныне поэтому особенно благовременно проповеднику возвышать свой голос не только против явно безобразных явлений жизни, но и против этих болезненных извращений религиозной жизни, часто ведущих к умопомрачению и потере рассудка, а иногда и к самоубийству у лиц особенно нервных и впечатлительных... В наш больной век не избежали уклонения от истины Православия и те наши интеллигенты, вернувшиеся к Церкви, которые возомнили себя наделенными пророческим даром и непосредственным наитием от Духа Святого и проповедуют «новое, реформированное Православие», весьма опасное и обольстительное, поскольку их туманный образ мыслей и выражений не дает возможности рядовому верующему разобраться в их хитросплетениях и разоблачить скрывающуюся в них ложь. И это течение, успевшее завоевать себе прочные позиции в русской зарубежной пастве, современный проповедник не должен оставлять без внимания.

Все эти явления — не что иное, как сорная трава и вредные тернии на поле, заглушающие пшеницу и мешающие ее произрастанию. Добрый пастырь, как хороший земледелец, непрременной обязанностью своею должен считать очищение своего поля от этих терний, дабы дать место произрастанию доброго семени. Об этом говорит св. ап. Павел, когда пишет Тимофею: «Согрешающих пред всеми обличай, да и прочие страх имут» ([1 Тим. 5:20](#)), а в другом месте: «проповедай слово, настой благовремение и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением», причем сам предрекает: «будет бо время, егда здраваго учения не послушают, но по своим похотех изберут себе учителя, чешеми слухом, и от истины слух отвратят и к баснем уклонятся» ([2 Тим. 4:2—4](#)). Значит, когда явятся признаки такого времени, каждый проповедник, согласно постановлению апостола, должен выступить во всеоружии против людей, извращающих истину, и предостеречь от увлечения ложными учениями свою паству.

Примером для нас в этом отношении были свв. отцы первых веков христианства. Они отличались необыкновенной чуткостью и живо откликались своим сильным авторитетным словом на все запросы времени, в особенности когда необходимо было предостеречь верующих от увлечения еретическими заблуждениями. Особенно во времена Ария, волновавшего своей ересью весь христианский мир, все свв. отцы выступали в своих проповедях горячими защитниками истины Православия, разоблачая лжеучение. Для этого они обыкновенно брали исходной точкой те лжетолкования св. изречений Слова Божия, которые распространялись арианами, вскрывали их лживость и разъясняли истинное учение Церкви. Также и во времена Нестория, который унижал богоматернее достоинство Пресвятой Девы Марии, все отцы того времени посвящали свои проповеди прославлению Пресвятой Богородицы. Эти проповеди в значительном числе сохранились до нашего времени и составляют самую видную часть гомилетической литературы того времени. Но не только одни ереси, а и всякого рода нравственные беспорядки и безобразия тоже побуждали свв. отцов выступать с пламенными обличительными поучениями. Так, мы знаем, что св. Иоанн Златоуст и св. Василий Великий даже в светлые пасхальные дни выступали с резкими словами против пьянства вследствие бесчинств, которые учинялись некоторыми в эти святые дни. Говорил также св. Иоанн Златоуст против увлечения театральными зрелищами, возмущенный тем, что жители Константинополя в Страстную пятницу были на конском ристалище, а в Великую субботу — на театральном представлении.

Каждый ли пастырь должен уметь произносить проповеди на современные темы?

Конечно, в идеале было бы прекрасно, если бы каждый священник, городской или деревенский, был настолько хорошо и всесторонне образован, что мог бы всегда откликнуться на все запросы современности и всегда мог бы во всеоружии противостоять каждому вновь возникающему вредному увлечению и лжеучению. Но этого трудно требовать. Чтобы с успехом

вести защиту церковного учения перед образованным обществом и показать ему несостоятельность новых идей и направлений, проповедуемых часто людьми весьма умными, прекрасно образованными и даже талантливыми, от проповедника требуется тоже много таланта, много знаний, много силы и энергии слова и при этом, что самое главное, конечно, — глубокого убеждения и горячей ревности в защите св. истины Православия. Не всякий может быть к этому способен, не у всякого могут быть все эти данные и все эти высокие качества и таланты. Отсюда вытекает необходимость, осознанная уже давно как у нас в России, так и в других православных церквях, -необходимость учреждения особой должности проповедника-миссионера. Надо только, чтобы на эту должность не смотрели как на нечто формальное, а чтобы на нее назначались люди, действительно обладающие всеми вышеперечисленными необходимыми качествами и талантами, люди, глубоко убежденные в истине Православия, отличающиеся горячей ревностью, знанием и сильным красноречивым словом. Подобные проповедники и были и есть до сего времени в единоверной нам Греции — так называемые иерокириксы. Они назначаются на целый округ и обязываются проповедовать в церквях этого округа по очереди или по мере особой необходимости в том или ином приходе, не отвлекаемые никакими другими обязанностями. Подобные же должности учреждены были и в Болгарской церкви после великой войны под названием «епархийски проповедник»: он назначался для каждой отдельной епархии и, не зная никаких других обязанностей, по назначению правящего архиерея проповедовал каждый праздник и каждый воскресный день то в одной, то в другой церкви данной епархии.

Необходимо было бы и у нас учредить подобные должности епархиальных проповедников, не связанных никакими другими обязанностями, но следящих единственно за течением общественной жизни, изучающих все современные настроения и направления общественной жизни и умеющих живо и горячо в сильном и красноречивом слове на них откликнуться.

Теперь последний, самый важный и необходимый вопрос: как вести проповедь публицистического характера? Хотя исходной точкой здесь является не Слово Божие, а то или иное явление современной жизни, но ответ на него должен быть дан только на основании Слова Божия. Нельзя допускать ни малейшего изменения начал веры Христовой; нельзя делать никаких уступок ходячим заблуждениям времени. Напротив, чем больше замечается в жизни отступлений от чистой веры и благочестия, тем более строгим и неумолимым надлежит быть проповеднику в защите святой истины. И это естественно: задача проповедника — не принижать высоких требований Божественного Закона до уровня опустившейся жизни, но возводить жизнь до той высоты, на какой она должна стоять, по требованию Слова Божия и учения Церкви. Сбившихся с прямого пути преступно было бы оставлять на полдороге в самообольщении и ублажать их надеждой, что они как-нибудь сумеют добраться до цели: их нужно прямо, уверенной и твердой рукой возвратить на тот путь, который они утратили.

Такова задача истинного христианского проповедника. Идея примирения христианства с современностью — это одна из модных и весьма заманчивых идей, и она уже нашла себе применение в католичестве и протестантстве, но она глубоко чужда духу Православия как единой истинной бескомпромиссной веры. Пусть жизнь слишком отвердела в своих антихристианских началах и не показывает ни малейшей склонности подчиняться высоким требованиям христианского идеала; это вовсе не значит, что проповедники должны бояться представить христианский идеал во всей его чистоте и строгости и проповедовать какое-то смягченное полухристианство, христианство разжиженное и расслабленное. От такой проповеди, которая может иметь большой успех у слушателей, тяготящихся высокими требованиями христианства, будет прямой вред, ибо такие проповедники своей проповедью как бы санкционируют понизившийся религиозно-моральный уровень жизни и убаюкивают

уклоняющихся от Церкви сладким сном неведения и окамененного нечувствия, которое именно и составляет главное зло, основной недуг нашего времени. К таким уступчивым проповедникам вполне применимы строгие прещения на лживых пророков, какие мы находим в книге пророка Иеремии. Они говорят: «Мир! мир! когда нет мира. Они возглашают: откровение!» А между тем они проповедуют «ложь и обман своего сердца. Господь Саваоф говорит о таких пророках: не слушайте слов их: они обманывают вас, рассказывают мечты сердца своего, а не от уст Господних. Я не посылал пророков сих, а они пророчествовали сами от себя» (23:16—32). Забота о спасении людей — вот основная идея всякой христианской проповеди во все времена и при всех обстоятельствах жизни. Там, где в проповеди не имеется в виду это, или там, где эта идея отходит на второй план, там не может быть и речи о проповеди христианской.

Глава: О характере проповедей

Итак, в прошлой лекции мы разобрали вопрос о том, о чем нужно проповедовать. Теперь предстоит нам разрешить другой, не менее важный вопрос: о том, как нужно проповедовать. Прошлый раз мы рассмотрели, что может быть материей, или содержанием проповедей; теперь естественно возникает вопрос: как эта материя должна раскрываться и излагаться в церковной проповеди?

В иностранных гомилетиках обыкновенно очень много распространяются о составных частях проповеди и об их построении, как-то: приступ, тема, разделение, исследование и заключение. Но не это важно для гомилетики, ибо это в сущности только повторение того, что излагается в курсах риторики. Нам важно установить, что же именно составляет отличительный характер, главный признак проповеди, отличающий ее от светских ораторских произведений?

Основные черты, определяющие характер проповеди, легко вывести из самого существа или понятия проповеди. Что такое проповедь? Проповедь, как мы уже говорили, есть не что иное, как сообщение народу Слова Божия, или живое свидетельство об истине нашего спасения, обращенное к народу. Из такого определения проповеди естественно вытекают два основных требования, которым каждая проповедь должна удовлетворять, дабы она была именно проповедью, а не светской речью. Во-первых, проповедь, служащая сообщению и разъяснению Слова Божия, хранимого Церковью, должна отличаться церковно-библейским характером; во-вторых, проповедь, обращенная к народу, направляющая его на путь спасения, должна быть вполне доступна пониманию народа, должна быть близка и родственна духу народа. Итак, в вопросе о характере проповедей гомилетика должна выставить два необходимых закона, два основных требования для проповедника, желающего надлежащим образом выполнять свое служение: проповедь должна соблюдать церковно-библейский характер, а с другой стороны, должна быть популярна. Церковно-библейский характер и популярность проповеди — вот главное, что отличает проповедь как таковую и выделяет ее из ряда светских ораторских произведений.

Церковно-библейский дух, или характер проповеди

Первая основная черта, какой должна отличаться проповедь, — это строго церковно-библейский дух, или характер ее. Церковно-библейским духом должен быть проникнут и внутренний склад мысли и ее внешнее выражение.

Требование это вполне понятно. Ведь проповедь, по существу, есть не что иное, как раскрытие и истолкование библейского учения; затем, она говорится обыкновенно в церкви и во всяком случае проповедник выступает в своей проповеди как представитель Церкви, как выразитель ее учения. Поэтому естественно, чтобы проповедь не была чем-то чуждым в храме Божиим: она должна быть проникнута тем же духом, который веет в церковных молитвах, чтениях и песнопениях. Форма проповеди также не безразлична. Она должна гармонировать с содержанием ее, как бы естественно вытекать из общего церковно-библейского духа проповеди. Вопреки довольно широко распространенному мнению, что форма дело второстепенное, надо сказать, что форма всегда тесно связана с содержанием: все внутреннее всегда стремится найти себе достойное внешнее выражение. Таков вообще естественный закон духовной жизни. Так должно быть и в проповеди. Материя сама творит себе форму, и форма вырастает из нее и неразрывно связана с нею, как душа с телом.

Каково же главное условие, дабы проповедь носила церковно-библейский характер как по содержанию, так и по форме? Для этого главное, чтобы сам проповедник был проникнут церковно-библейским духом. Все зависит здесь от чувства проповедника, исполненного христианским духом и находящего себе выражение в слове. Надо знать, что ведь проповедник — это не просто передаточная станция, какой-то канал, по которому церковно-библейское учение переходит к другим людям.

Истина, им возвещаемая, проходит через горнило его ума и перерабатывается в лаборатории его сердца — отсюда она и получает свой характерный облик, в котором и является перед народом. Вот почему вполне естественно, что одну и ту же истину разные проповедники могут излагать различно, каждый по-своему, в зависимости от своего внутреннего настроения.

Требуемые в проповеди церковно-библейский характер и тон могут быть не только тогда, когда проповедник говорит о самых возвышенных тайнах веры, но и тогда, когда ему приходится говорить и о потребностях плотского человека, о самых низких материях. Наоборот, чисто церковного духа может не быть даже тогда, когда речь идет о высоких догматических предметах. В средневековых схоластических проповедях и при изложении чисто христианского учения иногда встречаются шутки, забавные анекдоты и даже цинические выражения, грубо нарушающие святость речи и необходимый церковно-библейский характер таких проповедей. Иногда истины христианские могут раскрываться языком школы, проникнутой рационалистическим духом, или языком светской литературы; в содержании такой проповеди может и не быть ничего антихристианского, но дух ее таков, что не располагает слушателей к принятию умом и сердцем излагаемых истин и тем менее способен подвигнуть волю в направлении следования Закону Божию. Такая проповедь не достигнет цели.

Благочестивый слух сейчас же улавливает присутствие или отсутствие в проповеди церковно-библейского духа. Но логически выяснить отличительные черты этого духа, детально описать их вещь чрезвычайно трудная. Здесь применимо прекрасное образное выражение Господа Иисуса Христа о духе вообще: «Дух идеже хоцет дышет, и глас его слышиши, но не веси откуда приходит, и камо идет» ([Ин. 3:8](#)).

Эта нематериальная сущность, неосязаемость, неуловимость церковно-библейского духа в проповеди делает то, что описать, наглядно представить себе его нельзя; невозможно и

научиться ему с помощью каких-либо искусственных, внешних приемов. Церковно-библейский дух, желательный и требуемый в проповеди, может быть в слове только того проповедника, который весь проникнут благочестием, питает благоговение к Слову Божию и учению Церкви и кто воплотил в себе дух Евангелия. У такого проповедника само собой выльется слово, в котором будет чувствоваться особенный, не земной, не мирской характер, о чем бы он ни говорил. Человек такого духа не может допустить никакого неблагоговейного выражения. Он не скажет просто: «Христос» или «Иисус», а скажет: «Господь Иисус Христос»; не дерзнет сказать «Мария», а скажет: «Пресвятая Дева Мария» или «Пресвятая Богородица», не скажет: «Павел, Василий», а скажет: «св. ап. Павел», «св. Василий Великий» и т. д. Это, так сказать, видимое проявление церковно-библейского духа в проповеди.

Другое видимое проявление церковно-библейского духа в проповеди — это частое обращение к Свящ. Писанию и благоговение перед ним как перед Словом Божиим. В этом отношении образец для нас — Сам Господь Иисус Христос, Который при изложении Своего учения постоянно приводил ссылки на Св. Писание и подтверждал ими истинность Своих слов. Уже при самом начале Своей проповеди Он подтвердил великое ненарушимое значение Слова Божия, говоря: «Аминь глаголю вам: дондеже прейдет небо и земля, иота едина или едина черта не прейдет от закона» ([Мф. 5:18](#)). Все назидательные речи Господа базируются на слове Писания. Вспомним хотя бы, как спросил Его однажды один законник: «Учителю, что сотворив, живот вечный наследую?» И получил ответ: «В законе что писано есть? Како чтеши?» — и словами закона наставляет его ([Лк. 10:25—26](#)). И не один раз, а многократно Господь обращает внимание иудеев на «закон и пророки», т. е. на ветхозаветные книги Свящ. Писания как на высший авторитет в вопросах веры и благочестия (напр., [Мф. 22:29, 31—32](#); [Мф. 12:3—5](#); [Мф. 9:13](#); [12:7](#); [Пс. 6:6](#); [Мк. 11:17](#); [Мф. 21:13](#); [Лк. 19:48](#); [Мф. 19:4](#); [Мф. 22:43—45](#); [26:46](#); [26:24](#); [Лк. 24:25—27, 44](#)).

Но Господь не только ссылался на букву Писания, а еще старался всячески доводить слушателей до уразумения глубокого смысла, содержащегося в том или другом месте Писания. Важны для нас и те обороты речи, которые употреблял Господь, ссылаясь на Писания. Он говорил: «Несте ли чли в законе или писаниях?» ([Мф. 21:46](#)), «В законе что писано есть? Како чтеши?» ([Лк. 10:26](#)). Этим Господь хотел выразить, что иудеям должно хорошо быть известно Слово Божие и что несомненно оно является для них высшим авторитетом, к которому надо прибегать для разрешения всех недоумений.

Такое же знакомство с Словом Божиим, с Божественным Евангелием должно быть в еще большей мере у нас, христиан, получивших еще более высокое и совершенное учение, нежели ветхозаветные иудеи. А в особенности, конечно, такое основательное знакомство со Словом Божиим должно быть у христианских пастырей-проповедников.

Нашими руководителями в способе проповедничества могут быть свв. отцы-проповедники. У них мы и должны учиться тому, как нам проповедовать и какой характер давать своему проповедническому слову. В своих проповедях свв. отцы более всего и прежде всего занимаются истолкованием Свящ. Писания, и дух Евангелия, дух Божественного Писания проникает собою и оживотворяет их слово. Когда они говорят и не на тексты Писания, все равно авторитет Слова Божия неизменно как бы стоит перед их мысленным взором и они каждый раз прибегают к нему, когда хотят подкрепить свое рассуждение и дать ему убедительную для слушателей силу. Читая проповеди свв. отцов, вы видите и чувствуете, что не «дух мира» руководит ими и двигает их мысль и сердце, а «дух, иже от Бога» ([1 Кор. 11:12](#)).

Хорошо каждому проповеднику приводить в своих проповедях цитаты из свв. отцов, которые, после библейских писателей, наиболее исполнены Духом Божиим, но еще лучше, еще необходимее для проповедника самому проникнуться духом святоотеческих творений,

приобрести как бы внутреннее сродство с их духом. А это сродство приобретается, когда проповедник постоянно питает себя их творениями и ищет в них по каждому поводу руководственных для себя указаний. Чем более знакомится проповедник с святоотеческими творениями, тем более он усваивает себе тот тон и характер, которым они проникнуты и которыми должна отличаться церковная проповедь.

В последнее время среди индифферентного к вере светского общества часто наблюдается, как проповедники в своих проповедях стараются как можно реже пользоваться библейскими изречениями и цитатами из свв. отцов. Они как бы боятся уронить достоинство своей проповеди в очах людей, утративших дух церковности, и стараются подкреплять свои мысли из источников светской мудрости, ссылаясь на философию, литературу и данные из светских наук. Конечно, и такая речь может быть полезной для слушателей: преступления не совершает тот, кто вводит в свою речь, произносимую с церковной кафедры, элемент рациональный, светский и заслоняет им элемент священно-церковный. Но прилично ли это? вяжется ли это со святостью места? В священной одежде выходит на церковный амвон проповедник: хорошо ли, прилично ли ему в этой одежде говорить так, таким тоном и языком, как говорит какой-либо светский писатель в журнальной статье?

Некоторые из таких проповедников свое редкое обращение к Библии думают оправдать тем, что Библия в современном обществе, в так называемой интеллигенции, уже не пользуется прежним исключительным авторитетом и что поэтому доказательства из Библии не убедительны или по крайней мере малоубедительны для людей светского просвещения, разошедшегося с верой. При всей кажущейся его справедливости такой довод не может, однако, служить оправданием для проповедника, избегающего пользоваться Библией. Если для некоторых слушателей Библия и не имеет непререкаемого авторитета, то для самого проповедника Библия должна иметь значение первостепенной важности как книга богодухновенная, и он должен ценить эту книгу выше всех других книг, написанных людьми под воздействием их естественного разума. Если и замечается у слушателей неуважение или только недостаточное уважение к Библии, то проповедник не приспособляться должен к этому неуважению, а напротив должен со всею силой и искренностью чувства показать, дать почувствовать слушателям свое глубокое благоговение перед этой книгой, данной нам от Бога. Притом необходимо помнить, что неуважение к Слову Божию происходит главным образом от малого знакомства с ним. Многие в нынешнее время знакомы с Евангелием только понаслышке, а сами никогда не брали в руки эту священную книгу, а судят о ней только по модным отзывам отрицательной критики. Долг проповедника — умело раскрыть перед слушателями все неоцененные сокровища сокрытой в ней Божественной Премудрости и заставить их оценить и полюбить эту книгу, а не стесняться своего собственного уважения к ней и приспособляться к темным и невежественным во всем, что касается вопросов веры, неверам и полуверам.

В связи с вопросом о церковно-библейском характере проповеди естественно возникает вопрос и о том, как, в каком тексте — русском или церковнославянском — приводить изречения Свящ. Писания? В настоящее время многие считают церковнославянский язык устарелым, непонятным, а потому склонны требовать не только тексты Свящ. Писания приводить в русском переводе, но даже и все богослужение перевести на русский язык. Думать так является несомненно большой ошибкой. Высота и святость богослужения и Божественного Слова вообще естественно требуют, чтобы и самый язык его отличался от нашего обычного житейского говора. Церковно-богослужебный язык для Божественного Слова то же самое, что священное облачение, ризы для священнослужителя, совершающего богослужение. Было бы странным и неблагоприличным, если бы кто-либо дерзнул совершать богослужение в обычном светском костюме. Точно так же странно и до вульгарности неблагоприлично звучали бы наши

церковные песнопения, переведенные на обычный разговорный язык. Совершенно также необходимо церковно-словесное облачение для библейского текста, ибо оно служит к возвышению его над нашим обыденным словом и невольно внушает к себе большее благоговение. Говорят, что церковнославянский язык непонятен. Есть, правда, в нем кое-что малопонятное и неудобовразумительное для современных интеллигентов, но ведь это потому, что интеллигенция наша со времен петровских все дальше и дальше уходит от Церкви и дошла до того, что не только церковнославянский, но и свой родной русский язык презирала, а предпочитала говорить на языках иностранных, в особенности — на французском. Но ведь это ненормальное, болезненное явление. Неужели же нужно мириться с ним и приспособляться к нему, поступаясь своими идейными соображениями?

Все люди церковно настроенные и любящие Слово Божие и наше богослужение отлично понимают церковнославянские тексты и выражения и не хотели бы слышать в храме вульгарной обыденной речи. А кому кажется церковнославянский язык непонятным, то почему бы тому не употребить несколько труда и усилий, дабы познакомиться с ним поближе? Это гораздо проще и легче, чем изучить, например, немецкий, французский или английский языки. А между тем наши интеллигенты прекрасно владели иностранными языками, обучаясь им с детства, а церковнославянского языка знать не хотели и чуждались его, хотя это наш родной язык, от которого произошла и наша русская литературная речь, а главное, что каждому верующему должно быть особенно дорого, — это язык, на который было переведено с греческого Слово Божие и наше православное богослужение, это — наш священный язык. Почему же пренебрегать им и не стараться изучить его, если он кажется малопонятным? Впрочем, при беспристрастном отношении к нему найдем, что малопонятного в нем очень мало, а большинство слов и выражений более или менее вполне совпадают с русскими, но зато звучат гораздо благолепнее, как бы величественнее и торжественнее, что вполне и приличествует языку священному.

Встречаются в Священном Писании места неудобовразумительные, но они таковы на всяком языке, на каком бы ни приводились, и требуют разъяснения. Так и все тексты в проповеди, которые могут показаться непонятными, каждый проповедник может тут же разъяснить их путем перифраза. Так и советует поступать наш знаменитый иерарх-проповедник, Московский митрополит Филарет: «В церковных поучениях, — говорит он, — тексты Свящ. Писания должны быть приводимы по существующему славянскому переводу. Такое приведение может сопровождаться изложением текста на русском наречии, если то нужно по свойству текста или по степени образования слушателей».

Церковно-библейский дух проповеди требует, кроме того, чтобы и самый язык проповеди обладал своими специфическими особенностями, характерными именно для церковной проповеди и отличающими его от того языка, которым пишутся, например, светские сочинения, газетные и журнальные статьи. В проповеди идет речь о возвышенных предметах, заимствованных из Божественного учения, к которым слушатели должны быть настроены благоговейно. Уместно ли и прилично ли говорить об этих возвышенных предметах обыкновенным повседневным разговорным языком или тем хлестким развязным языком, каким пишутся газетные фельетоны? Уместны ли здесь какие-либо шутки, анекдоты, нечистоплотные сравнения? Допустима ли на церковном амвоне такая распушенность речи, такая легкость языка, какой нисколько не стесняется иной раз рассыпаться в своем произведении какой-либо светский писатель? Конечно, нет. Этого не допускает как высота предметов, о которых говорится в церкви, так и высота цели проповедника — спасение душ человеческих, и святость места — храма Божия, где проповедь говорится, и, наконец, высота самого проповеднического служения, в котором проповедник выступает как посланник Самого Господа Иисуса Христа,

повелевшего Своим апостолам, а в лице их и всем их преемникам-пастырям учить народы блюсти все, что заповедал Он. Проповедник всегда должен чувствовать и сознавать, что он не обыкновенный мирской, светский учитель, а учитель церковный, возвещающий не свое учение, не свое умствование, а веру, данную свыше от Бога и хранимую в Церкви. Он выступает со словом назидания во Имя Божие, во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, как принято у нас говорить перед началом каждой проповеди. Как же проповедовать во Имя Божие и в то же время допускать себе несдержанную вольность и распущенность языка? Нет, каждому мало-мальски чуткому человеку ясно, что язык проповеди должен быть особенный, стиль проповеди должен быть возвышенный. Это не значит, что в проповеди надо употреблять какие-либо напыщенные выражения, далекие от желанной простоты. Вовсе нет: истинная высота и не нуждается в искусственных прикрасах — она вполне совместима с простотой речи. Поучительным образцом для нас в этом отношении должны служить речи Господа, записанные в Евангелии. Они просты и вместе с тем возвышенны. Этому искусству надо учиться. Точно так же и речи апостолов отличаются простотой, соединенной с каким-то особенным благородством и возвышенностью стиля. Трудно выразить это словами: это можно только почувствовать. Возвышенный характер речи дает не какая-либо внешняя оболочка, не искусственные приемы красноречия, а то настроение, благоговейное и святое, в каком должен быть проповедник, излагающий народу возвышенные истины веры. Эта характерная особенность проповеднического языка у гомилетов обычно называется библеизмом. Этому библеизма в проповеди требуют не только наши и римокатолические гомилетики, но и протестантские, которые вообще гораздо свободнее относятся к требованиям церковности, чем мы и римокатолики. Согласно определению одного из выдающихся западных гомилетов (Жибера) «библеизм языка» означает то, что проповедник свой язык, образ своего выражения должен стараться приближать к священному языку Библии». С этой точки зрения представляется неуместным в проповеди употребление разных иностранных слов, специальных терминов, недоступных пониманию широкой массы верующих и заимствованных из области светского знания, и наоборот: необходимо употребление тех слов, заимствованных из Слова Божия, которые для проповеди являются как бы своего рода техническими словами, напр.: «благодать», «грехопадение», «таинство» и т. п. Вместе с тем едва ли кто-нибудь решится возражать, что в проповеди гораздо приличнее сказать «чело» — нежели «лоб», «очи» — нежели «глаза», «ланиты» — нежели «щеки», «уста» — нежели «рот» и т. д. Что было бы, например, говорит наш известный гомилет Амфитеатров, «если бы мы, подражая светскому языку, вместо «Господь Иисус» стали бы говорить «Господин Иисус», вместо «братие» — «братцы», вместо «крещение» — «купание», вместо «таинство» — «секрет», вместо «чудо» — «диковинка» и т. п. Не дико ли звучало бы, если бы проповедник, выйдя на амвон, начал бы свою проповедь светским обращением: «Милостивые государыни и милостивые государи!»?» Для каждого, кто не потерял вполне духа церковности, совершенно ясно, что неуместны в проповеди подобные светские замашки и что язык проповеди должен быть особенный, не похожий на обыкновенную разговорную светскую речь. В этом и состоит первое требование, предъявляемое к характеру проповеди: церковно-библейский дух ее.

Популярность проповеди

Другое необходимое свойство проповеди — это популярность, удобопонимаемость ее для слушателей. Говорить популярно — это значит говорить или излагать учение народу ясным открытым словом, для всех доступным и удобоприемлемым. Необходимость такого свойства проповеди вполне понятна. Проповедник предлагает народу сокровище Божественной истины, конечно, для того, чтобы народ мог воспринять его и воспользоваться им. Какой же толк был бы от его проповеди, если бы она излагалась малодоступным, непонятным для народа языком и способом выражения мыслей? В проповеди своей каждый проповедник непременно должен сообразоваться со степенью восприимлемости слушателей и приспособляться к их умственному уровню, дабы не бросать слова на ветер. Учение евангельское, которое должен возвещать проповедник, есть учение всенародное, данное всем людям без исключения, как сказал Господь апостолам: «Шедше научите вся языки, .. учаще их блюсти вся, елика заповедах вам» ([Мф. 28:19—20](#)). Отсюда явствует, что это учение и излагаться должно так, чтобы всеми легко могло быть воспринято и усвоено. Это — самое необходимое свойство проповеди, а между тем на практике оно весьма редко встречается, по крайней мере полная и совершенная популярность. У многих выдающихся проповедников проповеди блещут всеми лучшими качествами, но единственное, чего недостает им, — это необходимой популярности. Ошибка бывает в том, что проповедники, составляя свои проповеди, часто стремятся удовлетворить вкус образованного меньшинства слушателей, а забывают о малообразованном или совсем необразованном большинстве. Между тем необходимо приучить себя говорить именно для большинства, а отнюдь не для избранных, для меньшинства, стремясь угодить его изысканному вкусу.

Что же должен соблюдать проповедник, дабы проповедь его была популярна?

Требования популярности очень широкие. Обыкновенно ограничивают эти требования одними свойствами языкового изложения. Но это слишком узкое понимание закона популярности. Требования закона популярности касаются:

- 1) содержания проповеди,
- 2) образа представления и раскрытия мыслей и
- 3) языкового изложения.

Содержанием проповеди, как мы уже знаем, является евангельская истина. Эта евангельская истина необыкновенно проста, доступна пониманию каждого, даже младенческого ума. Такой она и является в устах Самого Божественного Учителя Господа Иисуса Христа. Он и должен служить для нас образцом в деле исполнения учительского долга. Учение Его, при всем своем величии и высоте, для всех понятно и не возбуждает никаких сомнений, затрудняющих понимание. Проповедник и должен брать из этой сокровищницы то, что прямо открывается перед его глазами, не затрудняя себя изысканием каких-либо особенных утонченных тем, чтобы угодить изысканному вкусу людей, избалованных образованностью и ученостью. Единственный указатель, что нужно выбрать из этой сокровищницы Божественных истин, — это духовные нужды и потребности народа. Надо разъяснять народу то, что ему мало знакомо или неправильно им понимается, надо направлять свое слово против тех недостатков, какие замечаются в окружающей среде, против заблуждений или пороков. Главная задача проповедника, как учителя народа, — рассеивать ложь и наставлять на путь истины. Некоторые из проповедников старательно ищут все новых и новых тем, боясь, что повторение одного и того же не будет производить достаточно сильного впечатления на слушателей. Это — ошибка. Проповедь говорится не для услаждения и не для развлечения слуха, а для назидания. Она должна указывать слушателям путь спасения. Нет беды, если это указание пути спасения

повторяется не раз и не два, в особенности если в слушателях замечается как раз упорное уклонение от этого пути. Примером для нас в этом отношении служит св. Иоанн Златоуст, который несколько не смущался говорить по многу раз об одном и том же, как он сам говорит в своей 5-й беседе о статуях: «Хотя я и вчера и третьего дня говорил вам об этом предмете, однако не перестану и сегодня и завтра и послезавтра внушать то же. И что говорю: завтра или послезавтра? Не перестану, пока не увижу, что вы исправляетесь. Если уже преступающие закон не имеют стыда, тем более мы, внушающие не преступать закона, не должны стыдиться постоянного увещания об одном и том же. Постоянное напоминание об одном и том же зависит не от говорящего, но от слушающих, которые требуют непрерывного наставления в простых и удобоисполнимых делах». Так и всякий проповедник должен думать не о том, чтобы поразить воображение слушателей чем-то новым, оригинальным, а о том, чтобы говорить необходимое для спасения их душ. Прекрасно говорит об этом в своем «Пастырском правиле» св. Григорий Двоеслов: «Главное старание проповедника не туда должно быть направлено, чтобы изобрести что-нибудь особенное и интересное или поразить слушателей неслыханною мудростию... Во что веруют все христиане, что все должны знать, — только то он должен раскрывать пред ними».

Если и допустимо в проповеди что-нибудь новое, то это не новость учения, а только некоторая живость или новость представления и раскрытия религиозных истин. Эта новость состоит в том, чтобы в проповеди видна была печать личного, самостоятельного труда проповедника, печать его личной мысли и личного чувства. Для этого нужно, как мы не раз уже повторяли, что и есть в проповедническом искусстве самое главное, — это то, чтобы истина христианская, излагаемая в проповеди, была им пережита, прочувствована и проникала все существо его души.

В силу того же закона популярности проповеднику не следует поднимать на церковной кафедре разные утонченные богословские вопросы. Он должен помнить, что кафедра церковная — это не одно и то же, что кафедра школьная или профессорская. То, что уместно и нужно на кафедре школьной, далеко не всегда пригодно на кафедре церковной. Поэтому неправильно поступают те проповедники, которые в угоду людям образованным, а иногда и для того, чтобы блеснуть своей ученостью, предлагают на церковной кафедре такие мудреные поучения, которые напоминают собой ученые трактаты или школьные лекции. Задача проповедника не в том состоит, чтобы давать пищу для ума и заставлять слушателей ломать свою голову, а в том, чтобы дать пищу для сердца, напитать душу спасительной Христовой истиной. Сам апостол Павел наставляет Тита, а в лице его и всех христианских пастырей, чтобы они уклонялись «от стязаний и словопрений», а к таким именно стязаниям и словопрениям и относятся часто ученые изыскания, вызывающие споры и разногласия между людьми школы. «Суть бо» такие изыскания, вызывающие споры, говорит апостол, «не полезны и суетны» ([Тит. 3:9](#)). Сам апостол говорит о том, что и его проповедь «не в премудрости слова», не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией ([1 Кор. 1:17](#); 2:1—5).

Другое условие, которое должен выполнять проповедник в силу закона популярности, касается способа представления или развития мысли. Слово проповедника не будет популярным, если он будет говорить.

словом сухого, холодного рассудка и если оно будет носить слишком отвлеченный характер. Чисто логическое рассуждение, хотя бы и очень умное, не производит никогда достаточно сильного впечатления, не дает пищи для сердца, не назидает. Для большей впечатлительности проповедник непременно должен призвать на помощь силу воображения и говорить не отвлеченно, а живо и образно применительно к умственному уровню слушателей.

Нужны не одни только голые рассуждения, а непременно живые, конкретные образы, примеры и факты, взятые из повседневной окружающей жизни.

Идеальный образец такого живого представления истины в образах и примерах, взятых из жизни, являет Собою нам опять-таки Господь Иисус Христос в Своих дивных по красоте и назидательности притчах. Вместо того чтобы много разглагольствовать, раскрывая ту или другую истину, Он рассказывает притчу — повествование, содержание которого заимствовано из фактов повседневной жизни, и эта истина в притче раскрывается как бы сама собою, для всех совершенно наглядно и доступно. Так и всякий проповедник должен стремиться к тому, чтобы мысли, излагаемые им, не носили характера отвлеченных рассуждений, но являлись слушателям в виде живых наглядных образов, доступных пониманию и усвоению каждого.

Третье требование закона популярности касается внешнего изложения, или языка проповеди. Что здесь требуется? Прежде всего — совершенная ясность и прозрачность речи. Хорошо говорит об этом блаженный Августин: «Для христианского наставника, — говорит он, — первый и главный долг — во всех своих поучениях быть сколько возможно вразумительным и говорить с такой ясностью, что разве только самый беспонятный человек был бы не в состоянии понимать нас».

Что необходимо в проповеди для такой ясности? Прежде всего нежелательны в проповеди длинные периоды, многосложные предложения с вставочными объяснениями. Это уместно в книжном языке, где читатель может остановиться и разобраться в том, чего сразу не понять. А в проповеди, как живой речи, более удобна для понимания речь краткая, отрывистая.

Далее, из проповеднического языка должны быть изгнаны все иностранные слова, которые без нужды пестрят и искажают чистую русскую речь и не для всякого понятны. Нежелательно употребление в проповеди и технических выражений, обычных в школьном языке, как, например: «положительный», «отрицательный», «органический» и т. п. Они тоже, как имеющие притом условное значение, не всем понятны. С осторожностью надо употреблять даже и библейские выражения, смысл которых не вполне ясен для человека, не знакомого со школьной богословской терминологией. Если явится необходимость по связи речи употребить такое выражение, не нужно оставлять его без немедленного объяснения. Наконец, для популярности необходима вообще простота речи. В чем эта простота речи заключается? В том, чтобы проповедник пользовался лишь тем материалом языка, который, если можно так выразиться, находится в общенародном употреблении, а не тем, который является достоянием лишь избранных. Из языка проповеди должно быть выброшено все натянутое и искусственное, тон ее должен быть тоном простой, естественной, непринужденной беседы. Но эта простота должна быть, само собой разумеется, чистой и благородной. В ней не должно быть ничего вульгарного и низменного. Проповедник хотя и должен говорить совершенно просто, но, однако, это не значит отнюдь, что он должен говорить языком простолюдинов или таким языком, какой слышен на базаре. Мы уже говорили, что язык проповеди, при всей простоте, должен быть языком особенным, возвышенным, похожим на язык Библии. Как научиться проповедовать таким языком? Никакие внешние предписания и правила тут не помогут. Нужно войти в дух этого языка, усвоить его себе, чтобы он сам вошел, так сказать, в плоть и кровь проповедника. Для этого нужно больше и чаще читать Слово Божие и святоотеческие творения великих отцов-проповедников. Лучшим образцом популярной речи для проповедника в Слово Божием могут служить беседы Господа Иисуса Христа, записанные в Евангелии, а в особенности Его притчи, о которых мы уже упомянули. Из святоотеческих творений полезнее всего для проповедника читать и усваивать себе дух великого Златоуста. Он был самым популярным христианским проповедником. Никто не умел говорить так просто и вместе с тем впечатлительно для слушателей, сохраняя в то же время возвышенность стиля и благородство церковного языка, как

святой Иоанн Златоуст. Снова и снова повторяем совет всех авторитетных гомилетов: кто хочет быть настоящим проповедником, тот должен непрестанно, день и ночь читать и перечитывать беседы Златоуста. Это главное условие, чтобы научиться говорить популярно, но кроме того можно указать и некоторые руководящие правила принципиального характера: так, например, каждый, кто желает говорить популярно, прежде всего должен отчетливо знать сам и понимать тот предмет, о котором он собирается говорить. Когда у проповедника в голове туман, то и речь его естественно будет туманной и неудобопонимаемой. Прежде чем проповедник решится говорить, он должен тщательно обдумать то, что будет говорить. Отсюда вытекает необходимость подготовки к проповеди, но это уже особый вопрос, которым мы теперь и займемся.

Глава: О приготовлении проповедей

Относительно приготовления проповедей существует два противоположных мнения. Одни считают, что нет ничего легче, чем сказать проповедь. Не нужно затруднять себя приготовлением проповеди. «Проповедь должна быть простым, естественным делом — пастырь должен говорить народу то, что он знает и что находит нужным сообщить, говорить он должен так, как ведет непринужденную беседу в кругу своих знакомых. У него не должно быть ни малейшей заботы ни о приступе, ни о риторических фигурах, ни о патетической части, ни о заключении, ни о красоте речи. Проповедь должна быть простым и безыскусственным словом. Нечего проповеднику много думать и трудиться над тем, что и как сказать» («По вопросам гомилетики» Тареева). Иными словами, это мнение стоит за импровизацию проповеди. Такого мнения держится наш русский гомилет Тареев. Так же думает и прот. Григорий Дьяченко, издавший в печати несколько огромных сборников своих проповедей. «Простая проповедь от сердца, по примеру апостолов» — вот в чем, по его словам, правильная постановка проповеднического дела. «Люди исказили дар слова, — говорит он, — создали искусственные тормозы для его проявления, построены целые многосложные теории ораторской речи и церковного красноречия. Прочь все эти путы и тормозы! В последнее время начинают постепенно проходить старые предрассудки относительно проповедничества... Долой тетрадки, долой формализм, долой рутину! Пусть раздастся живое слово, слово убеждения!» Такой же упрощенный взгляд на церковную проповедь как на непринужденную беседу, не требующую особенного труда подготовки, проводит и «Церковный Вестник»: «Пусть пастырь, — говорится там, — русским толковым языком сделает перифраз прочитанного Евангелия или Апостола, вставит от себя несколько подходящих религиозно-нравственных наставлений, — и достаточно...»

Но с таким слишком упрощенным взглядом на проповедь, конечно, трудно согласиться. Наш выдающийся гомилет проф. Певницкий решительно возражает против такого взгляда. «Дело проповедника, — говорит он, — есть дело высокое и святое, требующее от служителя церковного слова всевозможного с его стороны внимания. А это внимание влечет за собой труд и усердие. Чтобы совершать достойным образом святое дело, порученное проповеднику, от него ожидается и требуется возможное с его стороны напряжение душевных сил, ему дарованных. При общем высоком значении проповеднического дела, требующего внимания к себе, и каждый частный акт его, т. е. каждая частная проповедь, не должна быть предоставлена одной случайности. Нужен труд, как для совершения проповеднического служения вообще, так и для всех частных отдельных проявлений его. Иное отношение, освобождающее от труда проповедника и предоставляющее ему говорить, как он может, без особенных забот о том, что и как скажется, не будет ли сочтено признаком легкомыслия? И не может ли пасть на проповедника, так легко относящегося к высокому и святому делу Божию, обвинение в небрежном исполнении его? А Писание угрожает проклятием всякому, творящему дело Божие с небрежением ([Иер. 48:10](#))».

Защитники того взгляда, что нет нужды готовиться к проповеди, обыкновенно ссылаются на пример апостолов. Да, мы должны, конечно, подражать вере апостолов и их усердию и ревности в распространении евангельского благовестия, но не слишком ли дерзко будет с нашей стороны ставить себя наравне с апостолами? Апостолы имели особые благодатные дарования, каких у нас нет: этим и объясняется чрезвычайный, необыкновенный успех их проповеди. Еще св. Григорию Богослову указывали некогда, зачем он в своих проповедях прибегает к помощи ораторского искусства и старательно их обрабатывает. Рыбари, т. е. апостолы, такими

средствами не пользовались. И на этот упрек св. отец дал ответ именно в том духе, как мы выше упомянули: «Я охотно, подобно рыбалям, пренебрегал бы средствами искусства, если бы я, как те рыбаки, имел дар творить чудеса».

Если мы обратимся к славнейшим из христианских проповедников, то увидим, что и они, подобно св. Григорию Богослову, так же серьезно относились к делу приготовления проповедей. Даже Златоуст, обладавший, как никто, необыкновенным даром слова, считает необходимым для каждого проповедника, даже самого талантливого, тщательно готовиться к проповеди. В его творениях есть даже специальный призыв к проповедникам, в котором он зовет к усиленному труду каждого желающего проповедовать и считает даже, что трудиться должны не только люди малоопытные, а даже достигшие высокой степени совершенства в проповедническом слове («О священстве». Сл. 5). Считает необходимым трудиться над составлением проповедей и автор «Пастырского правила», св. Григорий Двоеслов. И у него мы встречаем настоятельное увещание, обращенное ко всем желающим проповедовать, усердно трудиться для приготовления себя к этому служению и не предоставлять случайному вдохновению каждую отдельную проповедь. «И в свете, — говорит он, — не берутся учить какому-либо искусству, не изучив его предварительно посредством внимательного размышления». Но и приготовившемуся к проповедническому служению необходимо каждый раз со всею тщательностью обдумывать то, что он хочет предложить народу в назидание, дабы не сказать чего-либо уклоняющегося от евангельской истины и тем не смутить совести слушателей. Но этого мало. Готовясь к проповеди, проповедник должен обращать внимание не только на содержание, но и на внешнее изложение. «Нужно проповеднику, — говорит св. Григорий Двоеслов, — старательно заботиться и о том, чтобы не только не говорить ничего дурного, но и о хорошем говорить не без меры и не без порядка; потому что проповедь часто теряет свою силу от того, что слушатели часто замечают беспорядочную болтливость в проповеднике».

И мы знаем, что не только великие отцы древности, но и наши русские выдающиеся проповедники считали, что для хорошей импровизации нужны особые данные, которые не у каждого встречаются, а как общее правило, необходима всегда тщательная подготовка к каждой отдельной проповеди, и сами они всегда готовились. Так, например, наш знаменитый Преосвященный Филарет, митрополит Московский, все свои проповеди писал заранее и даже многие из них прежде произношения посылал для просмотра ближайшим ему подчиненным лицам, которым доверял. Преосвященный Димитрий (Муретов), архиеп. Херсонский, никогда не решался говорить проповеди, не записав ее наперед, и даже не стеснялся выходить на кафедру с заготовленной тетрадью. Знаменитый Преосвященный Никанор Одесский тоже всегда записывал свои проповеди и обыкновенно читал их по тетрадке. Знаменитый Иннокентий (Борисов), хотя и был импровизатором, но славу знаменитого проповедника приобрел не за импровизации последних лет, а за первые свои проповеди, над составлением которых он весьма тщательно трудился. Популярнейший русский проповедник прот. Родион Путятин, проповеди которого выдержали 25 изданий, сам признается, что составление его проповедей стоило ему самого долгого и мучительного труда. Этих примеров, думаем, достаточно, чтобы показать, насколько необходим предварительный труд приготовления проповеди. Этим мы не осуждаем совершенно методу импровизации: у кого есть особый дар и талант к импровизации, тот пусть импровизирует, но хотим только сказать, что более общая, более нормальная и более безопасная метода проповедничества — это тщательное приготовление проповедей, тщательное их продумывание, а в особенности прочувствование.

Глава: ИСТОРИЯ ИСПОВЕДНИЧЕСТВА.

Образцы проповедей в священном писании Нового Завета

Величайшим примером для всех проповедников всех времен и всех народов является Сам Господь наш Иисус Христос, Который начал Свое общественное служение роду человеческому проповедью, содержащей призыв к покаянию: «Покайтесь, приблизится бо Царство Небесное» ([Мф. 4:17](#)). Первой проповедью, текст которой подробно излагает нам Евангелие, является так называемая Нагорная проповедь. Она занимает собою все содержание 5, 6 и 7-й глав Евангелия от Матфея.

В ней мы видим начертание идеала новой христианской жизни и противопоставление этого идеала формальной фарисейской ветхозаветной праведности, заботившейся лишь о внешнем соблюдении закона. Характерен в этой образцовой проповеди параллелизм: сопоставление требований ветхозаветного закона с требованиями благочестия новозаветного, не ограничивающегося лишь одной внешней праведностью.

Замечательными по своей выразительности и доступности для понимания проповедями являются также все многочисленные притчи Господа. Это — примеры аллегорий, заимствованных из всем понятной окружающей жизни, изъясняющих высокие духовные истины.

Возвышенной проповедью для тесного круга избранных учеников Господа является и Его последняя прощальная беседа с учениками, занимающая 13 (с 31-го ст.), 14, 15 и 16-ю главы Евангелия от Иоанна.

После Самого Господа Иисуса Христа примерами проповедников для нас являются святые апостолы. В книге Деяний святых апостолов содержатся две такие проповеди: 1) первая проповедь святого апостола Петра после сошествия Святаго Духа ([Деян. 2:14—36](#)) и 2) речь святого апостола Павла в Афинском ареопаге ([Деян. 17:22—31](#)). И та и другая проповедь являются показателем того, как необходимо проповеднику для успеха своей проповеди приспособляться к понятиям слушателей и приводить авторитетные для них доказательства проповедуемой истины. Так, св. Петр приводит изречения ветхозаветных пророчеств, св. Павел ссылается на жертвенник, сооруженный язычниками «неведомому Богу», и приводит изречения языческих стихотворцев.

Глава: Знаменитые проповедники христианской церкви древнего периода

Климент Александрийский — начальник знаменитой Александрийской школы. Родился в Афинах в языческой семье, получил блестящее языческое образование. Не нашел, однако, удовлетворения в язычестве и принял христианство. С целью приобрести христианское образование предпринял путешествие по главным городам Греции, Малой Азии, Италии и Египта. В Александрии встретился с начальником тамошнего замечательного огласительного училища, стал его учеником, а затем и преемником по руководству училищем, причем получил сан пресвитера (199 г.). Скончался в глубокой старости около 219 года. Из его проповеднических трудов особенно известна беседа на тему: «Какой богач спасется?» Вследствие некоторых слабых сторон своего богословствования, несогласных с учением Церкви, Климент не удостоился причтения к лику святых и не считается отцом Церкви, а только «учителем» и церковным писателем.

Св. Григорий, епископ Неокесарийский, Чудотворец, родился в начале III века в Неокесарии. Обладая средствами, он для улучшения своего образования путешествовал по городам Греции, Италии и Египта. В Кесарии Палестинской он познакомился со знаменитым уже тогда учителем Церкви Оригеном и стал одним из его учеников. Пробыв несколько лет под его ученым руководством, он возвратился на родину с намерением посвятить себя подвижнической жизни, но против желания своего был посвящен в епископа Неокесарии. В сане епископа подвизался 30 лет. Совершал много чудотворений, за что вошел в историю Церкви с именем Чудотворца. Почил в 270 г. Древние писатели именуют его «великим проповедником», но до нас дошло не много его проповедей, преимущественно догматического содержания. Они необыкновенно живы, полны религиозного воодушевления и часто принимают форму церковных песнопений. Образцом является слово на Богоявление. 3) Св. Афанасий Великий, архиепископ Александрийский. Родился в конце III века в Александрии от родителей-христиан. Образование получил в Александрийском огласительном училище. Самыми любимыми его предметами были Священное Писание и творения святых отцев. Он вел строго подвижническую жизнь. Будучи рукоположен еп. Александром во диакона, участвовал в I Вселенском Соборе и принял горячее участие в опровержении ереси Ария. По смерти еп. Александра несмотря на свою молодость был избран епископом на Александрийскую кафедру (328 г.). С этого момента почти полстолетия история Православной Церкви неразрывно связана с его именем. С необыкновенным самоотвержением он вел подлинно героическую борьбу за Православие против арианства и словом и писаниями. Пять раз за это подвергался удалению с кафедры и изгнанию. Скрываясь то в камышах на берегах Нила, то в пирамидах, то среди фиваидских отшельников, он не переставал руководить защитой Православия. Паства благоговела перед ним. Многочисленные и могущественные враги боялись его более, чем ненавидели. Каждый раз возвращение его в Александрию после очередного изгнания приобретало вид триумфального шествия. Его сравнивали с дубом, который во время бури оставался непреклонным и после каждого налета грозы вновь представал во всей своей величественной красе. Св. Григорий Богослов выразился о нем, что его жизнь и нрав суть правила для епископа, его догматы — законы Православия. В своих богослужебных песнопениях Церковь именует его «столпом Православия», «столпом света и Церкви утверждением». Скончался он 2 мая 373 г. От него дошло до нас около 50 сочинений разных названий, преимущественно догматико-полемиических. Таково же содержание и его проповедей.

В своих проповедях св. Афанасий с высоким одушевлением и твердым убеждением раскрывает православное учение и тонко и искусно разоблачает заблуждения еретиков. Язык его точен, ясен, общепонятен. Память его празднуется 2 мая и 18 января.

Св. Кирилл Иерусалимский родился в Палестине около 315 г. Из творений его можно заключить, что он получил прекрасное образование. Как человек образованный и благочестивый, рано был принят в клир Иерусалимской церкви. В 346 г. был уже пресвитером и исполнял обязанности катехизатора и проповедника. Уже через 4 года был рукоположен во епископа Иерусалимского вместо умершего еп. Максима. Вел упорную борьбу с арианами, вследствие чего не раз подвергался ссылке. Только имп. Феодосий Великий в 378 г. окончательно возвратил его пастве. Почил он в 386 г. Из творений св. Кирилла особенно известны 18 огласительных, 5 тайноводственных и одно предогласительное поучение. Огласительные поучения были произносимы пред приготовлявшимися ко св. крещению в продолжении всей св. Четырдесятницы. Тайноводственные произносились пред принявшими св. крещение на Светлой седмице. Огласительные поучения имеют догматико-полемический характер: в них сначала излагается заблуждение иномыслящих о каком-либо догмате, потом — православное учение о нем и доказывается на основании Св. Писания и рассудочных соображений, наконец, показывается приложимость догмата к жизни. В тайноводственных поучениях св. Кирилл изъясняет положительное учение Церкви о таинствах крещения, миропомазания и причащения. Поучения отличаются возвышенностью мыслей и простотой изложения.

Св. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, родился в 329 г. в исключительном по своему благочестию семействе, целый ряд членов которого удостоился причтения к лику святых. По выражению св. Григория, благочестие в этой семье было наследственным. Первоначальное образование св. Василий получил у своего отца-адвоката, Закону Божию обучали его мать св. Емилия и бабка св. Макрина. На 18 году жизни Василий отправился в Константинополь, где слушал знаменитого ритора Ливания, а потом провел несколько лет в центре тогдашнего философского образования в Афинах, где на всю жизнь подружился со св. Григорием Богословом. Вернувшись на родину, Василий после 4-летней адвокатской практики принял св. крещение и был посвящен в чтеца, а затем, желая ближе ознакомиться с процветающим тогда монашеством, через Сирию и Палестину отправился в Египет. Вернувшись на родину, основал несколько монастырей и написал для них устав, имеющий основоположительное значение для нашего православного монашества до сего дня. В 364 г. посвященный во пресвитера, начал весьма интенсивную церковную деятельность, весь отдавшись борьбе с арианами и христианской благотворительности. По случаю постигшего кесарийцев голода он произнес замечательную беседу, которая произвела столь сильное впечатление на богачей, что они растворили двери своих житниц для голодающих. Все это доставило св. Василию громадную популярность, и в 370 г. он был избран в архиепископы родного города. Энергично борясь с арианами в союзе с Афанасием Великим и папою Дамасом, ему пришлось претерпеть много нападков и гонений не только со стороны ариан, ненавидевших его, но и со стороны православных, не понимавших его мудрости и такта. В 372 г. св. Василий выдержал борьбу с имп. Валентом, пытавшимся ввести арианство. Непомерные труды и аскетизм так подточили силы святителя, что он скончался, не дожив до 50 лет, в 379 г. Несмотря на краткую жизнь, он оставил после себя богатейший вклад в святоотеческую литературу. Из его проповеднических трудов дошли до нас: 1) 9 бесед на Шестоднев, 2) 13 бесед на псалмы, 3) 25 бесед на разные случаи.

В беседах на Шестоднев св. Василий стих за стихом, слово за словом дал полное истолкование повествования кн. Бытия о творении мира. Но и эти беседы отличаются

нравственно-практическим направлением. «У меня одна цель — все обращать в назидание Церкви», - говорил сам святитель. Этой цели он достигает тем, что изображает природу как училище веры и нравственности. Описывая устройство мира, св. Василий всюду открывает следы премудрости, благодати и величия Творца. Из жизни самой природы проповедник выводит уроки нравственности, указывая на добрые и дурные свойства разных животных. Построение бесед самое безыскусственное, речь живая, приближающаяся к разговорной. Живости изложения способствует частое употребление вопросо-ответной формы.

Таковы же и беседы на псалмы — с той разницей, что в них св. Василий подчеркивает их таинственный, пророческий и преобразовательный смысл.

Из бесед на разные случаи особенно замечательны нравоучительные, в которых св. Василий изображает самыми яркими красками все безобразие человеческих страстей и пороков, чтобы возбудить в слушателях естественное отвращение к ним. Почил св. Василий 1 января, в каковой день и празднуется его память.

Св. Григорий Богослов (Назианзин), архиепископ Константинопольский, родился в Кесарии Каппадокийской в 326 г. Родители его — Григорий, впоследствии епископ Назианзский, и мать Нонна отличались благочестием и дали своему сыну прекрасное религиозное воспитание и образование. С целью усовершенствоваться в науках св. Григорий предпринял путешествие по городам Малой Азии, потом отправился в Александрию, где встретился со св. Афанасием и проникся его духом. В Афинах он подружился со св. Василием Великим. У святых друзей была одна комната и один образ жизни: по их собственному признанию, им были знакомы только две дороги: одна к святым храмам и находящимся при них наставникам в Слове Божиим, другая к училищу, где они слушали наставников наук внешних; улиц, ведущих на зрелища, они не знали, считая недостойным внимания то, что не ведет к добродетели. По окончании образования св. Григорий, пробыв некоторое время учителем в Афинах, вернулся на родину и принял св. крещение. Здесь он долго колебался, какой род жизни ему избрать: отшельничество или общественную деятельность. Он чувствовал влечение к созерцательной жизни, но ему хотелось своими знаниями послужить и ближним. Любовь к родителям решила эти колебания - он остался с родителями, стараясь облегчить их старость, а вместе с тем вел жизнь подвижника: носил грубую одежду, питался хлебом и водой, посвящал все свободное время чтению Слова Божия и молитве. Вскоре отец его, бывший епископом Назианзским, рукоположил его в сан пресвитера. Тяготясь саном, которого не желал, св. Григорий убежал в пустыню к другу своему Василию. Получив утешение от друга, он вернулся в Назианз и отдался пастырской работе. Однако скоро св. Василий, желая иметь при себе верного помощника в борьбе с арианством, рукоположил его во епископа города Сасима. Но в то же время, по проискам врагов св. Василия, в Сасим был рукоположен другой епископ. Св. Григорий уступил ему Сасимскую кафедру, а сам остался викарием у отца, помогая ему до самой его смерти в 374 г. После смерти отца он некоторое время управлял Назианзской епархией, но потом удалился в Селевкийский монастырь, думая провести там остальные дни своей жизни. Но промысел Божий судил иначе: скоро он вызван был в Константинополь для борьбы с арианами, которые захватили в свои руки все храмы и начали брать решительный перевес над православными. В 379 г. св. Григорий прибыл в Константинополь и поселился в доме своих родственников, куда сходились немногие православные, чтобы слушать его беседы. Когда в результате этих бесед и всей пастырской деятельности святителя число посетителей увеличилось, он обратил этот дом в храм, назвав его «Анастасией», то есть «Воскресением», в знак того, что в нем воскресло Православие. Успехи святителя возбудили зависть и злобу еретиков. Они начали преследовать его насмешками и клеветами, а потом решились и на открытое гонение, возбудив против него чернь. Но Господь сохранил Своего избранника и

посрамил еретиков. Император Феодосий, вступив на престол, утвердил его формально в сане архиепископа Константинопольского. В следующем году он был признан достойным этой кафедры и II Вселенским Собором и председательствовал на этом соборе после смерти Мелетия Антиохийского. Некоторые из прибывших на собор епископов, недовольные св. Григорием за опровержение им македонианства, восстали против него, как незаконно занявшего Константинопольскую кафедру, ввиду того, что он был рукоположен во епископа для г. Сасима. Любя мир, св. Григорий пожертвовал собою и ушел на покой, проведя остаток жизни на своей родине в письменных трудах. Почил он в 389 г. Память его празднуется 25 января.

Из проповеднических творений св. Григория дошли до нас 45 слов его. В их числе есть догматические, нравоучительные, надгробные и похвальные. Главное место занимают проповеди с догматическим содержанием. Сюда относятся: пять слов о богословии, сказанные в бытность его в Константинополе, и слова на праздники Господни. Главным предметом этих слов служит догмат о Святой Троице. В раскрытии этого догмата, в защите его против еретиков св. Григорий, можно сказать, полагал весь смысл своей жизни. «О Пресвятой Троице я чаще говорю, нежели дышу», — писал он в одном из своих писем. Это учение о Пресвятой Троице раскрывается в проповедях св. Григория в таком свете, что после евангелиста Иоанна он первый в своих созерцаниях постигал столь высоко и выражал так полно и точно глубины Божества, как только можно постигать их человеку при свете Божественного Откровения и выражать на человеческом языке. За это Церковь и почтила его наименованием Богослова. Со стороны формы и построения проповеди св. Григория представляют собою образцы подлинного ораторского искусства. Отличаются они священным величием, духовной властью и высоким одушевлением. Многие из его слов взяты церковными песнописцами, например преп. Иоанном Дамаскиным в его каноны на Рождество Христово, на Пасху, Пятидесятницу. Проповеди его отличаются ясностью, точностью, живостью и картинностью.

Св. Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, родился в 347 г. в Антиохии. Родители его были благочестивые христиане. Отец Секунд, занимавший высокий пост военачальника, вскоре после рождения сына умер, оставив его на попечение молодой матери Анфусы, отличавшейся высокими нравственными качествами. Мать всецело посвятила себя сыну, отказавшись от второго брака. Она сама читала ему Библию, наставляла его беседами в христианской нравственности, закрепляя это примером своей личной жизни. На 16 году Иоанн поступил на обучение ораторскому искусству к знаменитому тогда учителю красноречия Ливанию. Он показал такие блестящие успехи, что Ливаний желал видеть его своим преемником. В 20 лет он закончил свое образование и стал адвокатом. Но светская жизнь не удовлетворяла его, он заперся в доме своей матери и посвятил себя аскетическим подвигам: молитве, посту и чтению Свящ. Писания. Приняв уже в зрелом возрасте св. крещение, как многие тогда делали, боясь согрешить после принятия этого великого таинства, он был поставлен чтецом. После смерти матери удалился в монастырь близ Антиохии и провел там 4 года в строгих подвигах воздержания, молитвы и послушания одному старцу. Затем два года подвизался в совершенном уединении и безмолвии так, что расстроил свое здоровье. Это заставило его вернуться в Антиохию, где он был посвящен в диакона и назначен был служить бедным. Пять лет он посещал богатых, чтобы испрашивать у них подаяния для бедных, и этим приобрел всестороннее знание жизни, которое так видно в его проповедях. Став затем пресвитером, св. Иоанн 12 лет проповедовал не реже раза в неделю, а иногда и каждый день. Народ со вниманием слушал его вдохновенные проповеди и прозвал его за них Златоустом. Слава о нем как о великом проповеднике распространилась повсюду и дошла до столицы. Когда умер в 397 г. патриарх Нектарий, выбор императора и клира остановился на Златоусте. Так как боялись, что антиохийцы не отпустят своего любимого пастыря, то прибегли к хитрости.

Правитель Востока Астерий пригласил св. Златоуста посетить загородные места мучеников, а там заранее приготовленная колесница увезла его в Константинополь, где он был посвящен в епископа главного города. За свою энергичную деятельность он и здесь стяжал такую же любовь паствы, как и в Антиохии, но его возненавидели некоторые представители столичного духовенства, богачи и вельможи, которых он обличал в роскоши, жестокосердии и распущенности. Эти враги его во главе с императрицей Евдоксией решили изгнать его из Константинополя, для чего был составлен собор из личных врагов Златоуста, осудивший его по самым мелочным и ложным обвинениям. Златоуст был отправлен в ссылку, но едва он оставил город, как произошло землетрясение. Увидев в этом знамение гнева Божия, Евдоксия поспешила вернуть праведника. Но так как он не перестал громить пороки высшего общества, то был снова приговорен к лишению кафедры и ссылке. В 404 г. он был сослан сначала в Армению, где пробыл два года, а затем отправлен в самый отдаленный город империи Пифиунт на берегу Черного моря (в нынешней Абхазии), но по дороге, в г. Команах, измученный долгим путем и жестоким обращением воинов, скончался 14 сентября 407 года со словами: «Слава Богу за все».

Св. Златоуст во все времена считался и считается поныне совершеннейшим образцом для всех проповедников. От него дошло до нас более 800 проповедей. В этих проповедях мы находим объяснение почти всего Нового Завета и многого из Ветхого Завета. По содержанию проповеди Златоуста нравственно-практического характера — они имеют целью исправление грешника и утверждение его в добродетели. Началом и концом добродетели Златоуст считает любовь к Богу и ближним. В его проповедях чувствуется дух отеческой кротости: он говорит тоном просьбы и мольбы, утешает и ободряет. Все его беседы, произносившиеся большей частью экспромтом, лишены всякой искусственности. Он часто напоминает слушателям сказанное и приглашает их самих припомнить, задает вопросы, решает недоумения. Проповеди его поэтому очень живы и убедительны, язык — необыкновенной простоты, ясности, доступности для понимания. Как толкователь Свящ. Писания, св. Златоуст был далек от крайностей как грубого буквализма, так и произвольного аллегоризма. Будучи воспитанником Антиохийской школы, он разъясняет сперва буквальный, историко-грамматический смысл, а затем указывает и высший таинственный смысл. Беседы его на Свящ. Писание делятся обычно на три отдела: вступление, изъяснение и нравственное приложение. Содержание вступлений довольно разнообразное. В них проповедник то указывает повод к беседе, то приглашает слушателей ко вниманию, то изображает высоту и важность Слова Божия. Во второй части объясняет грамматически и логически самый текст Свящ. Писания, показывая, почему такое, а не другое слово стоит в данном месте, принимает во внимание контекст речи, делает замечания исторические, хронологические и др. В третьей части предлагаются нравственные уроки применительно к состоянию слушателей. Проповедь у Златоуста является главным средством воспитания пасомых. Поэтому она имеет самое тесное отношение к жизни слушателей. Он пользуется всеми обстоятельствами их жизни, чтобы призвать их к покаянию и направить на путь добродетели. Он заботится о пасомых буквально как отец о своих детях: для исправления упорных обращается к содействию благочестивых членов своей паствы, увещевая их заботиться о спасении ближних. Только в крайних случаях он прибегает к строгим мерам, угрожая отлучением от Церкви. Обличения его всегда были проникнуты глубокой скорбью и касались не лиц, а поступков. Если он замечал, что слово его благотворно действует на слушателей, то выражал радость, в противном случае выражал скорбь, соединенную с надеждой на исправление упорствующих во грехе. Настойчивость в этом отношении составляет отличительную черту проповедничества св. Златоуста. В этой настойчивости и причина его успеха. Замечательнейшие из его слов и творений: «Книга о девстве», «Шесть слов о священстве»,

изображающие идеал пастыря, «Беседа по рукоположении во пресвитеры», двенадцать «Слов против аномеев», восемь «Слов против иудеев». Слова о молитве, о милостыне, о зрелищах, против ходящих в театры, по случаю низвержения царских статуй, Слово огласительное на Святую Пасху, которое уставом нашим положено читать всегда в конце пасхальной утрени, похвала св. апостолу Павлу, похвальное слово всем святым мученикам, прощальная беседа, сказанная пред отправлением в ссылку, и многие другие.

Преподобный Ефрем Сирийский родился в начале IV века в Сирии от небогатых родителей, которые не дали ему научного образования, но, отличаясь благочестием, воспитали его в страхе Божием. Когда он был еще юношей, его напрасно обвинили в похищении овец и он был посажен в тюрьму. Здесь он удостоился слышать голос, призывающий его к благочестию. Оправданный на суде и освобожденный из тюрьмы, он увидел в этом перст Божий и, вернувшись домой, решил оставить мир. Он удалился в Низибийские горы, где под руководством св. Иакова, позже епископа Низибийского, упражнялся в подвигах благочестия и изучал Свящ. Писание. По разрушении Низибии переселился в Эдессу. Здесь он поучал народ с церковной кафедры, а для большего успеха проповеди открыл училище, из которого впоследствии вышли знаменитые учителя Сирской Церкви. В конце жизни св. Ефрем путешествовал в Египет, где пробыл 8 лет, изучая жизнь подвижников. На обратном пути посетил Кесарию, где видел св. Василия Великого, беседовал с ним и принял от него сан диакона. Впоследствии св. Василий хотел посвятить его в сан епископа, но Ефрем по смирению отказался и умер в сане диакона в 371 году.

От него остались проповеди изъяснительные, догматико-полемические, нравоучительные и похвальные. Метод его толкований Свящ. Писания, по словам св. Григория Нисского, таков: «Ефрем объяснял буквально, но не оставлял без внимания и глубин созерцания». Догматические проповеди написаны в форме благоговейных размышлений. Он не входит в ученые рассуждения и споры с еретиками: он более обличает их за уклонение от истины, чем опровергает, то есть более высказывает свои благочестивые мысли и чувства, чем доказывает. Его талант и настроение особенно ярко выражаются в его нравоучительных проповедях. Исходный пункт этих проповедей — его личное глубокое покаянное настроение. Он является по преимуществу проповедником сердечного сокрушения, покаяния, плача, памяти Страшного Суда и будущей жизни. В его проповедях нередко можно встретить и в начале, и в середине, и в конце самую искреннюю молитву к Богу о помиловании как следствие постоянного сокрушения его о грехах. Но проповедь его о покаянии отнюдь не ведет к мрачному, безотрадному состоянию духа: он обращает мысль слушателей к христианскому учению о благодати Божией и потому сквозь слезы в его словах сияет тихая небесная радость, истекающая из сердца, полного любви к Богу и крепкой надежды на милосердие Божие. Отсюда трогательность и умиленность его проповедей. Любимое выражение преподобного: «Бог есть Бог кающихся».

В словах похвальных в честь святых преп. Ефрема, изображая жизнь и подвиги святых, сопоставляет их добродетели с греховностью современного общества и собственным недостойнством, проникается благоговением и удивлением к добродетели святых, увещевает слушателей к подражанию им, напоминая о Страшном Суде и вечной участи праведников и грешников.

Со стороны построения проповеди преп. Ефрема не отличаются выдержанностью формы, так как сильное чувство не позволяло ему следить за строго логическим развитием мысли, но это несколько не вредит их достоинству. Слог его проповедей отличается обилием картин, отсутствием сухих логических определений, простотой и доступностью для понимания.

Св. Григорий, епископ Нисский, младший брат св. Василия Великого, родился в 332 г. Получил тщательное христианское образование под руководством бабки своей Макрины,

изучал и светские науки и был некоторое время наставником красноречия. Потеряв это звание при Юлиане Отступнике, вступил в клир в качестве чтеца. Св. Василий, подбирая себе помощников для борьбы с арианством, посвятил Григория против его воли епископом в г. Ниссу. В 375 году по проискам ариан он лишился кафедры и боролся за Православие, будучи странствующим проповедником. По смерти имп. Валента, покровительствовавшего арианству, он снова занял свою кафедру и участвовал в Антиохийском соборе. По поручению этого собора ездил в Аравию для исправления появившихся там нестроений. В 381 г. участвовал во II Вселенском Соборе; почил в 394 г., память празднуется 10 января.

Проповеди св. Григория — изъяснительные, нравоучительные и похвальные, с внутренней стороны отличаются богатством содержания, искренностью чувства, с внешней — разнообразием вступлений, живостью описаний, образностью сравнений и уподоблений, заимствованных из круга общеизвестных предметов, красотой и общепонятностью. Образцами могут служить: «Слово на Рождество Господа нашего Иисуса Христа и на избиение младенцев в Вифлееме» и «Слово на Святую Пасху о Воскресении».

Св. Амвросий, епископ Медиоланский, родился в 340 году в г. Трире. Он был сыном префекта Галлии и рано лишился отца. Мать его, благочестивая христианка, переселилась в Рим, где Амвросий получил прекрасное образование, изучив в особенности красноречие и право. Любимым оратором его был Цицерон, которому он старался подражать. Став адвокатом, он обратил на себя общее внимание. Его блестящие речи сделались известными самому имп. Валентиану, который назначил его на должность префекта в северной Италии. Римский префект Проб, провожая св. Амвросия на это место, сказал ему: «Иди и поступай не как судия, а как епископ». Эти слова оказались пророческими. Амвросий заслужил в Медиолане такую высокую любовь и уважение народа, что был всеми единодушно избран во епископа. Говорят, что когда там происходили выборы нового епископа и между православными и арианами шли горячие споры, Амвросий явился в храм для водворения порядка, и вдруг какой-то голос, как бы детский, прозвучал: «Амвросий — епископ». Все увидели в этом Божие избрание. Напрасно Амвросий, бывший тогда еще только в числе оглашенных, отказывался и даже тайно удалился из Медиолана, его заставили согласиться, и он в семь дней прошел все иерархические степени. Чувствуя свою неподготовленность к прохождению епископского служения, св. Амвросий ревностно принялся за изучение Свящ. Писания и святоотеческих творений. В продолжение 22 лет он с большой энергией и успехом руководил свою паству, отстаивая ее от ариан и заботясь об установлении в Церкви твердой дисциплины. Замечательное мужество и пастырскую ревность св. Амвросий проявил, не допустив имп. Феодосия до причащения Св. Таин за безжалостное избиение им возмущившихся солунян. Почил он в 397 году.

Проповеди св. Амвросия почти все нравственно-практического характера. Хотя они носят название «слов», но по тону и характеру скорее похожи на пастырские беседы, отличаясь искренностью чувства, краткостью, простотой изложения и построения. Образец таких бесед: «Слово о том, как должно сретать день Рождества Христова».

Блаженный Августин, епископ Иппонский, родился в Африке, в Нумидийском городе Тагасте в 354 г. Мать его Моника, благочестивая христианка, стремилась воспитать своего сына в духе благочестия. Еще в детстве Августин обнаружил замечательные способности, но учился плохо, любя более игры и развлечения, нежели серьезные занятия. В Карфагене он стал изучать судебное красноречие и отдался тут праздной, полной увлечений жизни. Это доставляло его матери тяжкие душевные терзания. Она горячо молилась Богу о спасении его души, и молитва ее была услышана. Первый толчок к перемене образа жизни дало Августину прочтение книги Цицерона «Гортензий», в которой заключалось увещание к любомудрию. Августин начал стремиться к исканию истины в философских системах Платона и Аристотеля, потом у

манихеев, но нигде не нашел удовлетворения. По окончании образования он стал учителем красноречия сначала в своем родном городе, потом в Риме и, наконец, в Медиолане. Там он стал посещать храм, в котором служил св. Амвросий, и скоро убедился, что в беседах св. епископа и заключается та истина, которую он до сих пор бесплодно искал. С этого времени в нем произошла решительная перемена: он принял св. крещение, раздал свое имение и поступил в иноки. В строгих подвигах и совершенном уединении он провел три года. Епископ Иппонский Валерий рукоположил его во пресвитера и поручил ему обязанности проповедника. Это было в 391 году. Красноречие и пастырская деятельность Августина стяжали ему большую славу далеко за пределами Африки. В 395 году он был рукоположен во епископа, сначала викария Валерия, а по смерти последнего стал его заместителем. В сане епископа блаж. Августин ревностно боролся и словом и делом против донатистов и пелагиан. Почил в 430 г. на 76 году жизни.

Проповеди бл. Августина, числом до 500, преимущественно нравственно-практического характера. Отличительные качества их отражают убеждения и чувства человека, вышедшего из тяжелой борьбы с разными увлечениями и сомнениями: священное достоинство и важность тона соединяются с истинно христианским снисхождением к слушателям, угрозы и прещения совершенно отсутствуют. По изложению они не отличаются тщательностью обработки, но многие из них обнаруживают живое чувство и воображение в проповеднике. Образцом может служить Слово о явлении Иисуса Христа двум ученикам Еммаусским. Раскрывая в своих творениях, как действует спасительная сила Божия в восстановлении падшего человека, Августин, увлекаясь спорами, пришел к не совсем верному учению о предопределении, которое потом усвоил и расширил Кальвин.

Св. Григорий Великий, папа Римский, на Востоке более известный под именем Двоеслова, как составитель письменного чина Литургии Преждеосвященных Даров (наименование его «Двоесловом» произошло от его сочинения: «Диалог о жизни Италийских отцов». Это — неточный перевод латинского слова: «диалогиттус»). Родился он в 540 г. в Риме. Отец его был сенатором, но вскоре променял это звание на сан диакона. Благочестие родителей послужило причиной того, что еще в молодых годах Григорий старался подражать великим христианским подвижникам. Около 30 лет он занял почетную должность римского претора, но и при этом продолжал строгую подвижническую жизнь. Тридцати пяти лет от роду оставил мир и принял монашество. На богатое наследство, полученное от отца, основал шесть монастырей и седьмой в Риме, в своем родовом доме. Там он предался строгому подвижничеству уже до конца дней своих. Папа Пасхалис II против его желания поставил его в диакона и послал в Константинополь своим апокрисиарием (так назывались церковные посланники патриархов при императорском дворе). По возвращении в Рим он был назначен настоятелем основанного им монастыря, а через пять лет избран во епископы Римские. Возведенный почти насильно в этот сан, он неутомимо трудился на пользу Церкви.

Из проповеднических трудов его дошли до нас Беседы на Евангелие, на Книгу прор. Иезекииля, на Книгу Иова. Через все его проповеди проходит одна главная мысль о Правде Божией, устрояющей судьбу человеческих обществ и народов и мздовоздаяния каждому по делам его. Эта мысль сообщает всем его проповедям нравственно-аскетическое направление. Он употребляет при истолковании Писания как буквальный смысл, так и аллегорию, смотря по тому, как легче вывести нужный ему нравственный урок. Проповеди его отличаются простотой и безыскусственностью, а потому и доступностью для понимания их всеми. Часто он уясняет мысль рассказами из жизни близко знакомых слушателям лиц.

Преподобный Андрей Критский родился в Дамаске от благочестивых родителей, но год рождения неизвестен точно. Жил он во второй половине VII и в начале VIII столетия. Получил

основательное религиозное образование и на 14 году удалился в Иерусалимскую обитель преп. Саввы. Здесь он своим умом и строгой жизнью обратил на себя внимание Иерусалимского патриарха Софрония, который сделал его клириком и письмоводителем. В 680 г. он присутствовал в качестве местоблюстителя патриаршего престола на VI Вселенском Соборе и был деятельным поборником Православия. При имп. Иустине II, царствовавшем с 685 г., св. Андрей был рукоположен в архиепископа Критского. Скончался в 712 году. Св. Андрей известен как замечательный проповедник и церковный поэт.

Преподобный Иоанн Дамаскин родился в Сирии от богатых и знаменитых родителей. Воспитание получил под руководством одного благочестивого инока. По смерти отца был назначен правителем города Дамаска. Когда началось в Византии гонение на иконы, выступил горячим защитником иконопочитания. Он писал полные пламенной веры и несокрушимого убеждения послания в защиту иконопочитания, рассылая их по всем концам империи. За это гонитель икон имп. Лев Исаврянин оклеветал его пред халифом. Разгневанный халиф приказал отсечь Иоанну правую руку. Когда по молитве Иоанна пред иконой Богоматери рука его чудесно срослась, халиф, убедившись в его невиновности, хотел сделать его правителем всей Сирии. Но Иоанн, познавший бренность всего земного, удалился в обитель св. Саввы близ Иерусалима и там отдался строгой подвижнической жизни. Здесь он написал свое замечательное богословское сочинение: «Точное изложение Православной веры».

От него остались проповеди преимущественно догматического и церковно-обрядового содержания. Проповеди его, как и Андрея Критского и Феодора Студита, представляют собою лучшие черты так называемого Византийского направления проповеди. Отличительной чертой этого направления является соединение ораторского и лирического элемента. Все эти три писателя - не только глубокомысленные богословы, но и религиозные поэты и знаменитые церковные песнопевцы. Лирический элемент в их проповедях совершенно естественен как плод живого чувства. В проповедях позднейших представителей этого направления поэтический талант и религиозное воодушевление были заменены механическим подражанием, вследствие чего явилась напыщенность и искусственность, почему история проповеди относится к этому направлению в позднейшем его виде с XI по XVI век с осуждением.

Глава: Знаменитые проповедники российской православной церкви

Лука Жидята, епископ Новгородский (скончался в 1058 или 1059 г.), является первым по времени проповедником Российской Православной Церкви, поучение которого дошло до нас. Поучение это состоит из ряда кратких, самых общих наставлений в вере — о необходимости самой веры в Бога, в воскресение мертвых и жизнь вечную, — и является или обращением к пастве перед разлучением с нею, или предсмертным завещанием.

Иларион, митрополит Киевский и всея Руси, бывший первым митрополитом из русских (скончался в 1054 г.), поставленный из священников села Берестова близ Киева за свое благочестие, ученость и удивительный ораторский талант. От него дошло до нас замечательно сильное и вдохновенное торжественное слово: «О законе, Моисеем данном, и благодати и истине Иисус Христом бывшим». Насколько слово еп. Луки Жидяты бесхитростно и просто, настолько слово митроп. Илариона красноречиво и витиевато, обличая в нем высокообразованного оратора, несомненно знакомого с лучшими образцами греческого церковного красноречия. Нигде, однако, это красноречие не переступает меры и не доходит до излишества, чем выгодно отличается от тогдашнего греческого красноречия. Из этого слова видно, что митр. Иларион был подлинным поэтом в душе и своим произведением доказал, что все поэтические красоты Св. Писания были ему понятны и увлекали его возвышенное религиозное чувство. Цель этого слова — восхвалить Бога за спасение людей вообще и русских — в частности. Здесь он говорит о соотношении между Ветхим и Новым Заветом как о «законе» и «благодати» и о двух естествах Господа Иисуса Христа, приводя чрезвычайно образные сопоставления для этого. Затем он говорит о народах, принявших христианство, и, наконец, о русском народе. Заканчивается слово необыкновенно сильной и величественной похвалой кагану (князю) Владимиру как просветителю русского народа. «Встань, честная глава! встань! Ты не умер, а спишь до общего всем восстания; посмотри на распространение христианства в твоём народе, посмотри на сына твоего, украшающего стол земли твоей, и на семью его!» — таким торжествующим возгласом заканчивается слово Илариона. 3) Кирилл, епископ Туровский (вторая половина XII века), был проповедником того же типа, что и митр. Иларион. И его проповеди весьма красноречивы и рассчитаны не на простой народ, но на избранных слушателей. До нас дошло семь его поучений: 1) на Вербное Воскресение, 2) на Пасху, 3) на Фомину неделю, 4) на неделю Жен-Мироносиц, 5) на неделю о Расслабленном, 6) на неделю о Слепом и 7) на Вознесение. В своих проповедях еп. Кирилл часто прибегает к противопоставлениям, иносказаниям, диалогической форме и к распространенному тогда у греческих ораторов символизму, для чего он пользовался как образами из Библии, так и из мира природы и из церковных обрядов; прибегал он и к притчам.

Если простой народ мало понимал проповеди Кирилла, то люди книжные несомненно очень их ценили, о чем свидетельствуют множества дошедших до нас списков их. Его называли даже «вторым златословесным витиею» и «вторым Златоустом». Некоторые ученые исследователи называют проповеди Кирилла «стихотворениями в прозе на религиозные мотивы» — настолько они высокохудожественны и поэтичны. Кроме проповедей от еп. Кирилла дошли до нас 27 составленных им молитв. По содержанию своему они суть горячие моления тяжкого грешника, сознающего свою крайнюю греховность и взывающего к Богу о непредании врагу, об избавлении от геенны и о сподоблении рая (Голубинский). Они по справедливости должны быть поставлены наряду с лучшими молитвами греческих авторов.

Кириллу принадлежат также несколько покаянных канонов.

Серапион, епископ Владимирский (живший в XIII столетии), — выразитель народной печали в первую эпоху злых времен татарщины. В первых двух своих поучениях, дошедших до нас, он с глубоким сокрушением обличает свою паству во грехах, за которые Господь и послал в наказание страшное нашествие татар. Особой красоты и силы эта же мысль достигает в его третьем поучении. «Господь навел на нас народ немилостивый, — говорит он здесь, — народ лютый, народ, не щадящий ни юной красоты, ни немощи старцев, ни младости детей, ибо мы подвигли на себя ярость Бога нашего... Разрушены Божии церкви, осквернены священные сосуды, поправа святыня, святители сделались добычей меча; тела преподобных иноков брошены в пищу птицам; кровь отцев и братьев наших, как вода многа напоила землю... Ибо свели мы на себя гнев Господа...» Четвертое поучение направлено против суеверия народа, верившего в силу колдовства. В 5-м поучении обличается суеверие, не позволявшее хоронить людей, умерших не своей смертью. Простой и понятный язык этих поучений отличается вместе с тем и искренним пафосом.

Св. Петр, митрополит Киевский и всея Руси (1308—1326 гг.). Родился на Волыни от благочестивых родителей и 20 лет поступил в монастырь. Основал затем собственную обитель на реке Рати и так прославился благочестием, что на него пал выбор для замещения кафедры митрополита всея Руси. Он первый перешел в Москву, где князем был тогда Иоанн Калита, завещал устроить здесь храм в честь Богоматери (впоследствии знаменитый Успенский собор) и предрек великое будущее Москве.

От него дошли до нас наставления духовенству и мирским людям о посте и воздержании, о необходимости молиться и каяться; духовенству св. Петр внушает не заниматься торговлей и не отдавать денег в рост. Эти поучения отличаются сухим, прозаическим содержанием в соответствии со всем духом тогдашней северорусской жизни, суровой и чуждой поэзии, коей отличалась Русь Киевская до нашествия татар.

Св. Алексей, митрополит Московский и всея Руси (1354—1378 гг.). В мире называвшийся Елевферием, он был сыном черниговского боярина Феодора Бяконта, родился в Москве и, удостоившись на 13 году жизни особенного призвания Божия, рано принял иночество в московском Богоявленском монастыре с именем Алексия, где и подвизался целых 20 лет, сделавшись известным князю и митрополиту своею мудростью духовными подвигами. Так как он изучил хорошо греческий язык, то митр. Феогност, родом грек, сделал его Своим помощником по управлению митрополией. Незадолго до кончины митроп. Феогноста св. Алексей сделан был Владимирским епископом, а по его кончине был возведен на кафедру митрополита. Заботясь о благе Церкви и отечества, он трижды путешествовал в Золотую Орду, причем совершил великое чудо исцеления лишившейся зрения жены хана Тайдулы. Был другом преп. Сергия, Игумена Радонежского, и часто пользовался его духовной помощью и содействием, надеясь видеть его своим преемником, но тот решительно отказался от этой высокой чести.

До нас дошли простые и безыскусственные (подобно поучениям митр. Петра) наставления св. Алексия о любви и страхе Божиим, о правосудии, о необходимости покоряться властям, об усердии в молитве, о причащении Св. Христовых Таин.

Матфей, епископ Сарайский (живший в то же время), учил паству всем христианским добродетелям, учил почитать монастыри, верно служить князьям, гуманно относиться к челяди.

Св. Киприан, митрополит Московский (1381—1383 и 1390—1406 гг.), по происхождению серб или, вернее, болгарин из г. Тернова. Приехал в Россию в 1377 г. И был сначала игуменом в Киево-Печерском монастыре, а с 1381 года Московским митрополитом. Он был человек «великий книжный и учительный» и оставил после себя много сочинений, в которых, между прочим,

писал о близкой кончине мира и против того, чтобы монастыри владели именьями. От него осталось и много поучений.

Григорий Цамвлак (Семивлах) — племянник св. Киприана, с 1416 г. был сделан Московским митрополитом. Известен как выдающийся проповедник, но уже не в духе прежней простоты и безыскусственности. «Стремление к витиеватости — сравнения, противоположения, метафоры, вообще тропы и фигуры встречаются у него на каждом шагу» (м. Макарий). До нас дошли 21 слово его на воскресные и праздничные дни — например, слово о том, как приступить ко св. Евхаристии.

Вообще южные славяне Киприан, Григорий Цамвлак и еще Пахомий Логофет, известный главным образом как автор и переделыватель русских житий, принесли к нам свои литературные приемы, главная черта которых -наклонность к риторическому витиеватому красноречию.

Даниил, митрополит Московский (1522—1539), избранный из игуменов Волоколамского монастыря, верный ученик преп. Иосифа Волоцкого, известный ученый и образованный деятель. Он много заботился о расширении монастырской библиотеки и приобрел много книг для этой библиотеки и для себя лично. От него дошло до нас 16 догматических и поучительных слов, известных под общим именем «Соборника», где он обличает ереси, пороки и недостатки современного ему общества. Некоторые его слова отличаются ярким реализмом своих картин, а потому очень ценны для характеристики жизни той эпохи. Так, очень живо представлено поведение «православных» в церкви: «А когда придешь в божественную церковь, то и не знаешь, зачем пришел: зеваешь, потягиваешься, поставляешь ногу на ногу, выставляешь и потрясаешь бедра и кривляешься, как похабный». Очень живо обрисованы в его словах московские щеголи того времени, которые завели моду бриться, выщипывать волосы с подбородка, румяниться и носить богатые украшения. В этих словах митрополит делается как бы сатириком, наделенным и юмором и наблюдательностью.

Макарий, митрополит Московский (1528—1563). Как церковный деятель занимает весьма видное положение в истории Русской Церкви. Он произвел канонизацию многих святых, им был созван известный Стоглавый Собор 1551 г. в целях всестороннего улучшения положения Церкви, причем историки считают его главным виновником почти всех постановлений этого собора. При нем была открыта в Москве первая типография для печатания священных книг. Трудом его был создан сборник «Четьи-Миней», а также сводной «Кормчей Книги». После него осталось несколько посланий и поучений.

Симеон Полоцкий родился в Белоруссии в 1629 году, учился в Киево-Могилянском коллегиуме, довершил свое образование в польских школах, принял монашество в Полоцком Богоявленском монастыре. Своей речью он обратил на себя внимание царя Алексея Михайловича и был сделан воспитателем царевича Феодора Алексеевича. Скончался в 1680 году.

После него осталось два сборника поучений: 1) «Обед духовный», содержащий поучения на воскресные дни всего года, и 2) «Вечеря душевная», содержащий поучения на все Господские и Богородичные праздники и на особые случаи. Язык простой, церковнославянский, содержание близко жизни русского народа, но все же видны искусственные приемы южнорусской схоластической гомилетики.

Св. Димитрий, митрополит Ростовский, сын сотника Тупталы, родился в м. Макарове Киевской губернии в 1651 году. Учился в Киево-Могилянской школе, но из-за войны курса не кончил. Принял монашество на 18 году жизни в Киеве. 25 лет посвящен в иеромонаха и сделан проповедником, скоро приобретает известность в разных городах Южной России. В 1701 г. вызван в Москву, где имп. Петром I ему было поручено проповедовать Слово Божие. В этом же

году назначен митрополитом Тобольским и Сибирским, но по слабости здоровья отказался от этого назначения. В 1702 г. назначен митрополитом Ростовским. Здесь учредил школу для священнослужителей, усердно проповедовал, боролся с расколом. Скончался в 1709 году, а в 1752 г. были обретены мощи его.

Проповеди его нравственно-практические, хотя есть и догматические, исторические и полемические. Главные темы: вера в Спасителя и любовь к Нему, любовь к ближнему, умерщвление страстей и обновление духа при помощи благодати. Проповеди его пользовались большим распространением: их читали и в церквах и в домах по всей России. Он приводит много примеров из Св. Писания, из житий святых и из обычной жизни. Проповеди его очень просты и безыскусственны, искренни, отличаются умиленностью и трогательностью. Но они не вполне свободны от оков схоластики, свойственной юго-западным школам: все они написаны в форме слов и не чужды символизма, аллегорий, искусственного сближения предметов, встречаются в них басни, анекдоты, сведения из мифологии. Язык простой, чуждый витиеватости, по большей части церковнославянский.

Феофан Прокопович родился в Киеве в 1681 году. Сначала учился в Киево-Могилянском коллегиуме, потом в польских школах, где принял унию и монашество, оттуда переехал в Рим и поступил в миссионерскую школу св. Афанасия. Вернувшись из Рима в Киев, принял православие, постригся в монахи и был преподавателем и ректором Киевской Академии. Своим словом обратил на себя внимание имп. Петра I, который сделал его своим ближайшим сотрудником. В 1718 г. назначен епископом Псковским. В 1736 г. умер в сане архиепископа Новгородского.

В истории русского проповедничества занимает очень видное место, так как способствовал освобождению проповеди от схоластического влияния, требуя простоты и жизненности. Эта мысль введена им и в составленный им «Духовный регламент». Но он и сам не вполне освободился от польского схоластического влияния, хотя проповеди его очень жизненны, просты и естественны. Язык правильный, церковнославянский.

Гедеон Криновский родился в 1726 г. в Казани. Окончив Казанскую семинарию, поступил в Московскую Академию и здесь принял монашество. Имп. Елисавета Петровна, узнав о нем как о даровитом проповеднике, назначила его придворным проповедником. В 1761 г. он был рукоположен во епископа Псковского, но вскоре умер (1763 г.) 37 лет от роду.

От Гедеона Криновского осталось более 100 проповедей. Все они обличительного характера и направлены против религиозного вольнодумства и неверия и против нравственных недостатков общества. Имея в виду слушателей образованных, он обосновывает свои суждения часто на научных доказательствах. Написаны в форме слов, отличаются живостью, понятностью.

Св. Тихон Задонский, епископ Воронежский, родился в 1724 г. в Новгородской губ. Образование получил в Новгородской семинарии и еще на школьной скамье принял монашество. Был учителем семинарии, затем ректором Тверской семинарии в сане архимандрита, в 1761 г. рукоположен во епископа Ладожского, а через два года назначен еп. Воронежским. Там устроил он духовную семинарию, усердно боролся с остатками язычества, непрестанно проповедовал Слово Божие, руководя в деле проповеди подведомым духовенством. Неусыпные труды и аскетические подвиги подорвали его здоровье, и через 4 года он удалился на покой в Задонский монастырь, где и почил в 1783 году.

До нас дошло только 12 обширных слов его и 28 кратких поучений, потому что большей частью он проповедовал экспромтом. Замечательно его сочинение: «Сокровище духовное, от мира собираемое». Проповеди св. Тихона нравственно-практического характера. Тон обличений кроткий, отличаются они теплотой чувства, искренностью и задушевностью, чрезвычайно

просты и доступны для понимания, часты сравнения, уподобления, живые примеры из жизни.

Георгий Конисский родился в 1717 г. в Нежине Черниговской губернии в дворянской семье. Получил образование в Киевской Академии, принял монашество 24 лет и проходил в Академии разные должности вплоть до ректорства. В 1755 г. назначен епископом Могилевским. Заботился об образовании духовенства, открывал школы, писал духовенству окружные послания. Известен как защитник Православия от иезуитов. Умер в 1795 году.

Оставшиеся от него слова и речи отличаются рассудочностью и слабым развитием художественного элемента и чувства, обилием текстов Свящ. Писания, логичностью, простотой, ясностью. Речи его — полная противоположность словам: как в словах он рассудочно убеждает, так в речах трогает силой чувства и образностью изложения.

Платон, митрополит Московский (в мире Петр Данилов) родился в 1737 г. от сельского причетника Московской губернии, обучался в Коломенской семинарии и в Московской Славяно-Греко-Латинской Академии, где принял фамилию Левшина. В Академии проходил, по обычаю, должность катихизатора народа, затем был назначен учителем Троицкой семинарии, где принял монашество, прошел должности ректора и наместника Лавры. Произвел своим словом о пользе благочестия такое впечатление на имп. Екатерину II, что она взяла его законоучителем к наследнику престола. В 1763 г. Платон был назначен архимандритом Троицкой Лавры и членом Синода, в 1770 г. — архиепископом Тверским, потом переведен в Москву, где был епархиальным архиереем 37 лет. В 1787 г. был возведен в сан митрополита и при коронации императора Александра I произнес такую замечательную речь, что она тогда же была переведена на разные европейские языки. Последние годы провел в путешествиях по России и в келейной жизни на Перерве. Почил в 1819 году.

Главнейшие труды его: издание «инструкции благочинным», уничтожение крестцовых попов, поднятие умственного и материального быта духовенства, борьба с расколом и учреждение единоверия.

Митрополит Платон оставил после себя до 700 проповедей (в 16 т.). Их можно разделить на: 1) катихизические, 2) поучительные и 3) речи приветственные и надгробные. В катихизических поучениях в вопросо-ответной форме излагаются догматические истины и опровергаются модные тогда лжеучения. В поучительных словах раскрываются нравственные истины и опровергаются ложные мнения деистов, натуралистов и материалистов. В них Платон особенно стремится доказать, что Бог есть Высочайшая Истина и Высочайшее Благо, говорит о началах гражданского благоустройства, которое зависит от веры в Бога и любви к Богу и ближним.

Каждое слово имеет приступ с указанием темы, исследование и заключение. Язык простой и ясный, хотя в нем и много славянских выражений. Речи отличаются большим красноречием и возвышенным тоном, чего требовала торжественная обстановка, при которой они произносились. Лучшая речь — на коронацию императора Александра.

Анастасий Братановский родился в 1761 г. В Полтавской губернии, образование получил в Переяславской Духовной семинарии. Был преподавателем Севской и Вологодской семинарий. Своим трудолюбием и благочестием обратил на себя внимание начальства, был вызван в С.-Петербург и назначен преподавателем Александро-Невской семинарии, и одновременно поручено ему было произносить катихизические поучения для народа. На этой должности он приобрел известность даровитейшего проповедника. В 1794 г. был избран членом Академии Наук и членом Синода, в 1797 г. посвящен во епископа Белорусского, в 1806 г. по слабости здоровья перемещен в Астрахань и там в том же году скончался.

От него дошло до нас 14 проповедей, которые направлены против увлечения тогдашнего русского общества идеями энциклопедистов. В своих проповедях Анастасий раскрывает и

защищает те истины христианства, которые подвергались нападениям безбожных отрицателей. Слог их близок к разговорному языку; они проникнуты глубоким чувством.

Михаил, митрополит С.-Петербургский (в мире Матвей Десницкий) родился в 1762 г. Пройдя курс Троицкой семинарии, слушал лекции в Московском университете и академии, стал приходским священником в Москве и обратил на себя внимание ревностным проповеданием Слова Божия. В проповедях он раскрывал полный курс христианского учения и этим привлекал слушателей со всех концов Москвы. Слава его достигла императорского двора, и он был определен придворным пресвитером. По смерти детей и жены постригся в монахи, в 1799 г. возведен в архимандрита и сделан членом Синода, в 1801 г. возведен во епископа Старорусского, потом на самостоятельную Черниговскую кафедру, а в 1818 г. сделан митрополитом С.-Петербургским. Почил в 1821 году.

От него дошло до нас более 500 проповедей. В печати они носят различные названия: «Катихизис», «Труд, пища и покой духа человеческого», «Об истинном покаянии и разных степенях его», «О богослужении» и т. д. Отличаются простотой и ясностью, некоторые страдают растянутостью.

Амвросий, архиепископ Тверской (Андрей Протасов), родился в 1763 г. в Московской губернии, учился в Троицкой семинарии и Московской Академии, где потом и преподавал. В 1794 г. принял монашество и назначен проповедником Академии, а в 1803 г. посвящен во епископа Тульского; умер в сане архиепископа Тверского в 1831 году.

Проповеди его направлены против заблуждений и недостатков современного общества, проникнуты теплым чувством, отличаются образностью изложения.

Филарет, митрополит Московский (Василий Дроздов) родился в 1782 г. в Коломне в семье диакона. Окончил Троицкую семинарию блистательно и стал в ней учителем еврейского и греческого языков. Для переводов с греческого языка избрал творения св. Григория Богослова, что способствовало образованию из него глубокого догматиста и усвоению как духа, так и самого образа выражения мыслей этого великого отца Церкви. С 1800 г. становится известным как проповедник, в 1808 г. принимает иночество и назначается наставником новооткрытой С.-Петербургской Академии, в 1811 г. возводится в архимандрита и назначается ее ректором. В 1817 г. был посвящен во епископа Ревельского. Через два года получил самостоятельную кафедру Тверскую, звание архиепископа и члена Синода, потом Ярославскую, а в 1821 г. Назначен на Московскую кафедру и перед коронацией имп. Николая I возведен в сан митрополита. Скончался в 1867 году.

Митрополит Филарет являет собою величественный образ иерарха-мудреца, окруженного ореолом высшей нравственной чистоты, духовной силы и недостижимого для обыкновенных людей авторитета. Это был подвижник благочестия, гениальный деятель, исполин мысли и слова, великая общественная и нравственная сила. Он был истинным аскетом, не желал ничего личного, весь жил для Бога и для Церкви. Все его время делилось между молитвой частной и общественной и трудами административными и пастырскими. В течение полувека архипастыри Русской Церкви, можно сказать, жили его пастырской мудростью, учились у него, старались подражать ему. Памятником его мудрости служат его мнения и резолюции, собранные архиепископом Саввою Тверским в 5 огромных томах: в них можно найти руководство почти на всякий случай в епархиальной практике. Необыкновенно плодovита его научная и литературная деятельность. Насчитывают не менее 500 заглавий его сочинений, не считая изданных уже больших томов его писем. В этих письмах сколько серьезной деловитости, столько же художественного блеска и изящного утонченного остроумия. Одни эти письма, по словам Преосвященного Никанора, «выдвигают Филарета на недостижимую высоту величайшего мыслителя, мудреца и истинного учителя вселенной». Все печатные произведения его

принадлежат к разряду тех, которые принято называть классическими. Нет ни одной области богословского знания, в которой он не сделал бы ценных вкладов.

Особенно ярки, разнообразны и жизненны проповеди митр. Филарета. Из них составлены полные системы догматики и нравственного богословия и отчасти церковного права, особенность которых — отпечаток гениальной самобытности и оригинальности как в постановке богословских вопросов, так и в их решении. По построению его проповеди представляют собою верх совершенства, и история проповедничества не знает проповедей, равных проповедям митр. Филарета. Удачный выбор текстов, замечательное умение отметить существенные черты в содержании текста, точность и ясность в составлении определений, строгое единство, стройность и полнота в целом плане проповеди — вот отличительные черты их. Проповеди его рассудочны, но благодаря глубине их содержания, теплоте и сердечности в высшей степени убедительны. Речь митр. Филарета отличается важностью, силою и точностью. Соединение элементов языков церковнославянского и русского представляет собою художественную меру.

Иннокентий, архиепископ Херсонский (Иван Борисов), родился в 1800 г. в семье священника г. Севска Орловской губернии. Окончил Воронежское Духовное Училище, Орловскую семинарию и Киевскую Духовную Академию. Окончил курс со степенью магистра и был назначен профессором и инспектором С.-Петербургской семинарии, а затем ректором Александро-Невского Училища. В 1823 г. принял иночество, через год назначен бакалавром богословских наук, а затем инспектором С.-Петербургской Академии. В 1830 г. переведен ректором в Киевскую Духовную Академию. Десять лет его ректорства (1830—1840) считаются лучшим периодом в истории этой Академии. В 1836 г. Иннокентий был посвящен во епископа Чигиринского, в 1841 г. назначен епархиальным архиереем в Вологду, потом переведен в Харьков, а под конец жизни был архиепископом Херсонским и Таврическим. Во время Севастопольской обороны проявил себя пламенным патриотом и великим пастырем Церкви. Не довольствуясь произнесением проповедей в Одессе в минуты самой бомбардировки города, он отправился на самое место побоища и совершал богослужения в лагерной церкви во время пушечной пальбы, укрепляя своим словом защитников Севастополя. Скончался в 1857 году.

После Филарета Иннокентий — самый замечательный иерарх Русской Церкви. Как епархиальный архиерей он был ревностным начальником и прекрасным администратором. Заботился о благоговейном и торжественном отправлении богослужений, о возвышении духовенства в умственном и нравственном отношении, возобновлял древние и устраивал новые монастыри, составлял новые акафисты, проникнутые истинным молитвенным чувством и глубокие по смыслу и содержанию. Особенно велик он как проповедник. От него осталось более 500 проповедей. Из сборников особенно известны: «Первая седмица Великого Поста», «Страстная седмица», «Светлая седмица», «Слова и беседы на праздники Господские и дни воскресные» и проч. Полное собрание сочинений архиепископа Иннокентия выпущено в 6 томах. По характеру проповеди его совершенно противоположны проповедям митрополита Филарета. Тогда как последний преимущественно действовал на разум, Иннокентий старался затронуть чувство. Поэтому во многих проповедях его нет строго аналитического развития мыслей — слова его просты и отличаются тоном живой беседы. Сила его не в логике, а в обаянии живой религиозной правды, непосредственно действующей на душу. Он не философ, а художник. Его проповеди — это ряд картин, которые увлекают воображение слушателя.

Яков Козьмич Амфитеатров родился в Орловской губернии в 1802 г. Окончил Орловскую Духовную Семинарию и Киевскую Академию. Как преподаватель церковной словесности в академии много сделал для развития этой науки, оставив сочинение: «Чтения о церковной словесности», которое раскрывает дух церковной проповеди, как он открывается в Библии и у

великих отцов Церкви. Для успеха проповеди он требует от проповедника аскетического благоговейного настроения, проникновения предметом проповеди и своим священным призванием. Умер в 1840 году.

После него осталось 17 бесед об отношении Церкви к христианам, где проводится та мысль, что Церковь есть мать наша. Беседы написаны с одушевлением и искренностью, речь метка и проста, отличается церковно-библейским духом.

Филарет, архиепископ Черниговский (Димитрий Гумилевский), родился в 1805 г. в Тамбовской губернии, окончил Московскую Духовную Академию, где на 2 курсе принял монашество, был потом профессором, инспектором и ректором ее. В 1841 г. рукоположен во епископа Рижского и много потерпел от лютеран, трудясь на пользу Православия. В 1848 г. переведен в Харьков, а в 1859 г. в Чернигов. Умер в 1866 г., пожертвовав собой ради паствы во время эпидемии холеры.

Архиепископ Филарет известен как знаменитый ученый — богослов-догматик, историк и археолог. Капитальнейшие из его многочисленных сочинений: «Православное догматическое богословие» (2 части), «Историческое учение об Отцах Церкви» (3 части), «История Русской Церкви», «Обзор русской духовной литературы».

Видное место занимает он и как проповедник. Небольшие проповеди его производят сильное впечатление тем, что обращены к сердцу и чувству слушателей. Основная мысль их — величие любви Божией к человеку и спасительная сила страданий Сына Божия. Эта мысль была источником тех обильных слез, которые Филарет проливал каждый раз за Литургией, начиная от Херувимской и до причащения. Они собраны в сборниках: «Слова и беседы», «Беседы о страданиях Господа нашего Иисуса Христа».

Евсевий, архиепископ Могилевский (1800—1883), в мире Евфимий Орлинский, окончил Московскую Духовную Академию; приняв монашество, был ее ректором, потом ректором Петербургской Академии, потом епископом Самарским, архиепископом Иркутским и Могилевским. Из проповеднических трудов его особенно известны «Беседы на воскресные евангельские и апостольские чтения».

Протоиерей Родион Тимофеевич Путятин родился в 1807 г. в Путятине Рязанской губернии, где отец его был священником. Окончил Рязанскую семинарию и Московскую Академию со степенью магистра. Назначен преподавателем словесности в Ярославскую семинарию, где принял сан священника. В 1845 г. перемещен в Рыбнинский собор протоиереем.

После него осталось более 300 кратких поучений. Они выдержали 25 изданий. Проповеди эти весьма кратки, а язык самый простой, разговорный. Это как бы уроки и наставления отца к детям, согретые теплым чувством и прямо приспособленные к положению слушателей, чем они особенно нравились.

Иоанн, епископ Смоленский (Владимир Соколов), родился в 1818 году, окончил Московскую Академию, принял монашество, был профессором С.-Петербургской Академии, викарием Петербургской епархии и скончался в 1869 г. в сане епископа Смоленского.

После него остались проповеди публицистического характера, в которых он обличает заблуждения современного общества, а также беседы, обращенные к простому народу, представляющие собою искренние наставления отца-христианина своим детям, простые и безыскусственные, полные искренней любви, а потому весьма трогательные. Изданы в виде сборника: «Беседы, поучения и речи».

Макарий, митрополит Московский (Михаил Булгаков), родился в 1816 году. Знаменитый русский богослов и церковный историк, он окончил Курскую семинарию и Киевскую Академию, на последнем курсе которой принял монашество и был назначен профессором русской церковной и гражданской истории. В 1842 г. был перемещен в С.-Петербургскую

Академию и был ее инспектором и ректором; в 1857 г. назначен епископом в Тамбов, потом в Харьков, затем в Литву, а в 1879 г. возведен в Московского митрополита. Скончался в 1882 году.

Кроме многочисленных и монументальных сочинений по догматическому и основному богословию, истории Русской Церкви и русского раскола оставил около 200 проповедей. По содержанию проповеди эти можно разделить на два разряда: в первых по времени преобладает теоретическое направление с изложением отвлеченных истин веры и нравственности, с 50-х годов проповеди его получают жизненное содержание. Макарий строго различает евангельские заповеди, обязательные для каждого христианина, от евангельских советов, доступных и обязательных для ищущих высшего совершенства. Изложение живое и прекрасно обработанное.

Протоиерей Алексей Белоцветов родился в 1803 г. во Владимирской губернии. Окончил местную семинарию, был сельским учителем и вел противораскольнические беседы. В 1863 году стал священником, ревностно проповедовал и в 1876 году скончался. Поучения его, краткие по объему, отличаются жизненностью, теплотой чувства, живостью изложения — вышли отдельным сборником.

Протоиерей Василий Иоаннович Нордов родился в 1797 году в Великом Устюге. Отец его был бедным сельским причетником и не мог дать сыну должной подготовки. Первым образовательным учреждением для Нордова был приходской храм с его богослужebными книгами. Здесь он прекрасно изучил богослужение и подготовил себя так, что был принят в Духовное Училище, окончил Вологодскую Духовную семинарию и Московскую Духовную Академию. Проходил должности учителя и смотрителя духовных училищ. С 1841 по 1883 год, до самой смерти, был настоятелем Вологодского кафедрального собора, трудясь неутомимо на поприще проповедания Слова Божия.

Многочисленные проповеди его изданы в двух томах под заглавием: «Сеятель благочестия». В первом томе — беседы на Литургию, катихизические истины, священно-исторические события, слова на воскресные и праздничные дни. Во втором томе — проповеди на разные темы под заглавием: «Церковно-проповедническое трехлетие». Все проповеди Нордова очень содержательны и удовлетворяют запросам всех классов общества, начиная с простого и кончая образованным.

Димитрий, архиепископ Херсонский (Климент Муретов), родился в 1806 г. в Рязанской губернии, учился в Рязанской семинарии и Киевской Академии, где принял монашество. Был профессором, инспектором и ректором Академии, в 1851 г. был рукоположен во епископа Тульского, потом был архиепископом в Одессе, Ярославле, на Волыни и снова в Одессе; скончался в 1883 году.

Он был талантливый и усердный проповедником. Полное собрание его проповедей издано в 5 томах. Направление их нравственно-практическое. Отличаются церковно-библейским духом, сердечной теплотой, силой христианского убеждения; в них чувствуется такой дух помазания, что они напоминают собой святоотеческие проповеди. Они безыскусственны, ясны и просты.

Епископ Феофан, Вышенский Затворник (Георгий Говоров), родился в 1815 г. в семье священника Орловской епархии. Окончил Орловскую семинарию и Киевскую Академию, где и принял монашество. Был смотрителем Киевских Духовных Училищ, затем инспектором Новгородской семинарии, профессором С.-Петербургской Академии, членом Духовной Миссии в Иерусалиме, профессором Петербургской Академии в сане архимандрита, ректором Олонецкой семинарии, настоятелем посольской церкви в Константинополе и, наконец, ректором С.-Петербургской Академии. В 1859 г. был рукоположен во епископа Тамбовского, затем перемещен во Владимир. Почти всякое служение свое сопровождал поучением. Слово его, отличавшееся простотой, шедшее от сердца и дышавшее глубоким убеждением, привлекало

много слушателей, особенно из простого народа. В 1866 г. испросил себе увольнение на покой в Вышенскую пустынь, в которой с 1872 г. ушел в полный затвор, не выходя из келлии и не принимая к себе никого. Все время проводил в молитве, писании писем и богословских трудов, работал на токарном станке, занимался живописью. Почил 6 января 1894 года.

Имя его как великого духовного наставника, глубокомысленного богослова и подвижника чтится всей верующей Россией. Его письменные труды представляют собой ценнейший вклад в нашу богословскую науку и аскетическую литературу. Одни его труды переводные, другие — самостоятельные. Из переводных особенно замечательно «Добротолюбие» в 5 томах. Самостоятельные представляют собою труды по истолкованию Свящ. Писания, каковы: «Толкования на послания св. Апостола Павла» и «Евангельская история о Боге Сыне», по аскетике, каковы: «Начертание христианского нравоучения», «Путь ко спасению», «Письма о духовной жизни», «Что есть духовная жизнь?», «Мысли на каждый день года» и др. Третий вид его творений - сборники его поучений. Они проникнуты духом истинного христианского аскетизма и отличаются простотой и безыскусственностью.

Павел, архиепископ Казанский (П. Лебедев), был епископом в Кишиневе, потом экзархом Грузии с 1882 по 1887 год, умер в 1892 году. Имел выдающийся ораторский талант. После него осталось много проповедей.

Никанор, архиепископ Херсонский (Александр Бровкович), родился в 1827 г. в Могилевской губернии, окончил С.-Петербургскую Академию и там принял монашество. Был последовательно ректором нескольких духовных семинарий и Казанской Духовной Академии. В 1866 г. удостоен степени доктора богословия, которой у нас удостаивались весьма немногие даже из числа ученейших наших иерархов. В 1871 году возведен в сан епископа Аксайского, затем был епископом Уфимским и архиепископом Херсонским. Умер в 1890 году.

Принадлежит к числу выдающихся проповедников. Полное собрание его проповедей вышло в 5 томах. Любимая форма его — «поучение». По объему и форме они напоминают святоотеческие проповеди: они больших размеров и чужды рамок, в каких являются проповеди, написанные по правилам теории гомилетики: они просты и безыскусственны. В них раскрывается учение о вере, о нравственности, истолковывается богослужение, учение историческое, учение о пастырском служении. Все проповеди назначены для интеллигентных слушателей, а потому носят характер апологетическо-обличительный или публицистический: в них обличаются заблуждения современного общества. Основная идея их - безусловная важность религии в форме нашей древне-отеческой православной веры.

Леонтий, митрополит Московский (Иван Лебединский), родился в 1822 г. в Воронежской губернии, окончил С.-Петербургскую Духовную Академию. Пройдя духовно-педагогический стаж, в 1860 г. был посвящен во епископа Ладожского, потом назначен в Подолию, переведен в Одессу и Варшаву. В 1891 г. назначен митрополитом Московским. Скончался в 1893 году.

Проповеди его, изданные в 2 частях, при краткости объема очень содержательны и отличаются простотой и безыскусственностью изложения.

Сергий, митрополит Московский, уроженец Тульской губернии, окончил Московскую Духовную Академию и проходил в ней должности профессора, инспектора и ректора. В 1861 г. рукоположен во епископа Курского, в 1880 г. возведен в сан архиепископа Казанского, переведен в Кишинев, потом в Херсон, а в 1893 г. возведен в сан митрополита Московского. Скончался в 1898 году.

Проповеди его отличаются стройностью плана, строгой церковностью, жизненностью содержания, сжатостью изложения и краткостью объема и могут считаться образцовыми.

Протоиерей И. Г. Пospelов — магистр Московской Духовной Академии, видный борец за Православие в Лифляндском крае. Поучения его, изданные в 2 частях, в кратких и живых чертах

раскрывают главные истины христианской веры и нравственности.

Амвросий, архиепископ Харьковский (А. Ключарев), родился в 1821 г. сыном причетника Владимирской губернии, окончил Московскую Духовную Академию, был приходским священником, в 1877 г. принял монашество и через год посвящен во епископа Дмитровского, а в 1882 г. назначен в Харьков. В 1901 году скончался.

Он принадлежит к числу выдающихся наших проповедников. Изданы три выпуска его проповедей, которые он произносил: 1) в сане протоиерея, 2) в сане епископа Дмитровского и 3) в сане архиепископа Харьковского. Ему принадлежит прекрасное сочинение: «О проповеднической импровизации».

Все проповеди его обращены к образованным слушателям. Он отвечает в них на все явления современной общественной жизни, рассеивая ложные взгляды и освещая их светом веры. В его проповедях необыкновенная сила диалектики и свежесть мысли. В начале проповеди он прямо указывает предмет ее, рельефно представляет его сущность и с неотразимой силой разгоняет ту сумятицу понятий, которые закрывают истину.

Антоний, митрополит С.-Петербургский (А. Вадковский), сын священника Тамбовской губернии, родился в 1847 г., окончил Казанскую Духовную Академию и стал профессором. В 1883 г. пострижен в монашество, возведен в архимандриты и проходил должности инспектора Казанской и С.-Петербургской Академий и ректора последней. В 1887 г. назначен епископом Выборгским, в 1892 г. возведен в сан архиепископа Финляндского, оживил церковно-религиозную жизнь этого края, в 1899 г. возведен в сан митрополита С.-Петербургского. Скончался в 1912 году.

Проповеди его отличаются особенной назидательностью, естественностью, простотой построения и живостью изложения. В них можно встретить излияния его собственных чувств, и этот субъективный лирический элемент сообщает им особенную задумчивость и трогательность. Собрание его «Слов, поучений и речей» издавалось несколько раз.

Ириней, епископ Орловский, по окончании Академии был педагогом, в 1888 г. возведен в сан епископа и проходил служение в разных городах. Скончался в 1904 г. Он автор многих сочинений и проповедей.

Протоиерей Петр Алексеевич Смирнов, воспитанник и магистр Московской Духовной Академии, был приходским священником в Москве, потом настоятелем Исаакиевского собора в С.-Петербурге, председателем Духовно-Учебного Комитета. Известный духовный писатель и проповедник. Скончался в 1911 г. В 1898 г. вышло его полное собрание сочинений в 6 выпусках.

Проповеди его, небольшие по объему, очень содержательны: темы их преимущественно нравственно-практического характера, взяты из обычного круга проповеднических предметов, но рассматриваются с новых сторон, имеющих современное значение, и потому очень интересны. Изложение простое и изящное.

Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев, более известный под именем Кронштадтского по месту своей службы, родился в 1829 г., сын причетника Архангельской епархии, окончил С.-Петербургскую Академию и до самой кончины в 1908 г. служил в Кронштадтском Андреевском соборе. Прославился на всю Россию и даже за границей как истинный пастырь Христовой Церкви, дерзновенный молитвенник и чудотворец, смелый и убежденный учитель христианской истины.

От него осталось очень много проповедей. Это безыскусственные беседы духовного отца с детьми, отличающиеся задушевностью и назидательностью.

Михаил, епископ Таврический (Михаил Грибановский), родился в Елатье, окончил С.-Петербургскую Духовную Академию, был профессором и инспектором ее, потом настоятелем посольской церкви в Афинах, в 1894 г. возведен в сан епископа Прилуцкого и умер в сане

епископа Таврического в 1898 г. Некоторые из его проповедей изданы сборником под названием: «Над Евангелием». Они совершенно чужды схоластики и проникнуты глубокой искренностью и одушевлением.

Певницкий Василий Феодорович, уроженец Владимирской губ. Состоял профессором гомилетики Киевской Духовной Академии. Его труд: «Церковное красноречие и его основные законы» — ценнейший вклад в гомилетическую науку. Скончался в 1911 году. Сам говорил проповеди, отличавшиеся простотой и безыскусственностью и вместе с тем силою убеждения.

Олесницкий Аким Алексеевич, родом волынец, окончил Киевскую Духовную Академию и был профессором церковной археологии. Проповеди профессоров Певницкого и Олесницкого произносились обыкновенно во время так называемых «пассий» и отличались современностью тем, глубиной мысли и живостью чувства, увлекали слушателей своим живым изложением.

Антоний, митрополит Киевский и Галицкий (Алексий Храповицкий), родился в 1864 г. в Новгородской губернии, окончил С.-Петербургскую Духовную Академию, был ее профессором и инспектором, потом ректором Московской и Казанской Духовных Академий. В 1897 г. возведен в сан епископа Чебоксарского, в 1900 назначен самостоятельным епископом Уфимским, а в 1902 г. переведен на Волынь, в 1912 г. возведен в сан архиепископа и назначен постоянным членом Синода. В 1913 г. получил от Казанской Академии степень доктора богословия. В 1914 г. переведен в Харьков. При выборах Всероссийского патриарха на Московском Церковном соборе в 1917 г. получил большинство голосов, но так как, по жребию, был избран митрополит Тихон, то он был возведен в сан митрополита Киевского и Галицкого. В 1920 году эмигрировал сначала в Грецию, потом поселился в Югославии, где до своей кончины в 1936 г. возглавлял Русскую Зарубежную Церковь, которая ему обязана своим существованием и своей организацией.

Проповеди он произносил обыкновенно экспромтом, а потому до нас дошла лишь меньшая часть их, занимающая 800 страниц второго тома его «Полного собрания сочинений». Главный предмет его проповедей - изображение нравственного величия и высоты христианских истин: они отражают его собственное высокое аскетическое настроение и отличаются оригинальностью приемов. Они совершенно безыскусственны и по живости приближаются к обыкновенной разговорной беседе. Проповеди его, как и все вообще сочинения, представляют выдающееся явление в современной богословской литературе.

Анастасий, архиепископ Воронежский, родился в Новгородской губернии, был сначала священником, потом принял монашество и возведен в епископа, с 1890 г. в Воронеже. Проповеди его в сборнике: «Слова и речи» отличаются современностью темы и увлекательностью изложения.

Владимир, митрополит Московский, потом Петербургский и затем Киевский (Василий Богоявленский), родился в Тамбовской губернии, окончил Киевскую Духовную Академию, был преподавателем семинарии, принял священство; овдовев, принял монашество и был рукоположен во епископа Старорусского, потом назначен епископом в Самару, где обратил на себя внимание отеческой заботой об удовлетворении нужд голодающих в 1892 г. В этом же году был переведен в Тифлис с возведением в сан экзарха Грузии. Здесь особенное внимание обратил на ведение духовенством внебогослужебных бесед и произнесение проповедей, причем сам являл собой пример неутомимого и красноречивого витии. В 1898 году был назначен митрополитом Московским и в качестве такового зарекомендовал себя как ревностный борец против разрушительных современных учений. В 1912 г. назначен митрополитом Петербургским, а в 1915 г. переведен на кафедру митрополита Киевского и Галицкого и там в январе 1918 г. был мученически убит большевиками, став «первомучеником» Российской Церкви в начавшийся период гонений на нее со стороны безбожников.

Протоиерей И. И. Восторгов, публицист-проповедник. Проповеди его отличаются жгучей современностью тем, оригинальным раскрытием их и краткостью изложения. Главная мысль: зиждительной силой русского государства является Православная вера и Церковь. Родился он в 1864 г. в семье священника Ставропольской епархии, окончил Ставропольскую Духовную семинарию, был учителем, принял священство, назначен законоучителем Ставропольской, затем Тифлисской гимназии, епархиальным миссионером Грузинского экзархата, положил начало присоединению несториан сирохалдеев и, наконец, был назначен сначала московским епархиальным миссионером, а затем синодальным миссионером-проповедником. В 1918 г. принял мученическую смерть от большевиков.

Феофан, архиепископ Полтавский и Переяславский (в мире Василий Быстров), родился в 1873 г., окончил С.-Петербургскую Академию и был в ней профессором, инспектором и ректором, магистр богословия. Потом был переведен епископом сначала Таврическим, потом Астраханским и, наконец, архиепископом Полтавским. В 1920 г. эмигрировал за границу: жил в Югославии и одно время замещал Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей, затем переехал в Болгарию (Софию), совершенно отошел от церковных дел, уехал во Францию, где жил и скончался почти затворником в 1940 году.

Строгий аскет и молитвенник, тонкий знаток святоотеческих творений, он был замечательным проповедником: от проповедей его веет духом свв. отцов первых веков христианства. Проповеди его частью изданы, частью сохранились только в рукописях у его почитателей.

Митрополит Анастасий (в мире Александр Грибановский), первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, родился в 1873 году в Тамбовской губернии, окончил Московскую Духовную Академию, в 1898 г. Принял монашество, в 1901 г. назначен ректором Московской семинарии с возведением в сан архимандрита, в 1906 г. возведен в сан епископа Серпуховского, причем при наречении произнес замечательную речь, в которой сильно и художественно начертал «путь истинного Христова пастырства» и в порыве вдохновенного прозрения предрек кровавые бедствия, постигшие Русскую Церковь в годы революции и большевизма. Духовный облик его сложился под влиянием московских святых и величавого образа митрополита Филарета. В 1914 г. получил назначение епископом Холмским и Люблинским, в 1916 г. - Кишиневским и вскоре возведен в сан архиепископа. Принимал деятельное участие в Московском Церковном Соборе 1917—1918 гг. и был одним из кандидатов в патриархи. В 1920 г. эмигрировал, возглавил в Константинополе Русский Комитет, с 1925 по 1935 г. провел в Иерусалиме в качестве наблюдающего Российской Духовной Миссии. В 1936 г., после кончины митрополита Антония, уже в сане митрополита возглавил Русскую Зарубежную Церковь. В 1944 г. переехал с Синодом сначала в Вену, потом в Мюнхен, а в 1950 г. в Северо-Американские Соединенные Штаты, где поселился сначала в «Новой Коренной Пустыни» в Магопаке, а потом, с 1952 г., в Нью-Йорке. В 1956 г. отпраздновал весьма редкий юбилей — 50-летие своего архиерейского служения.

Необычайно даровитый проповедник в стиле митрополита Московского Филарета. Прекраснейшие из его проповедей вошли в сборник, изданный в 1948 г. по случаю 50-летия его священнослужения, многие другие были напечатаны в газете «Православная Русь», журнале «Церковная Жизнь» и других изданиях. Неустанно произносящий проповеди каждый воскресный день и каждый великий праздник, он является подлинным церковным витией. Проповеди его отличаются необыкновенно увлекательным содержанием, вдохновенным чувством, всегда им присущим, и тщательной высокохудожественной отделкой формы.